

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 39 СЕНТЯБРЬ 1985

НА ЗЕМЛЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ КОНЦЕРТ

АВТОГРАФЫ ВИКТОРА ГЮГО

ВОКЗАЛ ПРИ РЕСТОРАНЕ

Новое Вельяминово.

Семья Филатовых.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 39 (3036)

21—28 СЕНТЯБРЯ

наш образ жизни

ОБН

Диспетчер Татьяна Семенова.

Таких домов будет больше!..

Золотая осень.

ОВЛЕНИЕ

См. стр. 4—5.

Во время встречи. Фото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА С ДЕЛЕГАЦИЕЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ЯПОНИИ

16 сентября Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев принял в Кремле делегацию Социалистической партии Японии во главе с председателем Центрального исполнительного комитета этой партии М. Исибаси.

В беседе, проходившей в теплой, дружественной обстановке, М. С. Горбачев информировал о деятельности КПСС, советского народа, направленной на более полное использование потенциала социализма, на ускорение социально-экономического развития страны. Наши планы на будущее ориентированы на мирную обстановку и международное сотрудничество, сказал он. Иначе и не может быть, учитывая гигантские внутренние задачи, стоящие перед советским народом, и характер нашего общественного строя.

Было обращено внимание на продолжающееся обострение международной обстановки.

Обе стороны высказались против планов переноса гонки вооружений в космос. Милитаризация космоса, подчеркнул М. С. Горбачев, означала бы новый, еще более опасный виток гонки вооружений, увеличила бы угрозу войны.

Состоялся обстоятельный обмен мнениями о путях обеспечения мира и стабильности в Азии и на Тихом океане. М. С. Горбачев и М. Исибаси отметили желательность в той или иной форме объединить усилия стран этого обширного региона, независимо от их общественного строя, с целью его превращения в зону мира и равноправного сотрудничества.

М. С. Горбачев и М. Исибаси выразили взаимное удовлетворение существующими между КПСС и СПЯ связями, способствующими углублению взаимопонимания между народами СССР и Японии. Они высказались за их дальнейшее развитие и совершенствование, за сотрудничество двух партий, прежде всего в вопросах мира и безопасности.

ЗА ЕДИНСТВО СИЛ МИРА

С 5 по 7 сентября в Хабаровске проходила Международная конференция «40 лет победы над японским милитаризмом и задачи движения за мир в странах Азии и Тихого океана». В ее работе приняли участие видные общественно-политические деятели из 34 зарубежных стран, делегации ряда международных организаций, ветераны Великой Отечественной войны, представители советской общественности.

Открывая конференцию, первый заместитель председателя Советского комитета солидарности стран Азии и Африки А. С. Дзасохов подчеркнул, что она является одним из крупных форумов международной общественности, посвященных событию всемирно-исторического значения — 40-летию разгрома гитлеровского фашизма и японского милитаризма, победоносного завершения второй мировой войны.

С большим вниманием встретили участники конференции приветствие Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. Текст приветствия огласил член ЦК КПСС, первый секретарь Хабаровского крайкома КПСС А. К. Черный.

Перед участниками конференции выступил заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР В. П. Орлов.

Участники конференции проанализировали современное политическое положение в Азии, единодушно констатировав необходимость укрепления усилий и действий всех антиимпериалистических сил, всех миролюбивых народов Азии и Тихоокеанского региона для предотвращения опасности ядерной войны.

С. ВЫДРИН

На снимке: антивоенное шествие жителей Хабаровска и делегатов конференции.

Фото В. Рясина

НЕ УСТАЕМ ИСКАТЬ РЕЗЕРВЫ

бережливость: разные аспекты

Начальник авиационно-технической базы Александр Павлович Дубинин ведет меня в ангар. Гараж из бетона и стекла так велик, что современный большой самолет укрывается в нем от ветров, дождей и зимней стужи и притом отнюдь не в единственном числе.

Самолет ИЛ-62М недавно прибыл из Анадыря на техническое обслуживание. И теперь тысячи его узлов, деталей и механизмов подлежат тщательной проверке. Открыты люки, подняты капоты, там и тут приставлены стремянки, налеплены датчики, наверняка самолет надолго попал в чуткие руки ремонтников. А Александр Павлович говорит, что уже завтра ранним утром этот лайнер вылетит в Москву.

Признаться, я засомневался: еще лет пять назад отзывались далеко не лестно о Хабаровском аэропорте,— по техническим причинам рейсы задерживались, машины долго простаивали на техосмотре. А тут уже завтра вылет.

— В чем же причина такого улучшения?— спрашиваю Дубинина.

— Причин много, но главное — стали лучше работать люди.

Производственная дисциплина и технический прогресс — вот за счет чего, по его мнению, во многом

— Меня радуют наши люди,— говорит Александр Павлович.— Они живут интересами производства, гордятся своими делами. Мы научились ценить рабочее время. В специальном табеле отмечается, кто как сработал. Не забываем и гласность. Сделанное во всеуслышание замечание виновнику плохой работы подчас действует сильнее выговора. Многое мы изменили и в самой технологии обслуживания самолетов. Если раньше осмотр механизмов в хвостовой части ИЛ-62 и ТУ-154 проводился со специального подъемника и работать в люльке мог только один специалист, а другие ждали своей очереди, то теперь в дело пошли специальные мостки. По нашим чертежам хабаровские судостроители сделали одиннадцатиметровый доковый портал с просторными площадками на трех уровнях; это позволило работать всем специалистам одновременно. Сэкономлена уйма времени. Вроде бы мелочь, а польза какая!

— Александр Павлович, а в других аэропортах, у ваших соседей, есть такие приспособления?

— Недавно в Иркутске рассказал про нашу новинку, но там не прониклись, продолжают работать по старинке.

Экономить рабочее время, государственный рубль стало на Хабаровской авиационно-технической базе законом. Только в последнее время здесь внедрено около двухсот рационализаторских предложений. Экономический эффект в 800 тысяч рублей дало переоборудование пассажирского салона на ТУ-154. Инженерная группа внедрила в цехе стенд проверки автоматических систем управления непосредственно на самолете. Специалисты получили возможность устранять замечания летчиков, не снимая приборов с машины. Впервые в Аэрофлоте здесь внедрена установка по консервации и реконструкции двигателей Д—30КУ не на самолете, как делалось раньше и делается на других предприятиях, а в условиях цеха. Это новшество позволило отказаться от услуг многих специалистов.

Они работают вместе, отец и сын Рудь.

го раз сократились простои самолетов. При этом объем работ возрос на 21 процент, а численность личного состава сократилась на 60 человек.

Конечно же, не на блюдечке с голубой каемочкой подносилось это коллективу авиационно-технической базы. Заслуга в сегодняшних достижениях прежде всего самого Дубинина. Более четверти века работает Александр Павлович на предприятии. Начинал авиатехником. Заочно окончил институт. Четыре года назад стал начальником и... сторонником бригадного подряда. Его предложение — по бригадной форме организации труда на авиационных базах — одобрено кафедрой Киевского института инженеров гражданской авиации.

Новшество сразу дало положительные результаты: заметно возросло качество ремонта самолетов, более быстро и качественно проводится техобслуживание.

Пока я был в ангаре, разговаривал с авиатехниками, убедился, что поиск резервов на АТБ продолжается. Об этом сказал мне и авиатехник Геннадий Кириллович Рудь, всеми уважаемый человек, орденоносец, ветеран производства:

— Из малых крупиц складывается экономия. И мы не перестаем их искать.

К. ВЛАДИМИРОВ

Фото автора

Экипаж космического корабля «Союз Т-14»: командир экипажа Владимир Владимирович Васютин, бортинженер летчик-космонавт СССР дважды Герой Советского Союза Георгий Михайлович Гречко и космонавт-исследователь Александр Александрович Волков на Красной площади перед полетом.

Фото А Пушкарева (ТАСС)

ЕЩЕ ОДИН ЭКИПАЖ В КОСМОСЕ

В соответствии с программой исследования космического пространства 17 сентября 1985 года в 16 часов 39 минут московского времени в Советском Союзе осуществлен запуск космического корабля «Союз Т-14», пилотируемого экипажем в составе командира корабля подполковника Васютина Владимира Владимировича, бортинженера дважды Героя Советского Союза летчика-космонавта СССР Гречко Георгия Михайловича и космонавта-исследователя подполковника Волкова Александра Александровича.

Программа полета предусматривает стыковку корабля «Союз Т-14» с орбитальным комплексом «Салют-7» — «Союз Т-13». Космонавтам Васютину, Гречко и Волкову предстоит выполнить на борту комплекса научно-технические исследования и эксперименты совместно с товарищами Джанибековым и Савиных, работающими на околоземной орбите с 6 июня 1985 года.

Бортовые системы корабля «Союз Т-14» функционируют нормально. Самочувствие товарищей Васютина, Гречко и Волкова хорошее.

Экипаж приступил к выполнению программы полета.

СООБЩЕНИЕ ТАСС

На «приусадебном» участке.

ОБНОВЛЕНИЕ

Н. БЫКОВ,
фото И. ТУНКЕЛЯ

См. II обл.

Подмосковье за Домодедовом. Все, как у Тургенева: утро туманное, утро седое. Скоро октябрь. А вот нивы не печальные, отнюдь. Земля дышит глубоко, ровно. Дали просветленные, умиротворенные. Зерно давно обмолочено, вывезено сверх меры. Кормозаготовители кончают с кукурузой; озимые взошли, картофель выбран почти, очередь за свеклой...

Коллектив домодедовского совхоза «Повадинский» известен в столичной области и делами своими, и особым умением мыслить стратегически, с дерзкой попыткой предвидеть будущее. Как жить люди будут, как работать? Какие будут тогда поля? Какие дома, сельские улицы?.. Совхоз переживает, если так можно сказать о многосложном организме хозяйства, совершеннолетие. Ему только двадцать два года. Сильный, звыверенный разбег. «Повадинский» отпочковался от хозяйства, порожденного гигантоманией, практически неуправляемого. Собственно, становление было и трудным, и долгим. Но уже девятая и десятая пятилетки были прожиты осознанно: стала очевидной модель подмосковного хозяйства. Десять тысяч гектаров земли! Десятка два деревенек, и не за дальними лесами промышленные очаги — мощные магниты, улавливающие всех работящих да смекалистых... А Москва? Вот она, рядом, сильно манит. Но теперь уже можно и в прошедшем времени — манила. Подмосковное хозяйство — это научно перекроенное землепользование, это молочная индустрия, максимально насыщенная механизация взамен былых рук и обязательно новые поселки, можно сказать, городского типа: московская квартира в селе.

Перестройка и обустройство подмосковных поселков — и нужда, и знамение времени. Теперь и «неперспективные» зажили, как люди, обретя перспективу экономического развития. Каждое из четырех отделений совхоза имеет центр — обновленное село-поселок. В каждом таком обновленном поселке на вырост — в Голубине, Косине, Щеглятьеве и тем более на центральной усадьбе, в новом Вельяминове,— есть архитектурно организованный центр. Белокаменная новинка. Тут и административные здания, и магазин с окнами витринного стекла, и амбулатория (дом здоровья), и детский сад, и, конечно, школа. И пруд обязательно. Амбулатория и миниатюрная школа с непременным жильем для врача и учителя — так удобнее и привлекательнее для молодых специалистов. К слову, начальные школы ожили даже там, где их позакрывали лет десять назад из-за отсутствия учеников,— рожать-то некому было. Жить стали лучше, деревни обрели статус поселков, и дети поднялись, пошли, как грибы, и постепенно, не сразу заполонили небольшие, вполне современные, уютные классы в малых школах. Но это к слову, а речь пойдет о том, как удалось вот так заметно много сделать в «Повадинском».

...Делегация за делегацией. Приезжают и издалека, чтобы увидеть центральную усадьбу совхоза. Ее заложили, построили и строят (все время строят) смежно со старым селом Вельяминовом. Старое остается на месте, да уже не смотрится, хотя всегда славилось как место дачное, даже было популярным. И сейчас дачники гнездятся в неказистых на вид избах, укрытых садами, а основные работники совхоза охотно переселились в многоэтажные дома, а в последнее время в коттеджи нового Вельяминова. Рядом. Здесь привлекательный, прямо как на картинке, поселок, асфальт — дороги и тротуары, каменные плиты площади, фабричные дома — на семью, на две (Домодедовский завод поставляет), газоны стрижены, уличные фонари и те, как в кино. Скажете, «показушная» деревня? Да вроде нет, таких поселков в Домодедовском районе уже семь строят. Есть они в Серебряно-Прудском районе, и в Наро-Фоминском, и в Дмитровском...

Поселок спланировали на бросовых землях. Домики рассыпали картинно по берегам речки Рябинки. О ней только старожилы помнят, Куклины да Назаровы. Конечно, поработали тут немало мелиораторы, и не один год. Территорию землеустроители грамотно спланировали, а по всему руслу Рябинки накопили каскад прудов. Через пруды там и сям перекинули игриво выгнутые мосты. Дуги-радуги расписные. А под мостами лебеди живые. Закупили и пустили. Не знаю, как зимой, а сейчас лебеди очень смотрятся, особенно утром, в дыхании туманном. На воде кормушки-избушки. А на берегу новые, в селе невиданной архитектуры здания, столовая, почта, гостиница и те самые дома работников совхоза, о которых пишут «типа коттедж». Так вроде красивее, современнее. Но дома и вправду хороши. Не избе чета.

Совхоз строился и строится потому, что укрепил экономику. Развивал он ее именно с целью наладить жизнь в краю одряхлевших деревень, оставшихся почти без работников. Места тут привольные, очень красивые, граничат совхозные земли с чеховским Мелиховым. Беда всегда была в том, что низинные эти места держали подолгу воду, травам-то благодать, но ни пройти, ни проехать, и строиться было плохо, а земледелие считалось невыгодным, урожай зерновых лет двадцать назад никак не мог превысить десяти — двенадцати центнеров. И личных своих хозяйств со временем совсем не стало, коров пригласили продать, участки отрезали, огороды переадресовали в дальние поля, а людей поселили в пятиэтажках. Хороши, как в городе. А клубнику у дачников московских покупали.

В этом году намолотили на круг тридцать центнеров зерна с гектара. Мало, говорят. Дожди в июле забили хлеб. А «круг» немалый — 2650 гектаров. Само собой, все земли мелиорированы. Хлебная пятилетка выполнена с лихвой. Взялись за молочную индустрию. Многолетние травы заняли не меньше, чем злаки. Вообще под кормовыми культурами здесь дошлые хозяева держат более половины пашни: травы, кукуруза, свекла... И это умно. В совхозе много скота, несколько молочных комплексов — новых. И старую ферму в Косине реконструировали. Так вот корма, бывшие проблемой, теперь свои, совхозные! Если от государства и получают концентраты, то лишь ради лакомства коровам, которые без него неохотно идут на мехдойку...

Секретарь парторганизации Раиса Ермолаевна Назарова рассказала о тех, чьими руками, чьими стараниями все здесь сделано и делается. О людях заботятся не на словах, и только поэтому неперспективное обернулось перспективным. С отдачей работают люди, и Раиса Ермолаевна с любовью называла лучших, как она сказала, гвардейцев пятилетки:

— Анатолий Алексеевич Куклин — знаменитый наш звеньевой, занимается картофелем. Местный, мы этим дорожим, сын учителя, погибшего на фронте... Запишите звеньевого Юрия Алексеевича Миронова, отличный кукурузовод. А у нас кукуруза дает стабильные урожаи. И в этом году не подвел Юрий Алексеевич, хотя год был «некукурузный», дожди холодные замучили. У него и наследник достойный, сын Саша. Сноха Люба тоже наша, здесь школу окончила, а теперь возглавила работу в Доме школьника, дворец не дворец, но прекрасный терем, где каждый мальчик и каждая девочка находят себе дело по вкусу, по своим наклонностям.

И еще одна новинка: семейный клуб «Иван да Марья». Он поселился в помещении бывших мастерских, которые были когда-то в быв-

шей церкви. Вот такая эволюция. Семейный клуб — уютное, прекрасно оформленное место встреч молодоженов, здесь и свадьбы играют, здесь всегда празднично, много света и музыки. Деревне, если даже она обновленная, такой очаг очень нужен. Что ни говори, а Дворцы культуры при всей их помпезности не везде стали местом задушевных встреч, современных посиделок.

Кстати, в старых, тесных мастерских, ныне переселившихся в специально оборудованные корпуса, когда-то слесарил Александр Маркович Буянов — директор совхоза «Повадинский». Много работал, учился. Человек уважаемый, знающий, жадный до конкретных свершений, занял он место в огромном кабинете на втором этаже нового административного здания (к нему никак не идет слово «контора»). Чем новый директор объясняет тягу к всемерному обновлению полей, поселков, самой жизни? Александр Маркович ответил с ходу, высказал, видно, давно продуманное:

— Хорошо жить и прежде хотели. Сейчас благие намерения получили как бы материально-техническую поддержку. Я по образованию инженер, и у меня мышление соответствующее. Экономика без людей остается мечтой, расчетом. Современная экономика требует и от земледелия, и от животноводства технического оснащения и, главное, технологической дисциплины. Там, где люди одушевили своей заинтересованностью, своим профессиональным мастерством экономические схемы, там сразу по иному жизнь зазвучала. А земля слухом полнится. «Романтики», искавшие счастья на стороне, например, в Москве, повернулись лицом к родной деревне, стали возвращаться. Иной год до двух тысяч писем получаем с просьбой принять в совхоз!..

Что же определяет выбор человека?

— Условия жизни,—ответил Александр Маркович.— Жилье. А у нас, сами видите, поселок самый современный. Далее—оплата. Третье — моральное удовлетворение от сделанного выбора, от характера работы. Уважение нужно человеку. И мы оберегаем достоинство наших работников. Ну, и, наконец, условия труда, степень механизации, режим рабочего дня, работа не в тягость...

В совхозе «Повадинский» стараются выполнять все четыре условия. Человеку дают дом (коттедж) или квартиру. Дом держит любого, как якорь. Дом, можно сказать, современный особняк, стоит немалых денег. Половину оплачивает совхоз, а половину — хозяин дома, который вносит ежемесячную квартплату. Дом на выкуп дается. Только достойным. Через 25 лет дом становится личной собственностью. Есть смысл — и сам как человек живешь, и дети останутся здесь жить. В совхозе скоро будет без малого сто коттеджей. Сейчас их сорок шесть, но тут строят, строят...

Что касается оплаты труда, то в совхозе она достаточно высокая. Среднемесячный заработок каждого в прошлом году составил 230 рублей. Механизаторы и животноводы зарабатывают в полтора—два раза больше. Кстати, у животноводов решительным образом изменился характер труда. Работают в халатах, многое за людей делают машины. Самая главная перемена в том, что отныне доярки трудятся в две смены. Бывало, на ферму автобусом возили трижды в день... А теперь? Приехала доярка, задала лакомого комбикорма, выдоила одну за другой коров, всю группу — и домой. Рабочая смена закончилась. Теперь чего не жить! А все оттого, что ежегодная прибыль в совхозе составляет миллион — полтора миллиона рублей, а то и побольше.

И снова Раиса Ермолаевна, партийный секретарь, называет фамилии лучших:

— Славу совхозу делают они, а не я да директор... Семья Филатовых, шесть человек — все работают в совхозе, и дедушка тоже. Доярка Нина Емельяновна Болотова — четырехтысячница. Комбайнер Петр Горбунов, он приветствие от космонавтов получил, имеет вымпел ЦК ВЛКСМ «Золотой колос». Еще семья Пановых, эти горожане, а вот ведь как прижились, как нужны оказались совхозу, Валерий — мастер по контрольно-измерительным приборам, вся автоматика его, а Надя, Надежда Николаевна,— специалист, заведует газовой котельной. Вернулась в совхоз Светлана Мудрак, да как — с мужем! Наша гордость и Катя Трубкина, депутат горсовета. Из школы по комсомольской путевке пришла доярка Люба Телегина, мы недавно ее приняли кандидатом в члены партии, а рядом с ней коммунистка Зина Злобина. Много, много работящих, скромных, душевных людей!.. Совсем другая жизнь настала.

Они тут живут. Они тут работают по-новому, потому что новой стала древняя подмосковная земля, ее поля.

Поговорить об урожае с мастером-картофелеводом Анатолием Алексеевичем Куклиным приехал директор совхоза Александр Маркович Буянов.

Белые лебеди — тоже украшение села.

Учатся доильному мастерству.

НАС ВОСПИТЫВАЕТ РОДИНА

Владимир КРУПИН

Когда я стал ощущать себя гражданином Отечества? Наверное, в армии. Уже после того, как принял присягу, после первой поездки в Москву на Красную площадь. Площадь показалась до обидного маленькой, ведь с ней было связано столько необъятного: наша гордость Родиной, наша история, совсем недавний по времени парад 41-го года. Мы сфотографировались дважды — у Мавзолея и на фоне Кремля. Сейчас смотрю на фотографию, на нашу курсантскую батарею — какие молоденькие! Но именно в этот день мы произнесли клятву верности своему государству. И в тот же день, к вечеру, я впервые в жизни заступил часовым на пост. Все было настоящее: и СКС (десятизарядный карабин), и патроны, и пост — огромный склад государственного имущества. Это была первая ночь в армии, когда я не спал. Я сориентировался по Большой Медведице и всем сердцем тянулся на восток, на родину, в свою милую Вятку. И еще зорче вглядывался в окружающее пространство, еще крепче стискивал горячий от моих рук приклад карабина. И было такое ощущение, что именно оттого, что я стою на посту, спокойно и в мире, и на моей родине.

Именно моя родина, мои деды, мои родители, мои учителя привили мне чувство принадлежности к народу. Без громких слов, одной своей праведной жизнью, своим примером они показали то, что выражено знаменитой фразой Андрея Платонова, сказанной от имени простого человека: «...без меня народ неполный».

А какая тогда была послевоенная нищета! Семья наша жила бедно, но у нас все-таки была корова, спасала, а у многих и козы не было. Мальчишками мы собирали подписи под Стокгольмским воззванием мира, обходили все улицы нашего огромного села. Соломенные крыши, упавшие изгороди, голодная скотина, усталые люди: вдовы, сироты. Теперь кажется, что, расписывайся они не на бумаге, а на камне, и камень бы стал воском, потому что рукой водило горе нечеловеческой тяжести. Неграмотные старухи ставили вместо подписи кресты и старались хоть чем-то угостить нас. Потом мы шли еще и по задворкам, ведь люди жили не только в домах, но и в банях. Чернила наши были красные, из свекольного сока, одежонка наша была худа, в лаптях мы были, но вспоминается это не оттого, что хочется запоздало себя пожалеть, нет, напротив, вспоминаю это сейчас с благодарностью: мы верили, что наша работа спасет мир от войны. И так и сбылось!

«Ты веками непонятна чужеземным мудрецам», — поется в песне о России. А кажется, что нет ничего проще, чтоб понять нас, нашу готовность помочь обездоленным, нашу многократно доказанную способность отдать последнее, оторвать от себя кусок, чтоб накормить голодного; какой нам расчет, какая корысть от этого. Помню, как поразило, когда я увидел зарубежный фильм, еще черно-белый, фильм простенький, комедия с переодеваниями и танцульками, каких пруд пруди, но дело в том, что фильм снимался в год, когда шла самая страшная из всех войн на планете, когда ежедневно сообщалось о тысячах убитых и смертельно раненных. Разве б могли мы так поступить, то есть пробавляться бездумным весельем, когда рядом не просто горе, а вселенская схватка света и тьмы, культуры и варварства?!

Бывавшие за границей знают, как на расстоянии особенно остро думаешь о своем доме, о своей стране. И вовсе не надо объезжать весь земной шар, чтобы увидеть различия между системами социализма и капитализма. И думается, что если бы на нашу планету был заброшен жить здравомыслящий, беспристрастный человек, озабоченный лишь тем, чтобы не зря прожить жизнь, он бы выбрал социализм. Почему?

Жизнь в идеале дается для того, чтобы каждый состоялся как личность, развил данные от природы способности. А так как каждый рождается как единственный вариант из тысяч возможных, то он и рождается природой для каких-то свершений. И какая же система дает лучшие условия для проявления талантов? Причем обе системы называют себя демократическими. Такой вопрос я задавал и своим ученикам, и студентам. И — радуйтесь, идеологи капитала, — некоторые считали, что на Западе лучше. Почему? Одни дальше лакированных рекламных изданий, наклеек на заднем месте брюк, красивой жизни, показываемой в кассовых прокатных фильмах, не шли. Другие, слушающие западные радиостанции, ратовали за свободное предпринимательство.

«Нет, — убежденно отвечал я, — там, где во главу угла ставится превыше всего частная собственность, расчет, деньги, там тупик для человека: его способности будут обслуживать собственность и гонку за доходом. Он будет считать доблестью устранение с пути конкурента, бросание под колеса связей с теми людьми, которые более не нужны для его дела. При капитализме люди труднее сплачиваются, они чужие друг другу.

МИР КАПИТАЛА: НА ОСТРИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

Фото АП — ТАСС, газеты «Юманите»

1

Десятки тысяч бездомных Нью-Йорка бродят по улицам, переполняют временные убежища, которые дают им пищу и кров на ночь. Еще четверть миллиона горожан, главным образом престарелых, находятся на грани того, чтобы лишиться крова, поскольку оплачивать даже самое убогое жилище им становится не по карману.

Что ждет их в будущем? Ничего, кроме тягот бездомной жизни и крайней степени отчаяния.

На снимке: уже немолодой житель Нью-Йорка вынужден коротать ночь у наглухо закрытых дверей одного из домов. Тепло, проникающее из щели под дверью, немного его согревает.

2

Число безработных во Франции выросло за 1984 год более чем на 13 процентов и достигло 2,5 миллиона человек. Резкий рост армии «лишних людей» вызван продолжающимся спадом во французской экономике, а также проводимой правительством политикой «жесткой экономии». Она предусматривает, в частности, перестройку и модернизацию таких важных отраслей национальной

1

2

Коллективы и общества людей по работе, по месту жительства, по интересам у них существуют, но так, чтоб бескорыстие было правилом, чтоб бедность не считалась пороком, любовь не ущемлялась расчетом,— этого нет. У нас нет того, чтоб дети платили долги родителям за воспитание и образование, чтобы юноша и девушка откладывали свадьбу на несколько лет из-за отсутствия средств, чтобы боялись заболеть, боялись старости, боялись потерять работу или, хуже того, совсем не найти ее».

А нынче весной при посещении одной известной книгоиздательской фирмы слушал рассказ о ее основателе. «Уже в школьные годы он проявил себя предпринимателем, он выпрашивал игрушки у одних школьных товарищей и продавал эти игрушки другим товарищам». Этот факт был преподнесен как достоинство основателя фирмы. Копя деньги, он не мог позволить себе рано жениться, зато уже в двадцать пять лет купил у своего отца типографию. Далее шел рассказ о первых шагах фирмы. Шаги были энергичными. «Простите,— спросил я,— а куда делся отец?» Вопрос мой очень не понравился нынешним владельцам фирмы. «О, отец работал у сына конторщиком и был похоронен за счет фирмы».

Конечно, частное предпринимательство и конкуренция по оперативности отклика на спрос пока что опережают нас. Холодильники, машины, упаковка товаров улучшаются непрерывно, но дорожают. И это происходит за счет покупателя. Это тоже своеобразная гонка, подхлестываемая игрой на честолюбии и престижности обладания новой моделью. Но без вещей можно прожить, а без еды никак. Именно сюда направлены во многом наши усилия, на выполнение Продовольственной программы нашей огромной страны. И дело идет к лучшему. Если тем более представить, до чего нас довела война и неуклюжие попытки найти быстрое излечение тяжелой болезни.

Сила народного духа нашего государства в его честности, в умении говорить правду во всеуслышание, как ни горька была б она иногда. И в этом тоже легко проявляется сопоставление с идеологией капитала. Например, западные радиостанции (а ведь знали!) никогда не говорили о такой нелегкой нашей проблеме, как проблема пьянства. Знали и, значит, радовались, что пьянство растет, рождаются неполноценные дети, рушатся судьбы. И вот мы открыто заявили об этой проблеме и борьбе с нею. И что же? Каковы были отклики западной печати? Они во всеуслышание стали жалеть наших самогонщиков.

Мы не скрываем свои проблемы. Нам больно оттого, что у нас еще есть плохие дороги, не все пока обеспечены хорошим жильем,(но бездомных нет давно); что у нас отмечаются слабости в снабжении и торговле, что молодая семья наша еще не всегда так крепка, как хочется. Но наши недочеты мы не сваливаем на других. И не учим других жить. В этом тоже демократизм нашего строя, его истинная народность. Именно народность воспитывает и взращивает нас, делает гражданами и защитниками подлинного демократического государства.

...Мы потихоньку стареем, дети быстро растут, события личной жизни уходят в прошлое, но события, связанные с историей страны, всегда с нами. С нами наше «Слово о полку Игореве», с нами победы на Куликовом и Бородинском полях, на Чудском озере и под Полтавой, на Курской дуге и под Сталинградом, с нами наши горечи и беды, с нами наши прозрения и ожидания, с нами наше желание работать во славу Отечества.

экономики, как сталелитейная, угледобывающая, судостроительная и автомобилестроительная. Предполагается, что в результате одной только этой перестройки во Франции будет ликвидировано 75 тысяч рабочих мест.

В то же время правительство предоставило ряд новых льгот частному капиталу, что одновременно привело к снижению реальной заработной платы трудящихся...

По призыву профсоюзов трудовая Франция выходит на улицы, чтобы выразить протест против такой политики.

Н а с н и м к е: во время демонстрации в городе Мюлузе.

3

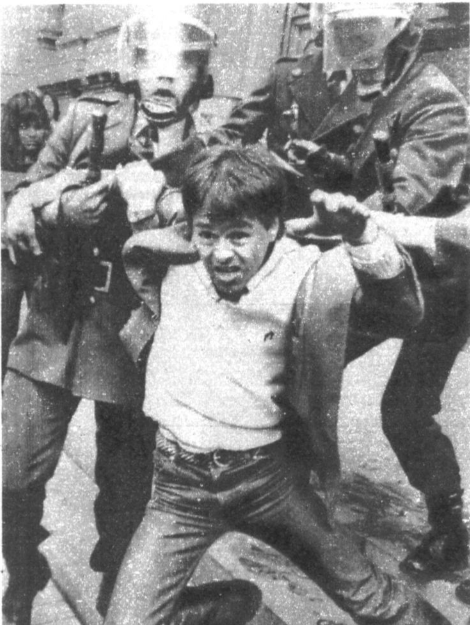
Полицейские дубинки и пули в ответ на законные требования трудового народа Чили — таковы сегодняшние реалии жизни в этой стране.

Методы, которые применяет военная фашистская хунта, не претерпели никаких изменений со времен кровавого путча в сентябре 1973 года. Правда, на улицах нет танков и не пролетают на бреющем полете боевые самолеты. Но, думается, за этим у палачей дело не станет.

Н а с н и м к е: такая сцена не редкость на улицах Сантьяго.

3

ГЕНЕРАЛ АРМИИ

Алексей Алексеевич ЕПИШЕВ

15 сентября 1985 года после тяжелой, продолжительной болезни скончался выдающийся политический работник Советских Вооруженных Сил, член Центрального Комитета КПСС, депутат Верховного Совета СССР, Герой Советского Союза генерал армии Епишев Алексей Алексеевич.

Советский народ и его Вооруженные Силы понесли тяжелую утрату. Ушел из жизни верный сын Коммунистической партии, отдавший все свои силы, знания и многогранный опыт партийной и государственной работы делу укрепления обороны страны и ее защиты.

А. А. Епишев родился 19 мая 1908 года в городе Астрахани в семье рабочего. В пятнадцатилетнем возрасте начал трудовую деятельность. С 1926 года на комсомольской и партийной работе. В 1930 году А. А. Епишев был призван на действительную военную службу. После окончания Военной академии механизации и моторизации Красной Армии был направлен на ответственную партийную работу.

В 1938 году А. А. Епишев утвержден парторгом Центрального Комитета партии на заводе имени Коминтерна в городе Харькове, затем избран первым секретарем Коминтерновского райкома Коммунистической партии Украины, а в марте 1940 года — первым секретарем Харьковского областного и городского комитетов партии. С началом Великой Отечественной войны принимает непосредственное участие в мобилизации трудящихся на отпор врагу. После завершения работы по эвакуации промышленных предприятий города и области в восточные районы страны работает секретарем Нижне-Тагильского городского комитета партии, заместителем наркома среднего машиностроения. С 1943 года — в действующей армии. Во время исторической битвы на Волге он был уполномоченным Военного совета Сталинградского фронта. Будучи членом Военного совета армии, принимал активное участие в боях против немецко-фашистских захватчиков при освобождении Правобережной Украины, Польши и Чехословакии. В сложных боевых условиях проявил большие организаторские способности, личную отвагу и мужество. В боях был неоднократно ранен.

После окончания Великой Отечественной войны А. А. Епишев — секретарь Центрального Комитета Компартии Украины, заместитель министра государственной безопасности СССР, первый секретарь Одесского обкома партии. В 1955 году партия направляет его на ответственную дипломатическую работу — Чрезвычайным и Полномочным Послом СССР в Румынию, а затем — в Югославию.

В мае 1962 года А. А. Епишев был назначен начальником Главного политического управления Советской Армии и Военно-Морского Флота, и в течение более двадцати трех лет на этом ответственном посту он твердо и неуклонно проводил политику партии в Советских Вооруженных Силах, внес существенный вклад в обучение и воспитание их личного состава, повышение боевой готовности армии и флота.

Своей принципиальностью, деловитостью, взыскательностью к себе и подчиненным, близостью к людям он снискал глубокое уважение всех, кто его знал и с ним работал. В последнее время был на ответственной работе в Министерстве обороны.

А. А. Епишев принимал активное участие в общественно-политической жизни страны. Депутат Верховного Совета СССР многих созывов, член ЦК КПСС.

За выдающиеся заслуги перед Родиной генерал армии А. А. Епишев удостоен звания Героя Советского Союза, награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, четырьмя орденами Красного Знамени, орденом Богдана Хмельницкого I степени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Трудового Красного Знамени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» III степени и многими медалями. Он награжден также многими орденами и медалями иностранных государств.

Воины Вооруженных Сил СССР, советские люди навсегда сохранят в своей памяти светлый образ коммуниста, патриота-интернационалиста, выдающегося политработника Алексея Алексеевича Епишева.

М. С. Горбачев, Г. А. Алиев, В. И. Воротников, В. В. Гришин, А. А. Громыко, Д. А. Кунаев, Е. К. Лигачев, Н. И. Рыжков, М. С. Соломенцев, Н. А. Тихонов, В. М. Чебриков, Э. А. Шеварднадзе, В. В. Щербицкий, П. Н. Демичев, В. И. Долгих, В. В. Кузнецов, Б. Н. Пономарев, С. Л. Соколов, Б. Н. Ельцин, Л. Н. Зайков, М. В. Зимянин, И. В. Капитонов, В. П. Никонов, К. В. Русаков, Л. В. Смирнов, С. Ф. Ахромеев, В. Г. Куликов, В. И. Петров, А. Д. Лизичев, Н. И. Савинкин, Г. П. Разумовский, Ю. П. Максимов, Е. Ф. Ивановский, А. И. Колдунов, А. Н. Ефимов, С. Г. Горшков, В. Л. Говоров, С. К. Куркоткин, В. М. Шабанов, Н. Ф. Шестопалов, А. Т. Алтунин, И. Н. Шкадов, А. П. Ночевкин, Л. А. Бородин, В. М. Мишин, А. И. Сорокин, В. С. Нечаев, Д. А. Волкогонов, П. А. Горчаков, М. Д. Попков, Л. Л. Батехин, П. Н. Медведев, С. А. Бобылев, С. И. Руденко, А. П. Силантьев, С. П. Васягин, А. С. Желтов, Н. А. Начинкин, В. Н. Дутов.

Книги служат миру

16 сентября закрылась V Международная московская книжная выставка-ярмарка. Позади неделя напряженной работы, семь шумных и радостных дней знакомства со стендами стран-участниц, выбора книг, переговоров, уступок и споров — рынок есть рынок! — семь дней, слившихся в одну большую встречу книгоиздателей из ста стран мира и завершившихся подсчетами приобретений и вручением договоров представителям фирм и компаний.

Организованная Госкомиздатом СССР, Всесоюзным объединением «Международная книга» и Всесоюзным агентством по авторским правам, эта внушительная демонстрация 200 тысяч книжных новинок истекших двух лет, в которой приняли участие все издатели мира, согласные с девизом «Книга на службе мира и прогресса», стала полезной всем — и развивающимся странам, делающим первые шаги в полиграфии, и государствам, стоявшим у истоков книгопечатания. Итоги деловой части смотра говорят сами за себя: около 2800 экспортно-импортных контрактов подписано ВААП, «Международная книга» заключила сделок на 120 миллионов рублей, что на 20 миллионов больше, чем во время предыдущей выставки, в 1983 году. Заключено немало соглашений о совместном выпуске печатной продукции...

Предлагаем вниманию читателей фрагменты из интервью нашего корреспондента Ю. Новикова с зарубежными участниками ярмарки, каждый из которых говорил исходя из своего опыта и представлений, отразив уровень книгоиздательского дела в своей стране.

АГНЕШ СИРМАИ, директор экспозиции Венгрии:

— Хочу отметить новинки на нашем стенде: томик «Избранные речи» М. С. Горбачева, «Последние речи» А. А. Громыко, другие выступления видных деятелей международного коммунистического и рабочего движения. Не удивляйтесь, что мало книг для юношества—они были на специальной выставке к Московскому фестивалю молодежи и студентов. Там же было много литературы, посвященной 40-летию Победы над фашизмом. Не согласна с теми, кто не привез книги советских авторов в переводах на родной язык: ведь это результат контактов и договоров... Вы видите на нашем стенде книги Катаева, Симонова, Шукшина, прозу Кондратьева, стихи Евтушенко, Горбовского, Дмитриева... Рады, что привлекает наша детская литература — Мор Иокай, Фекете Иштван и другие... Спасибо за комплимент о дизайне нашей экспозиции, ее автор — художник «Хунгэкспо» Дьердь Ковач. Мы довольны контактами с «Международной книгой», заключили много контрактов...

КЕВИН МАКСВЕЛЛ, заместитель издателя фирмы «Пергамон пресс» (Оксфорд, Великобритания):

— Я отвечаю за программу развития новых журналов по технологии и компьютерам, а также отчасти книжную программу... Рад слышать, что «Огонек» уже писал о нашей фирме — брал интервью у моего отца, главы «Пергамон пресс», сам он не смог приехать... Традиция сотрудничества с вашими организациями продолжается. У нас соглашения с большим количеством советских издательств — «Наукой», «Экономикой» и другими. В 1985 году мы издаем 20 книг советских авторов, но контрактов гораздо больше. Здесь, на стенде, вы видите книги ваших авторов по теоретической физике, астрофизике, квантовой механике, книги Д. Гвишиани, Л. Ландау и другие. Плодотворны и наши контакты с авторами книг о шахматах, мы уже опубликовали работы многих известных шахматистов — А. Карпова, М. Ботвинника, В. Смыслова... Сейчас работаем над проектом совместного издания. Это будет книга о русской кухне. В книге «Даррелл в России», реклама которой у вас в руках, мы использовали фото ваших мастеров...

ИСАЙЯС ДЕМСИЕ, генеральный директор издательской фирмы «Кураз» (Аддис-Абеба, Эфиопия):

— «Кураз» — практически единственная наша издательская фирма, она существует шестой год. Это всеэфиопское партийное издательство, в первую очередь выпускающее литературу по актуальным вопросам нашего строительства, проблемам нашей борьбы. Опыт работы пока небольшой, и мощность тоже — в нынешнем бюджетном году в плане 30 названий книг. Нам очень помогают советские издательства, особенно «Прогресс» и «Радуга»; СССР — наш первый партнер и помощник. Соглашение с «Международной книгой» безупречно выполняется...

Революция породила много новых талантов, у нас говорят, что писатели растут как грибы. Но из-за наличия пока одной лишь издательской фирмы молодые авторы не находят еще достаточной поддержки. Они приносят рукописи, но наши возможности ограничены.

Пользуясь случаем, скажу, что ярмарка устроена на очень высоком уровне. Хотел бы выразить восхищение ее организацией. Эта ярмарка стала для нас трибуной, где мы смогли познакомиться с издателями социалистических стран, высказать свои пожелания друг другу, увидеть товарищей из издательств, с которыми сотрудничаем...

ФРЕД ФИЛИПП, первый вице-президент американской ассоциации «Бейкер и Тейлор» (Нью-Йорк):

— Впервые принимаем участие в московской ярмарке. Представляем 103 издательства. Здесь выставлено около двух тысяч их книг. Основная наша тематика — книги по искусству и издания для детей. Наш стенд популярен, уже многие издательства, в том числе советские, были у нас в гостях, состоялось подписание контрактов.

Ярмарка была прекрасно организована, и у нас нет никаких претензий, кроме одной: побольше бы площади, ведь мы готовили больше книг, в обороте у нас 10 тысяч названий. Конечно, были у нас, как у новичков, и свои трудности. Во-первых, нет-нет да и возникал языковой барьер, потом не всегда понятно было, «как-где-все» узнать — маловато информации. Единственная наша жалоба, пожалуй, относится к периоду подготовки: очень много всяких бумаг... Мы подписали 100 соглашений, обязательно приедем снова...

ВАН, директор Китайской международной книготорговой компании (Пекин):

— Китай второй раз участвует в выставке, экспозиция расширилась, и сейчас в ней 3,5 тысячи названий. В том числе 350 книг — произведения советских авторов, изданные в Китае за два последних года. Они пользуются большим спросом... У нас немало переводчиков, работающих редакторами в издательствах. Есть и другие, из числа молодежи, отдающей переводу свободное от работы время, есть и постарше — из поколения, учившегося в Советском Союзе. Количество сделок с советскими партнерами постоянно растет, будем и сейчас договариваться с «Международной книгой». Уверен, что это будет способствовать нашей дружбе...

ГЕРХАРД КУРТЦЕ, директор объединенной экспозиции «Гроссохаус Вегнер и К°» (Гамбург, ФРГ):

— В год в ФРГ выходит 60 тысяч названий книг, за два года, стало быть, их вышло 120 тысяч. Здесь новинки, вышедшие самое раннее 12—24 месяца назад. Всего мы представляем 80 издательств. Да, у нас есть книги о движении за мир в ФРГ... Думаю, что есть.

Здесь мы ведем переговоры с советскими книготорговыми фирмами. Намечено многое, и многое уже осуществлено. Что касается того, выгодно или невыгодно участвовать в ярмарке, то в целом с позиции нашего издательского объединения я скажу, что да, если же говорить об отдельных издательствах, то здесь картина различная. В общем, мы очень довольны, есть, правда, ощущение, что павильонов на этой ярмарке уже не хватает. Мы с радостью узнали, что следующая ярмарка должна проводиться в Экспоцентре, там более современные и просторные помещения, и надеемся, все мелкие организационные проблемы, имеющиеся здесь, там отпадут...

РОБЕРТО БОРРАНИ, заведующий отделом зарубежных связей фирмы «Джунти» (Флоренция, Италия):

— «Джунти» существует около ста лет, специализация — книги для детей, учебники, научно-популярная и факсимильная литература. Первые наши контакты с советскими партнерами относятся к началу 50-х годов, когда мы приступали к изданию научной книги Выготского по психологии. Вчера с «Искусством», «Внешторгиздатом» и ВААП мы продолжили переговоры о 20-томном каталоге по Эрмитажу. Текст, подготовленный директором Эрмитажа Пиотровским, переводится на итальянский, английский, китайский и японский языки. Два тома уже вышли, еще два в работе...

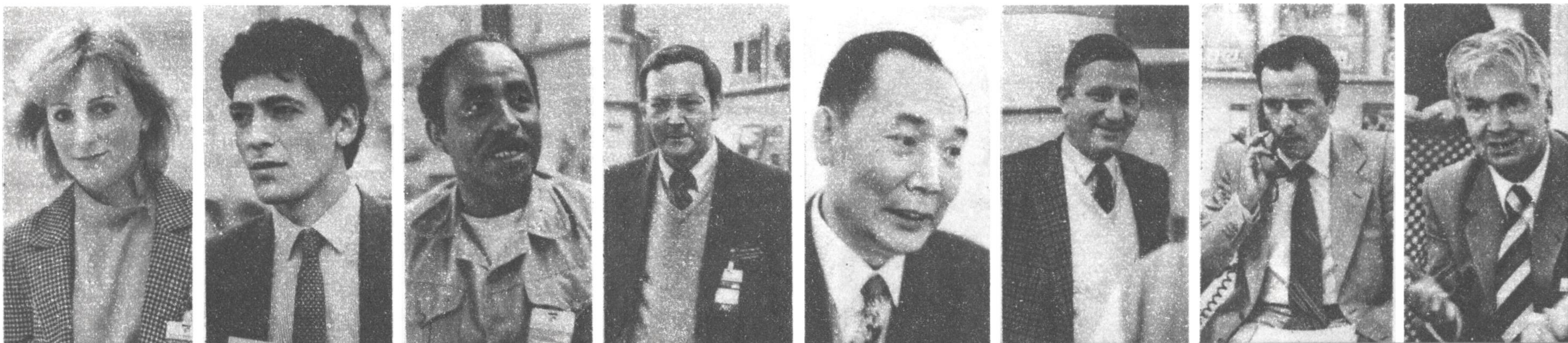
Книга Г. Троепольского «Белый Бим...» получила две премии в Италии, одна из них весьма почетна. Надеемся, что книги «Джунти» привлекут внимание переводчиков и издателей в СССР...

ЛЕО КОШУТ, директор издательства «Фольк унд Вельт», издающего зарубежную литературу на немецком языке (Берлин, ГДР):

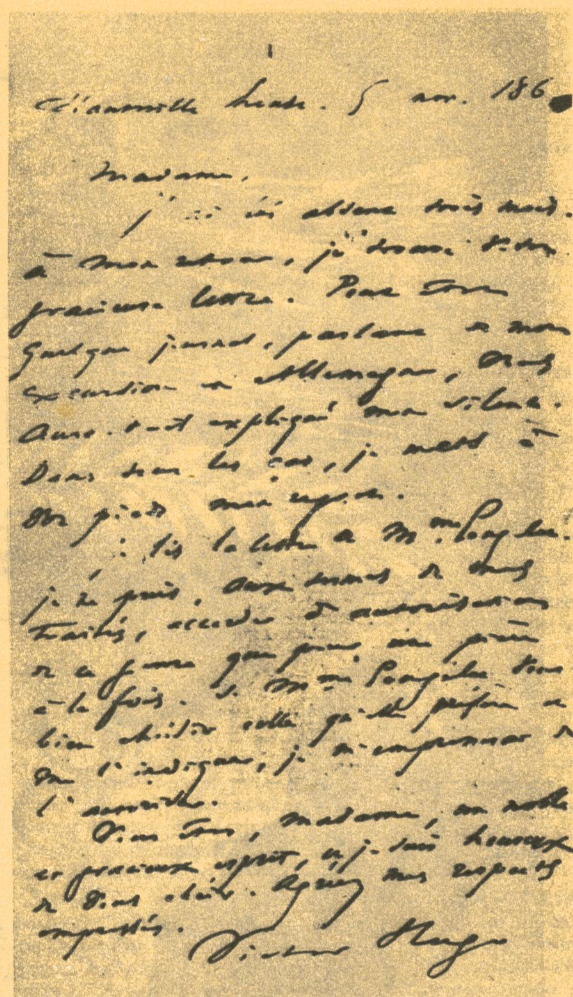
— Участвовать в этой ярмарке для нас не просто выгодно, но и необходимо: где еще я встречу столько издателей из ваших республик, столько писателей, с которыми у нас творческие контакты? Здесь мы занимаемся обменом только с советским разделом выставки. Но времени все равно не хватает, все уходит на деловые встречи, некогда пообедать, пропускаю обещанные звонки... Беда!.. В украинском «Радянському письменнике» мы говорили о повести В. Дрозда «Баллада о сластене», с эстонским «Ээсти Раамат» — о повестях Мари Саат и Юри Туулика... Впервые здесь я узнал о новой повести Чингиза Айтматова «Час поверий»... Обо всем нужно узнать, ничего не упустить... Всегда ждешь шедевров, ждешь нового слова в литературе, и состояния, при котором можно было бы сказать «хватит, больше не надо»,— такого никогда не будет!..

Фото А. БОЧИНИНА

«Познакомьтесь с новинками»,— предлагает Агнеш Сирмаи ✽ Заместителя издателя «Пергамон пресс» Кевина Максвелла интересуют книги советских ученых ✽ «Советский Союз — наш первый партнер и помощник»,— говорит Исайяс Демсие ✽ Фред Филипп думает уже о выставке 1987 года ✽ Ван, директор Китайской международной книготорговой компании, впервые приехал в Москву ✽ Герхард Куртце считает выгодным участие в книжной ярмарке ✽ У Роберто Боррани срочный разговор с Флоренцией ✽ Лео Кошуту из Берлина очень помогает знание русского языка.

Автографы Виктора Гюго

Письмо В. Гюго. Автограф. Публикуется впервые.

Владислав **КОЗЛОВ**

Год 1985-й во Франции официально объявлен Годом Виктора Гюго. В нашей стране книги великого французского писателя всегда пользовались огромной популярностью, но не только это связывало его с Россией. Сам Гюго внимательно следил за событиями на далекой крымской земле, где русские солдаты защищали свою страну от англо-французских захватчиков. Он осуждал милитаристский союз монархических правительств Англии и Франции против России и в ноябре 1854 года выступил против Крымской войны. Гюго общался с Герценом, написал для первого номера «Полярной звезды» статью и в дальнейшем вел с ним переписку. В 1863 году Гюго написал для «Колокола» воззвание к русским солдатам, которых царизм направил на подавление польских повстанцев.

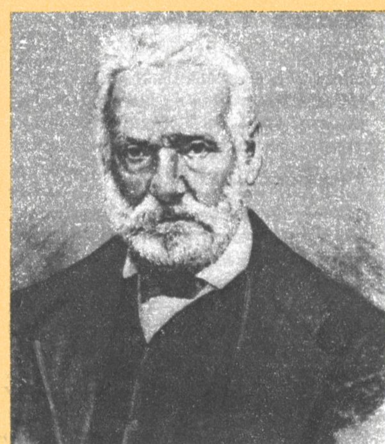
В статье «Виктор Гюго и его русские знакомства» академик М. П. Алексеев еще в 1937 году указал, что русский поэт середины XIX века Павел Козлов привез автографы Гюго в Россию, и они сохранились в альбоме его жены О. А. Козловой.

Автограф стихотворения Гюго «Песня» («Chanson»), включенный в альбом, помещен вслед за небольшим стихотворением Дюма-сына. В подлинности автографа, по свидетельству М. П. Алексеева, сомневаться не приходится. Это известное стихотворение из сборника «Внутренние голоса». Оно было популярно в России. Мы приводим его стихотворный перевод, сделанный в конце прошлого века непосредственно с автографа В. Гюго из альбома О. А. Козловой.

Розе молвила могила:
«Днесь ты зорних слез испила,
Что ты сделала с росой?»
Роза ей, дрожа от страха:
«Что ты сделала из праха,
Поглощенного тобой?»
Роза молвит: «Браг созданья,
В амбросийное дыханье
Претворила я росу!»
Говорит могила: «В землю
Только хладный прах приемлю,
Тотчас ангелам вэнесу».

Интересно, что именно это стихотворение Гюго переписывал много раз собственной рукой. Во всяком случае, точно известно, что на выставке в Париже в ноябре — декабре 1885 года, посвященной памяти Виктора Гюго, где было также организовано театрализованное представление «Собора Парижской богоматери», знаменитый владелец «Кабинета автографов» Этьен Шараве представил как раз автограф второй строфы этого стихотворения. Очевидно, что сам поэт любил эти свои стихи, и неудивительно, что он мог их снова и снова записывать даже спустя тридцать — сорок лет после создания.

В бумагах, хранящихся в нашей семье, мы обнаружили еще один автограф Гюго — письмо из Отвиль-хауза, датированное 5 ноября 186... года. Последняя цифра года нечитаема. Письмо адресовано женщине и написано на сине-голубой бумаге, гусиным пером, крупно и четко. Письмо деловое. Адресатка, по-видимому, просила Гюго дать согласие на постановку, перевод или музыкальное переложение его произведений. Мы знаем, что Гюго с большой осторожностью шел на подобные предложения. Вот перевод письма великого французского писателя:

В. Гюго. Гравюра Гедана. Лейпциг, 1890 год.

«Отвиль-хауз. 5 ноября 186(9?)

Мадам!

Я был в отъезде три месяца. По возвращении я нашел Ваше милое письмо. Для какой-нибудь газеты, освещающей мое путешествие по Германии, репортер слишком вольно прокомментировал мою несдержанность (вспыльчивость). В любом случае приношу свои сожаления.

Я прочитал письмо мадам Понжеле. В соответствии с моими соглашениями я могу дать разрешение подобного рода лишь для одной пьесы. Мадам Понжеле выберет Вам ту, которую она сама предпочтет и Вам укажет. Я поспешу ее в этом уполномочить.

У Вас, мадам, благородная и чуткая душа, и я рад Вам повиноваться. Примите мое уважение и почитание.

Виктор Гюго».

В архиве П. А. Козлова сохранился также гравированный портрет Виктора Гюго, выполненный в 1890 году в Лейпциге Геданом. Могучий старец изображен на этом портрете. И вспоминаются слова Ромена Роллана: «Имя старика Гюго сочеталось со словом — республика».

Андрей **АЛДАН-СЕМЕНОВ**

На крутояре

•

Опять брожу в лесах еловых,
Как в ранней юности бродил.
И был закат тогда лиловым,
Зато рассвет лазурным был.
И я заглядывал под листья,
Цветы и травы ворошил,

Искал слова предельной мысли,
Но безразличной для души.
Я думал их найти в затонах,
В неповторимых родниках,
Я не хотел писать о стонах,
Искоренял печаль в стихах.
Казалось мне, что боль и беды —
Не тот в поэзии накал,
И, сам страданья не изведав,
Чужой беды не понимал.
И вот расплата... Что я значу,
Зачем я, если над строкой
Никто не стонет, и не плачет,
И не живет моей тоской?..

•

Походкой медленной и шаткой
Поднялся я на крутояр
И замер... Погружались в Вятку
Снопы мерцающих Стожар.
Я видел луговых черемух
Костры лебяжьей белизны,

И мне казалось, каждый омут
Хранит мои ребячьи сны.
Подумать только, я полвека
Земли отцовской не видал,
И был мне местом для ночлега
В чужом краю чужой привал.
Немало я на свете прожил
И вот сегодня говорю:
Хочу былое подытожить
И проводить свою зарю,
Ту, что цвела над колыбелью
И в ранних помыслах моих,
Вела меня от цели к цели,
Спасала в бурях снеговых...
Живи в былом, и настоящем,
И в будущем, как отчий край,
День провожая уходящий,
Не говори ему:
— Прощай!
Зачем? Нас снова ждет свиданье...
Во имя завтрашнего дня
Ни времени, ни расстоянья
Не существует у меня.

•

Я жадно ожидал и посвист птичий,
И радуги стремительную арку,
Я ждал тебя, как Данте Беатриче
И как Лауру ожидал Петрарка.
Что красота без женского величья?
Всего лишь блеск
нейлоновой культуры.
И все же я найду свою Лауру
И русскую увижу Беатриче.

•

Исчезну грустно и не гордо
В глухую полночь седины,—
Так исчезает звук аккорда
С еще не лопнувшей струны.

•

У возраста есть разные секреты,
Но иногда не стоит их таить.
Любите женщин
в юности,
поэты,
А в старости
пишите о любви.

Михаил ГОРБУНОВ

Я СТАНЮСЬ СМЕРТЬЮ

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Да одни ли огненные монгольские пески и таежные трясины встали перед советским солдатом в ту августовскую ночь. Легко ли было ему, до предела изнуренному войной с германским фашизмом, ценою обильно пролитой крови добившемуся Великой Победы, живым вышедшему из огня и уже было готовому строить порушенную врагом хату, сеять хлеб да нянчить ребятишек, легко ли было ему идти в новое побоище, искать смерть в единоборстве с не менее лютым и коварным врагом? Но шел советский солдат, подвластный державному приказу, прочувствованному на Эльбе союзническому долгу, голосу предков, сложивших когда-то здесь головы за честь родной земли... Танки проламывали таежную гущину, солдаты — саперы и пехотинцы — растаскивали поваленные деревья, настилали гати по болотам, чтобы шли вперед основные ударные части.

12

Утром железное чудовище металось в вышине над слабо вырисовывавшимися японскими островами с другой, теперь уже плутониевой бомбой в чреве. Приказ о старте девятого августа вместо двенадцатого, как было установлено раньше, был открытой мерой опережения начавшегося мощного наступления русских. Выбор пал на Кокуру, идеальную, подобно Хиросиме, «тепленькую», не подверженную никаким разрушениям цель, и дорвавшийся наконец до штурвала самолета-носителя майор Суиней был как в лихорадке с этим неожиданным переносом вылета, серьезными неполадками в бензонасосе — пришлось лететь с уменьшенным запасом топлива, минуя Иводзиму, а посадка вообще планировалась на Окинаве; наконец, и это было главным,— взлет со снаряженным на земле, в отличие от прежнего полета, «Толстяком»,— дело дошло до приложения руки молчаливого, угрюмого человека с длинной морщинистой шеей к документу, гарантирующему безопасность старта, но не освободившему майора Суинея от глухого, подспудного страха...

Преодолев давящий гнет дурных предчувствий, он приблизился наконец к Кокуре, но тут увидел, что весь город закрыт плотными облаками. В эти минуты он слал проклятия метеоразведчику капитану Маркворду, который уже побывал здесь и просигналил «добро»; досада была велика, и он не мог сообразить, что все изменилось за время его подлета к цели. Он трижды, с кошмарным ощущением потери драгоценного времени, заходил на цель — ни одной дыры в бесконечной всхолмленной равнине облаков, а данная ему инструкция строго обусловливала прицельное бомбометание.

С бешено застучавшим сердцем он повернул «суперкрепость» на запасную цель, на Нагасаки, но так жадно пережитое наслаждение шедшего к нему триумфа осталось лишь обидным следом на душе... Нагасаки — это было уже не то: изрезанный холмами и долинами рельеф сдержит свободное, как было в Хиросиме, движение ударной волны и лучевой энергии, и Нагасаки был «подпорчен» прежними, пусть обычными, но серьезными бомбежками,— эффект будет снижен, и Тиббетс останется в выигрыше перед ним. Самую глубину мозга сжигало сознание уменьшенного запаса горючего, и он с негодованием вспомнил пункт

Окончание. См. «Огонек» №№ 34—38.

инструкции, допускавший посадку самолета на воду, где в этом случае их должна подобрать подводная лодка...

Он вел машину на предельно экономном режиме, но даже это «висение на волоске», по расчетам, отводило ему в лучшем случае один заход на цель, иначе он не дотянет до Окинавы, а перспектива оказаться в обществе акул его совершенно не привлекала... Все, что делалось на корабле, вне его мозга и телесной оболочки, не воспринималось им, из какой-то невероятной дали проникал голос штурмана, смутно маячила впереди голова капитана Бихена, бомбардира. Было одно монотонное движение средь причудливых облачных островов, и далеко-далеко внизу мучительно медленно проплывали голубизна и зелень земли, пока наконец не приблизился город, приговоренный к гибели невероятной игрой случая...

Фатальный рок привел к Нагасаки Клода Изерли...

Он снова был разведчиком погоды, и эта запасная цель была е г о цель. Достигнув города в долгом, тяжелом полете, он увидел, что тот закрыт сплошной облачностью, и эта сверкающая гладь засветилась смутной радостью в нем самом: да, город закрыт, пусть будет Кокура. От этой кощунственной эгоистической мысли все сжалось в нем тупой болью, но, черт побери, ему по горло хватит Хиросимы! Он с облегчением подумал так, и в эту минуту все же заметил в стороне, в сплошной белой кипени, темное пятно. Это был просвет, глубокая, до земли, пропасть в толще облаков; он сразу определил, что внизу городская гавань: веером к пирсу стояли корабли, искристо лучилась вода.

Двигатели гудели ровным успокаивающим гулом, внизу в голубые размывы гавани вонзалась ослепительная искра, он понял, что это солнце бьет в разверзшую воздушную пропасть, и поднял взгляд к небу. Сердце у него заколотилось: в солнечном океане неба тоже двигалась искра, но совсем черная — к городу подлетала «суперкрепость»... Он ничего не знал о трех заходах майора Суинея на Кокуру, об обуявшем самолет-доставщик страхе от близко надвинувшейся опасности «сухих баков», он не знал, что е г о цель снова станет целью номер один.

— Чарлз! Это ты, Чарлз?— закричал он в эфир, забыв о шифре, и тотчас услышал тяжелое, сиплое дыхание. Расстояние до подлетающей «суперкрепости» было ничтожным, показалось, что дышат в самое ухо. Голос майора Суинея был хрипл, отрывист:

— Убирайся отсюда, Клод. Мы сейчас ее сбросим.

— Но, Чарлз, город закрыт. Вези ее обратно. Ты же знаешь приказ.

— Не будь идиотом, Клод. У нас нет выхода. С ней мы не дотянем.

Огромная железная тварь медленно приближалась, и волею непредсказуемой, как в любой человеческой бойне, судьбы город был отдан во власть нескольким обезумевшим от страха людям; у них была одна возможность добраться до Окинавы — освободиться от груза: облегченная машина меньше пожрет горючего, и в этой примитивной реальности спрессовались чудовищные наслоения зла, протянувшиеся от того канувшего в Лету мига, когда человек впервые пошел на человека со средством убийства в руке...

— Убирайся, Клод,— с отчаянием прохрипел Суиней.— Мы сбросим ее с первого захода. У нас нет времени.

Майор Суиней увидел, как, чуть помедлив, метеоразведчик пошел в крутой вираж, этот немыслимый разворот огромной машины вдвинул в его мозг жуткую, непреложную явь, что-то непременно нужно было сделать в эту минуту, он сразу вспомнил о темных очках и отдал распоряжение всем остальным. Тут же увидел, как капитан Бихен натягивает, показалось, очень медленно, очки на круглую от плотного шлемофона голову, все бесило его какой-то тягостной замедленностью, он вынужден был отдать себя воле обстоятельств, брезжила лишь смутная надежда на штурмана да на этого человека впереди, похожего на грубо слепленную сырую глиняную статую, и он унизительным, заискивающим тоном проговорил:

— Не подведет ли радар, Кермит?— Они уже решили использовать радиолокацию: эпицентр взрыва был строго рассчитан, его смещение снизило бы разрушительный эффект.— Готов ли ты, Кермит?

— Возьми себя в руки, Чарлз... Мы подлетаем... Сейчас она пойдет.

Стрелка часов перед глазами Суинея, подрагивая, вытянулась вверх, ушла в непроницаемую пустую высоту, ужасая напоминанием о потерянном времени, все той же безмерной дали возвращения.

— О'кей, Чарлз! Уносим ноги, старина!— ударил ему в уши голос Кермита, заставил налечь на штурвал — до сводящего руки судорогой сопротивления огромных крыльев. С давящимся гулом двигателей «суперкрепость» тонула в глухих ворохах облаков, пока зелень и голубизна земли, пугающе близкой, не ударили в глаза. В этот момент будто гигантский разряд электричества метнулся, ослепил близь и даль, по машине ударило что-то чудовищное, что вызвало у майора Суинея нелепое сравнение с телеграфным столбом, с неимоверным усилием удерживая машину, он насчитал пять ударов и подумал, что они сильнее, чем были при уничтожении Хиросимы. Сквозь страх, отдавшийся болью в низу живота, оттуда же, изнутри, хлынуло, стало подниматься, все заполнять подсознательное, мстительное чувство превосходства — над Хиросимой, над Тиббетсом, над теми, кто предпочел ему Тиббетса; в жутком помутнении рассудка он делил лавры, еще не зная, что вместе с Тиббетсом навеки останется на острие человеческого проклятия.

Позади себя он оставил ад, не превзошедший Хиросиму лишь из-за тех «отрицательных сторон», какие имела запасная цель, но внизу было то же самое — безграничное торжество смерти, и почти все два часа до Окинавы его преследовал призрачный клубящийся свет; казалось, сам неземной гул взрыва оставался в голове смутным миражем. В полном изнеможении от пережитого он вышел на посадочную полосу, и уже ничего не помнил — как посадил машину, как сумел остановить ее бег в самом конце бетонки...

Он выключил двигатели. Но тут же решил отрулить машину на стоянку. Несколько раз включал зажигание, но слышал только короткие щелчки. «Суперкрепость» молчала, как мертвая. И тогда штурман, бомбардир и стрелок услышали его дикий, давящийся хохот. С серого, в потеках пота, искаженного смехом лица на них смотрели безумные бельма глаз.

— Нет горючего!— кричал он, икая и задыхаясь.— Ни капли! Вы понимаете это? Сухие баки! Абсолютный ноль! Но мы сделали свое.

13

Два гигантских грибовидных столба ушли в годы и века варварством, многократно затмившим сожжение храма Артемиды Эфесской; совесть геростратов двадцатого века н а ш е й э р ы удивительно легко приняла на себя гнуснейшее из преступлений, но боль человечества, которое до́лжно бы поставить перед всеми семи чудесами света, рвется из пепла атомных погребений. Бомбы в чисто военном смысле не оправдали надежд варваров политики и стратегии: они не привели к победе над империей, не повергли в превентивный страх начавших широкое наступление русских.

Сознание того, что использован весь атомный «арсенал», бесило их в кабинетах Пентагона, а меж тем на оперативной карте главнокомандующего маршала Василевского красные стрелы главных ударов фронтов напоминали мощную сжимающуюся пятерню, из которой врагу уже не было выхода. Советские войска шли по корейской земле, по Сахалину, корабли Тихоокеанского флота высадили десантников на Курилах, и это неостановимое, вносившее серьезные коррективы в военные доктрины движение было достигнуто лишь доблестью и кровью советских солдат. Они вели бой в подожженных танках, бросались грудью на амбразуры дотов, бились врукопашную, и вслед все сметающим ударам советских группировок выстраивалась горестная шеренга простых, увенчанных звездами могильных пирамид.

Из тьмы веков вышли, поклялись в верности бусидо, врылись в землю, чтобы умереть в ней, камикадзе — смертники. Они нападали из засад, вели снайперский огонь с сопок, рвали дороги, мосты, связь. Мощный танк, как мамонт перед червем и гнусом, подчас был бессилен перед камикадзе: тот заползал в непростреливаемую зону, подтягивал веревкой мину либо связку гранат, подсовывал под гусеницу, в кромешной тьме взрыва гибли и танк, и камикадзе... В одном лишь бою за станцию Эхо камикадзе вывели из строя одиннадцать боевых машин... Советским солдатам, путь которым преграждала река Муданьцзян, до конца жизни запомнятся броски обвязанных взрывчаткой японских смертников на бетонные опоры моста, чтобы обрушить стальную громаду, на которую должны были ступить советские войска. Жуткое видение прыгающих один за другим смертников — взрывчатка разносила в куски камикадзе, но ее не хватало, чтобы завалить хотя бы одну ферму моста...

Если смертнику надлежало действовать в одиночку, он выбирал удобную позицию, преимущественно над горными дорогами, основательно оборудовал круглый окоп, раскладывал возле себя гранаты, заряды взрывчатки, мины, а затем, пропустив основные силы наступающих, сидя на скатанной шинели, с мертвой, выхолощенной душой открывал прицельный огонь из ручного пулемета или винтовки системы «арисака» по замыкающим колонны повозкам с ранеными, машинам боепитания, отставшим одиночным солдатам — он, как паук, сидел в своем круглом окопе до последнего, и, когда наши бойцы проникали к нему, взрывал себя, и его гнездо вызывало омерзение.

А «пятерня» советских фронтов сжималась, и не было щели, в которую могли бы выползти еще не добитые остатки Квантунской армии, и плененный генерал Симидзу с горечью признается, что никто в японской военной верхушке не ожидал такого мощного удара русских из почти непроходимых районов, сквозь укрепления, создававшиеся годами; и сводит счеты с жизнью военный министр Корецика; и подает в отставку вместе со всем своим кабинетом премьер-министр Судзуки, и, наконец, прорезался голос главнокомандующего Квантунской армией генерала Ямада: он признает поражение своих войск, отдает приказ о прекращении боевых действий, и лишь слово «капитуляция» еще не могло выговорить генеральское горло, привыкшее лишь к надменному исторжению самурайских догм.

То, о чем мучительно не хотелось думать генералу Ямада, помимо его воли, противу древней идеи «великой восточной сферы», внедрявшейся в мозг японским мальчикам так же настойчиво, как настойчиво вкладывались им в руки деревянные винтовки, вершилось. Квантунская армия разваливалась, и толпы пленных, совершенно деморализованных, забывших догмы бусидо, бредущих в наш тыл в полосах наступлений корпусов и дивизий, очень часто превышали численный состав самих этих советских соединений. Складывали оружие целые армии, фронты... Двадцатого августа вместе с более чем пятьюдесятью тысячами японских вояк были пленены командующие третьей армией генерал Кэйсаку, пятой армией—генерал Норицуне, первым фронтом — генерал Сэйтти, третьим фронтом—генерал Дзюн... Три отчаянных авиадесанта в убежища столпов войны позволили пленить и начальника штаба Квантунской армии Хата, и главнокомандующего Ямада, и самого «императора» Маньчжоу-Го Пу И, и нашим автоматчикам странно было видеть человека в темном штатском костюме с надутым сумрачным лицом, с влажно сверкающими, ни на кого не глядящими глазами за стеклами очков.

Нужно отнести к понятию «постфактум» декларацию императора Хирохито о капитуляции японской армии — в двадцатых числах августа исход войны был предопределен, а к концу месяца завершилось разоружение и более чем миллионной группировки противника.

История войн не знает столь умопомрачительного краха огромной военной машины. Вместе с советскими и монгольскими войсками вошла свобода в Маньчжурию, по более точному определению — в Северо-Восточный Ки-

тай, в Корею до самой тридцать восьмой параллели, Южный Сахалин, и это было н а ч а л о: мощная цепная реакция, противоположная той, которая уничтожила Хиросиму и Нагасаки,— цепная реакция революции отломит от «великой империи» и Вьетнам, и Индонезию, и Бирму, и Малайю, и Филиппины, она докатится до Индии, которая вырвет независимость у Англии...

А советские десантники — в Порт-Артуре, и перед их затуманенными явью и памятью глазами — легендарный Электрический утес, Золотая гора, Суворовский форт... Сорок лет назад отсюда, с Электрического утеса, прокатился гром русских батарей, чтобы не стихать потом все триста двадцать восемь дней обороны крепости...

И тишина на русском военном кладбище у подножия Саперной горы: под огромным крестом белого мрамора спят тысячи русских солдат... И на Перепелиной горе лишь старая пушка напоминает о давней трагедии. На ее стволе, как на плитах рейхстага, уже расписались победители. Они не пепелили атомным огнем японские города, они вернули Родине Южный Сахалин и острова Курильской гряды, они подняли советский флаг над Порт-Артуром... И они, вопреки политическим играм президентов и премьеров, остались верными союзническому долгу.

И наступила церемония подписания капитуляции. Наступила, нет, не шестого и не девятого августа, в дни царения варварских атомных тайфунов, а лишь второго сентября, когда иной, очистительный ураган вырвал из земли и смел коренную силу империи — и не по воле «доброго» Хирохито, который «смилостивился над своими плохими, не перенесшими тягот войны подданными и даровал стране мир», а по глубокой внутренней логике движения мировой истории...

Была открыта небу и ветру огромная палуба бросившего якорь в токийском порту линкора «Миссури», и поднялись на борт делегации воюющих стран, гости, журналисты. Все было напряжено тишиной ожидания, пока не показался отплывший от берега, поплясывающий на мелкой волне катер с черными в сверкании воды фигурками — на линкор доставлялась японская делегация. Она поднимается по трапу, выходит на середину палубы, несколько минут стоит в молчании на виду у всех, как бы затем, чтобы по-самурайски упиться сладким мигом гибели. Перед самым столом министр иностранных дел Сигемицу в черном костюме, черном блестящем цилиндре с тростью в левой руке, за небольшими тонкими круглыми очками черные непроницаемые глаза. Когда он стоит вот так, вытянувшись, незаметно, что вместо ноги у него протез... Рядом генерал Умэдзу, начальник генерального штаба — он в форме, без оружия, у него измятое лицо с выпяченными крупными губами.

Генерал Макартур делает шаг к микрофону, его белое лицо надменно и брезгливо; не ясно, верит ли он самому себе, когда говорит, что при помощи торжественного соглашения, которое будет заключено, мир может быть восстановлен, и, главное, что проблемы противоположных идеологий были решены на полях сражений всего мира... Коротким, тоже будто бы брезгливым жестом он требует, чтобы японская делегация подошла к столу. Сигемицу поднимает лицо с закрытыми глазами, может, молится про себя, как перед харакири, и так стоит некоторое время, потом, волоча «деревянную ногу», подходит к столу, садится, не выпуская трости из левой руки, углавато-черный и блестящий, подписывает акт, встает, возвращается на место, ни на кого не глядя. То же самое делает генерал Умэдзу, губы его, большие, как у обиженного подростка, подрагивают...

Акт подписывает генерал Макартур. Затем китайцы. Затем английский адмирал... По уполномочию Верховного Главнокомандующего Сталина ставит свою подпись генерал-лейтенант Деревянко; в его позе, в твердо, чуть в сторону вскинутой, как бы прицеленной к бумаге голове что-то от Жукова, от того Жукова, который под безжизненным, пустым взглядом роняющего монокль Кейтеля подписывал акт о капитуляции проигравшей войну фашистской Германии... Макартур приглашает союзные делегации в салон адмирала Нимица...

Сигемицу, держа под мышкой папку с актом о капитуляции и стуча тростью о чугун палубы, слепо идет к трапу, впереди своих делегатов, штатских в таких же черных костюмах и черных цилиндрах и военных в желто-зеленых мундирах, и все они скрываются за бортом, как бы уходят в небытие...

Но нет, ничто не уходит бесследно, все имеет продолжение в не знающей покоя памяти человечества.

14

— Зачем мы ее сбросили? Зачем, Пол?— Он говорит тихо, почти шепотом, нагнувшись над столом и глядя на Тиббетса исподлобья.

Это совсем другой Клод Изерли, совсем другой — не тот боевой майор с чистым юношеским лицом, с тонким, изящным рисунком бровей над молодо искрящимися глазами. Сейчас он угрюм, тяжелая, неотвязная мысль подавила его.

— Если даже допустить, что все оправдывалось исключительностью обстоятельств... Почему мы сначала не продемонстрировали ее мощь объединенным нациям и не направили ультиматум империи? И пусть за все отвечали бы сами японцы. Неужели это не ясно, Пол?

Тиббетс с непроницаемой подозрительностью покачивает головой, круглое индейское лицо его каменно.

— Нам не хватило бы времени, Клод. Ведь это тоже ясно.— Он твердо разделяет слова, будто затем, чтобы внедрить их в голову собеседника одно за другим.— Слишком мало времени — от шестнадцатого июля, когда мы в Аламогордо убедились, что она взрывается, до восьмого августа, когда русские должны были начать боевые действия.

— Это немало, Пол.

— Мы не успели бы привести в готовность сложный механизм, с помощью которого могли устроить «демонстрацию», не дающую тебе покоя. Ты знаешь, что стоит оборудовать одну лишь территорию взрыва? На это нужна уйма времени и сил. Цель заключалась в том, чтобы нокаутировать империю до вступления России в войну...— Он помолчал, сомкнутые губы тронула презрительная улыбка: — Извини, ты неравнодушен к России, Клод, я знаю. Я все помню, Клод,— и Полтаву, и прочее... Ну, ту русскую простушку.— Он протянул руку, ткнул ею в плечо Изерли, как бы отпуская ему старые грешки.

— Не надо об этом, это неблагородно, Пол.— У майора Изерли обидно, беспомощно вздрагивают губы. Он говорит как бы про себя:— Зачем был этот акт политики силы в таком беспокойном мире?..

— О чем ты, Клод?

— О Хиросиме, Пол.

Тиббетс близко придвигает к нему почти гневные глаза:

— Затем, чтобы избежать борьбы за власть над Японией, подобно той борьбе, которую нам пришлось вести в Германии и Италии. Затем, чтобы выйти из войны с решающим перевесом сил над любезной тебе Россией, иначе мы оказались бы не в состоянии задержать русскую экспансию. Ты заставляешь меня быть прямолинейным, Клод.

Два человека, повитых одной «веревочкой», сидят друг против друга в душноватом зале кафе, придавленном низким, под старое темное дерево, потолком. Окон нет, уличный шум глухо проникает сюда, врезанные в потолок светильники льют знойную красноватую полумглу. В стороне угадываются неторопливые сонные движения нескольких человек за столиками. Бармен передвигается в разноцветной ряби светящихся бутылок с заученным невниманием к тому, о чем говорят двое, несомненно, самых примечательных дневных посетителей. Но все же Тиббетс, придя в это заведение по приглашению Клода — тот неожиданно позвонил по телефону,— не ждал, что майор, впрочем, теперь уже бывший, начнет разводить нюни вокруг слишком сложных и дорого доставшихся ему вещей.

Звонок Клода был неожиданным, будто прозвучал из самой преисподней. Откровенно говоря, Тиббетс даже не знал: жив ли он — столько было слухов о злоключениях Изерли: первоклассный летчик, герой Хиросимы уволен из военно-воздушных сил «с почетом», с ежемесячной пенсией в двести тридцать семь долларов... Навел справки — это было легко сделать — о причине столь странного поворота судьбы боевого офицера. Ему зачитали официальное резюме об увольнении Изерли: ...по причине психического расстройства, связанного с пережитым за океаном... Врачебное заключение поставило точки над «i». Он вспомнил все: и Полтаву, и подавленность Изерли перед вылетом, обещавшим ему мировую славу, и голос Изерли — оттуда, от Хиросимы, полный печали: «Как она хороша, боже мой...»; и уже не удивила Тиббетса отправка Изерли в санаторий для нервнобольных, где он, как рассказывали, часами глядел в небо, и когда в нем появлялись самолеты, хватался за скамейку, съеживался в комок. Потом его будто бы увезли в другую больницу, в штат Нью-Йорк, и там надели наручники, чтобы он не выцарапал себе глаза... Потом следы Клода затерялись где-то в штате Техас, там была уже третья больница...

Звонок Клода был как выстрел из мглы. Оторопь сжала Тиббетса, он выдавил в телефонную трубку: «Как дела, старина?» Тот проговорил замедленно, словно робот: «О'кей, Пол». Взведенная звонком пружина разжалась в Тиббетсе, и тут же нахлынул на него, прозвучал издали ни с чем не сравнимый зов прошлого, уже уходящей в дымку лет, опасной, неимоверно тяжелой работы войны, бездумной, веселой молодости. Он поверил Клоду, его «О'кей». Значит, у него в самом деле все прошло и все в порядке. Согласился на встречу. И когда увидел Клода и не узнал в нем того интеллигентного мальчика, верного до последней точки товарища, ему стало мучительно жалко его: «Что же они сделали с тобой, Клод?..»

Но стоило Клоду опрокинуть рюмку виски, как он с невыразимым страданием на лице, ища какую-то истину, возможно, спасения от этой истины у него, Тиббетса, завел разговор о Хиросиме... Глухая волна гнева чуть не разломила Тиббетсу череп, но в сжатый гневом мозг пробилось врачебное заключение—«...по причине психического расстройства...», и он, через силу улыбнувшись Клоду, заговорил с ним, как с ребенком, будто пел ему перед сном успокоительную колыбельную. Но Клод «не засыпал», продолжал канючить, и тогда Тиббетсу это надоело. Еле сдерживаясь, проклиная себя за то, что пришел сюда, он тихо проговорил:

— Что ты хочешь от меня, Клод? От меня лично?

— Чтобы ты ответил: зачем мы ее сбросили.

«Идиот»,— задушенно подумал Тиббетс. Он помедлил, набираясь терпения.

— Ты помнишь начало? Помнишь наш позор Пёрл-Харбора? Помнишь, что сделали эти кретины? В их руках оказались Гонконг, Бирма, Филиппины, Гуам, Соломоновы острова...— Он говорил, говорил, сам поражаясь своему терпению.— Они подошли вплотную к Индии, Австралии, Гавайям, наконец, к Аляске, к нашей Аляске, черт бы тебя побрал. Помнишь ли ты об этом?

— Я помню об этом, Пол. Но России пришлось куда хуже. Немцы были под Москвой и Сталинградом... Ни один японский солдат, вообще ни один солдат не ступал на берега Америки.

— Ты снова со своей Россией! Ты, видно, забыл о крови, пролитой американскими солдатами. Я напомню тебе о ней. Мы выиграли битву за Соломоновы острова, и Япония перешла к обороне. Мы захватили Гилберт и Марианские острова. Смели японцев с Филиппин. Наконец, Иводзима и Окинава. Мы действовали на гигантской территории и подступили к самой империи, к азиатскому континенту. Но чего это нам стоило, Клод! Так кто же, кроме нас, владел правом нанести последний удар? И мы нанесли его. Да, да, я имею в виду Хиросиму, за которую ты получил высший орден, Клод!

Он смолк, потянулся ищущими пальцами к содовой и вдруг ощутил крепкую горячую ладонь на своей руке. Клод держал ее, не выпускал. Тиббетс с ненавистью взглянул на не-

го: глаза Клода были осмысленны, чисты, как прежде, казалось, та же ребяческая задоринка играла в них.

— Круг замыкается, Пол. У тебя хорошая память. Ты перечислил все. Кроме Маньчжурии. Сами японцы признают, что мысль о безнадежности сопротивления созрела у них сразу же, как только весть о вступлении в войну русских достигла разрушенной Хиросимы... Квантунская армия, Пол. Свыше миллиона солдат и офицеров самурайской выучки. Протяженность одних укреплений — восемьсот километров... У меня точные данные, Пол... Огромная концентрация военно-промышленного потенциала в этом регионе, созданного Японией на протяжении десятилетий. Основная часть производства синтетического горючего, уголь, металлургия, электроэнергия. Маньчжурия была не тронута войной, находилась даже вне зоны действия нашей авиации. Лишиться Маньчжурии значило немедленно проиграть войну. Это правда, Пол. Так зачем же мы сбросили бомбу?

В глазах Тиббетса красный зной, сквозь него смутно прорисовывается Клод Изерли, за ним сбоку, в сплошном тумане, бармен, недвижный, насторожившийся, в короткой, тоже залитой красным куртке. Где-то рядом движения людей, позвякивание бутылок; пахучие тенета сигаретного дыма, давящая тяжесть потолка. И красная мгла вокруг. Губы Тиббетса шевелятся, он говорит что-то о солдатском долге, о русской экспансии, о нокауте империи, но его слова никого не могут убедить, самого Тиббетса тоже.

Вдруг, вспыхнув далеко в смутной красной мгле, к нему начинает приближаться рыхлое, одутловатое лицо, почти все закрытое очками, впаянное, как маска, в отвратительно маленькую голову. Тиббетс сам не знает, человек ли это или странное, страшное порождение мертвящего земного ада, оно обдает его обволакивающим, парализующим сознание дыханием. Нет ни ненависти, ни гнева, ни желания что-то кому-то доказывать, он расслабленно отдает себя иной спасительной силе, и ему дико слышать, как почти в ухо ему кричит кто-то:

— Дети, ты слышишь, Пол, дети! Изъеденные огнем и радиацией, обугленные скелеты, все сгорело, остались черные черепа. Меня не оставляют эти видения, Пол. Нагромождения сгоревших детей, глобальное, бессмысленное уничтожение, пароксизм фашизма, не вызванный никакими целями военной стратегии...

— Ты сумасшедший,— безучастно говорит Тиббетс, будто совершенно пьяный.

Изерли испуганно глядит на него.

— А ребенок, выдавленный из мертвой матери?.. Еще живой, кричащий в мир из огня и праха?.. Это правда, Пол.

— Ты сумасшедший. Тебя нельзя вылечить.

— Я?! — кричит Изерли.

Бармен кидается к телефону.

— Я?! А не вы все?!

— На тебя сейчас наденут наручники.— Тиббетс тяжело поднимается и, качаясь, идет к выходу.— Хотя нет, нет... Эй, старина, не надо никуда звонить!— пьяно проговорил он, подходя к стойке, доставая из бумажника пачку глянцевито восковых бумаг, они с мягким треском расходятся от движения пальца по корешку. Тиббетс выхватывает несколько, бросает на сыроватый цинк стойки.— Не надо звонить. Он сейчас уйдет. И не вернется, не придет больше.

Клод вышел вслед за ним, сопровождаемый бесстрастной усмешкой бармена. Раскаленное, как вспышка атома, солнце, стоявшее в смутной рыжине неба средь тупых, бесформенных бетонных громад, ослепило его, он зажмурился, пошел со ступенек, хватаясь за перила с конвульсивной гримасой ужаса на поднятом вверх, к далекому богу лице. Он не помнил, как добрался до дома, открыл дверь, прошел мимо жены, мимо ее расширенных от страдания глаз, как остался один в непроницаемой глухой тесноте стен. Вспыхнул крохотный абажур ночника, тоже красный, и освежающая прохладой радость вошла в него, когда, запульсировав, крупно брызнула кровь из разрезанного запястья, как брызгала зажженная утренней зарей хрустальная роса с молодой травы за кромкой беспредельно далекого русского аэродрома.

О ГЕРОИЗМЕ

Героическое нужно уметь видеть, различать в быстротекущих днях нашей жизни. И яркая вспышка подвига, и мужество повседневного будничного героизма берут свое начало в славной истории нашей Родины, в ее революционных, боевых и трудовых традициях. В. И. Ленин в 1920 году утверждал, что «Россия способна давать не только одиночек-героев... Нет, мы были правы, когда говорили... что Россия сможет выдвинуть этих героев сотнями, тысячами». Эти слова могут стать своего рода эпиграфом к книжке доктора философских наук Д. А. Волкогонова «Феномен героизма», вышедшей в Издательстве политической литературы в серии «Личность, мораль, воспитание». В книге рассматривается прежде всего моральная сторона героизма, его сущность, критерии, виды и формы, социальные истоки. И все это подкрепляется яркими примерами из жизни наших современников: советских воинов — защитников Родины, передовиков труда, людей необычной мужественной судьбы, с честью преодолевающих тяжкие жизненные испытания.

Подвиг как явление ценен и характерен не только ослепительными вспышками мужества, подчеркивает автор, а массовым героизмом, требовавшим не просто «максимальной кумуляции всех духовных и физических сил, но и такое действие, которое для отдельного человека означало как бы балансирование на грани жизни и небытия. Люди это знали и сознательно, добровольно, в массовом порядке шли в пекло борьбы».

То, что Д. А. Волкогонов, широко цитируя советологов, буржуазных историков и социологов (среди них Д. Данинген, Р. Дженнингс, А. Рапопорт, А. Верт, Г. Джонс, Б. Стил и другие), вступает с ними в аргументированный доказательный спор и в конечном счете опровергает их тезисы фактами и логикой суждений,— несомненное достоинство его работы. Эта книга наступательна по своей сути. В системе действий и акций наших идеологических противников немалая роль отводится попыткам с помощью теории дегероизации принизить, очернить советский характер, наши идеалы. «Ныне наступил век, который характерен для всех развитых стран отсутствием прежних героев,— пишет американский социолог Р. Дженнингс.— Герои войны и производства заменяются героями потребления».

«С героями покончено независимо от того общественного строя, где они жили. Эпическим чувствам и благородным порывам пришли на смену рационализм, деловой расчет и полное отсутствие романтики... Героическое в прошлом»,— вторит его французский коллега Р. Килло.

Что можно сказать на это? Каждый день нашей жизни опровергает подобные «теории», но очень важно, чтобы героические деяния наших современников находили достойный отклик в идеологической сфере, литературе, искусстве. Эта мысль пронизывает книжку Д. А. Волкогонова. И очень важно то, что эта интересная, умная и острая книга написана живо, ясно, достаточно эмоционально для того, чтобы действительно стать добрым и полезным спутником самому широкому кругу читателей.

Д. А. Волкогонов. Феномен героизма. (О героях и героическом). М., Политиздат, 1985. 263 с.

И. ПИРОГОВА

ОТКРЫЛОСЬ ЛИЦО

У этой книги есть лицо. Не только в том образном смысле, который стал ходячим штампом при оценке сколько-нибудь своеобразной работы: книга открывается фотографией, говорящей о многом **до** стихов. Ведь есть же в нас необъяснимая интуиция при встрече с незнакомым человеком: с одним хочется поговорить и сблизиться, а другого лучше бы обойти!

Читая сборник Владимира Кострова «Открылось взору», я то и дело возвращался к первой странице, снова и снова соотносил строки стихов с лицом автора и утверждался в том, что это одно лицо — здесь, на первой странице, и там, далее, в стихах. И это лицо не исповедуется, а вопрошает.

Владимир Костров, без сомнения, питает осознанное или неосознанное пристрастие к форме стихотворных посланий. Это обнаруживается уже в названиях стихов: «Письмо отцу», «Дочери Екатерине», «Письмо-поэма» и даже «Письмо в никуда».

Ныне мир все более насыщается телефонными связями, и уже писатели в общении между собой не вполне оправдывают наименование своих профессии и призвания — писать.

Угасает эпистолярный жанр, жанр, позволяющий говорить о самом сокровенном. В. Костров не хочет мириться с погибелью общения через письма — отцу, другу, поколению, прошлому.

Обращается ли он к дорогой женщине, дочке, городу, природе, вечности — со всеми и всем он готов говорить языком доверия, объяснения, мольбы, языком личного, бессонной ночью рожденного стиха.

Мои стихи —
лишь письма добрым людям
и людям злым, читающим
стихи.

Владимир Костров сумел услышать в детстве «камышовую дудку озерной глуши», но ему мало своего душевного прозрения, своего совпадения с душой Родины — он силой слов стремится достичь подобного прозрения в другом, в том, кто не услышал еще звуки родной природы, родного языка:

...И однажды
далекую детскую душу
камышовою дудкой
навеки смутить.

Лучшие стихи В. Кострова прошлого и особенно последнего десятилетия (они, как правило, датированы в сборнике) сосредоточены на поэтическом исследовании состояния души, которая находится в поисках правды и добра, то есть на исследовании нравственного состояния, именуемого издавна совестью.

Если нет в человеке стыда,
жизнь не кончена,— песенка
спета.

Книги — это встречи не только с текстами, но и с творцами текстов — мудрыми, ироничными, рассудочными, лиричными, такими же разными, как и читатели. Владимир Костров, наш современник, своей книгой готов стать другом всякому человеку, не растерявшему памяти о детстве, о матери и об отце, о нашей истории о чистоте человеческой души.

Владимир Костров «Открылось взору». М., «Современник», 1984.

Александр КОРОЛЬКОВ,
доктор философских наук

Японское, Охотское, Берингово моря и их родитель — Великий, он же Тихий, океан омывают, эти берега. Приморье, Камчатка, Сахалин, Курилы — самые отдаленные наши рубежи, но места-то «нашенские», живущие едиными со всей Родиной заботами. Советский Дальний Восток сегодня — важный экономический регион, но еще большие перспективы открываются в завтрашнем дне края, своеобразного и неповторимого. Немало открытий и настоящих чудес ждет путешественника на этих дальних и суровых берегах. Но сами берега ждут не столько путешественников, сколько людей домовитых и работящих — настоящих умных хозяев, таких, каких мы там повстречали. О них пойдет рассказ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ КРОМКИ ПРИБОЯ

КРА

Д. ГАГАРОВ,
первый секретарь Приморского крайкома партии

Дальний Восток — место встречи самого большого материка Евразии с самым большим океаном — Тихим. Приморье — край земли, вытянувшийся вдоль океанской границы, самых дальних владений России. Владивосток — столица Приморья, город-юбиляр, награжденный орденами Ленина и Октябрьской Революции. Городу 125 лет.

— Дмитрий Николаевич, представьте, пожалуйста, Приморский край. Каково его место в нашем народном хозяйстве?

— Приморье по побережью простирается на 1350 километров, на его территории могут разместиться Бельгия, Голландия, Дания, Швеция, вместе взятые, и все-таки это лишь небольшая часть нашего Дальнего Востока — огромного региона, куда входят еще и Якутская автономная республика, Хабаровский край, Амурская, Камчатская, Магаданская и Сахалинская области.

Две трети края покрыты отрогами хребта Сихотэ-Алинь, остальное — Приханкайская низменность, долины рек... Близость океана, его тепло остановили миллионы лет назад ползущие с севера ледники. У нас все еще сохранилась пышная растительность субтропиков. Климат Приморья сравнительно мягкий. Зимой устанавливаются сухие, ясные дни. Летом с океана приходят туманы, ливневые дожди, а порой и грозные тайфуны.

Приморье — не только экзотика, это край отважных людей. Строители и моряки, рыбаки и геологи, шахтеры и лесозаготовители... Они наследуют славу партизан, освободивших эти земли от белогвардейцев и интервентов, и подвиги поколения победителей в Великой Отечественной войне.

Естественно, определяющую роль в нашей жизни играет море. Оно связывает край с многими странами мира, всеми континентами. Оно дает нам рыбу и морепродукты, добычу которых мы в своем хозяйстве ставим на первый план. Море — наш кормилец. Каждая вторая семья Владивостока связана с ним.

9288 — это последний километровый столб Транссибирской железнодорожной магистрали. Неделю находится в пути поезд Москва — Владивосток. Правда, Аэрофлот давно приблизил нас к Мо-

С-56» — подводная лодка-мемориал.

Й ОТВАЖНЫХ ЛЮДЕЙ

скве: всего восемь часов беспосадочного полета! Замечательно, не правда ли? Но вот машины из Белоруссии, станки с Украины, нефть из, казалось бы, близкой Западной Сибири самолетами не повезешь... Огромные расстояния диктуют самобытные условия жизни и хозяйствования, выдвигают особые требования к экономике края: комплексность, максимальное обеспечение нужд населения своими силами. Морской флот — основной вид транспорта. Так сложилось исторически. Развитие дальневосточного морского флота начиналось с Приморья. Более ста лет назад пароход «Москва» открыл постоянные рейсы между Одессой и Владивостоком. Наше ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции Дальневосточное морское пароходство вместе с Приморским пароходством, специализированным на перевозке нефтеналивных грузов, имеет в своем составе сотни крупнотоннажных судов и обеспечивает четыре пятых всех грузоперевозок на Дальнем Востоке. Суда ДВМП регулярно фрахтуют иностранные фирмы. Растет вклад морского флота в освоение северных районов Дальнего Востока, открыты рейсы в арктическую часть Якутии.

Сейчас, когда накануне своего очередного съезда партия призывает мыслить и работать по-новому, достичь нового качества социально-экономического развития общества, требуется ускорение роста его производительных сил. Поэтому, заглядывая в завтрашний день, можем представить, какими темпами станет прирастать хозяйственная мощь Восточной Сибири и Дальнего Востока. Действует БАМ, прямо пропорционально его мощи растет потребность выхода на мировой рынок. У нас самые современные порты — Владивосток, Находка, Посьет, Троица. И, конечно же, Восточный Порт-автомат! Сейчас в Восточном заканчивается строительство первой очереди. По генеральной схеме развития там будет около шестидесяти глубоководных причалов протяженностью более тринадцати километров. Тогда и объем грузоперевозок достигнет сорока миллионов тонн. Уже действуют четыре специализированных комплекса — угольный, лесной, щеповой и контейнерный. Электроника следит за контейнерами от места погрузки до места выгрузки, от номера трюма до номера платформы в железнодорожном составе. Автоматика позволяет уже сегодня перерабатывать свыше ста пятидесяти тысяч большегрузных контейнеров в год.

— Дмитрий Николаевич, рыбный промысел на одном из первых мест в хозяйстве края. На каждой третьей банке консервов — название Всесоюзного объединения «Дальрыба». Объединение дает стране свежую и мороженую рыбу, кальмаров и морской гребешок. Но ресурсы моря не безграничны. Известно, что краевой комитет партии обеспокоен вопросами возрождения морской нивы.

— На заре рыбной индустрии на Дальнем Востоке главным орудием лова был ставной невод, а флот состоял из парусных кунгасов. Сегодня «Дальрыба» — сложный хозяйственный механизм. Добывающий и обрабатывающий флот насчитывает несколько тысяч судов, плавзаводы и плавбазы... Тут заняты десятки тысяч людей. Возможности современных рыбаков огромны, но их нужно использовать разумно. Тяжелый урок — история с тихоокеанской сельдью. Ее перелов привел к исчезновению сельди в Охотском море, повлек за собой большую социальную проблему: опустели береговые рыбокомбинаты, поселки... Сейчас сельдь восстанавливается, думаю, в ближайшее время будет разрешена ее промышленная добыча.— Сработал своевременный запрет на лов. И главное — меры по искусственному воспроизводству.

Разумное использование богатств голубой нивы, во-первых, и их воспроизводство, во-вторых,— вот гарантия их неисчерпаемости. Но, к сожалению, в воспроизводстве мы делаем пока что робкие шаги. И главная причина — отсутствие координации научных исследований. Несмотря на то, что исследования в этой области ведутся с 1970 года, теоретические основы марикультуры разработаны слабо, не определены наиболее перспективные направления ее развития для Приморья. Отсутствуют необходимые капиталовложения на развитие хозяйств марикультуры. Потому-то дело пока не вышло за рамки экспериментальных и опытных разработок.

Комплексная целевая программа «Марикультура», представленная ВРПО «Дальрыба» во Всесоюзный научно-исследовательский институт рыбной отрасли и Министерство рыбного хозяйства еще в 1983 году, только недавно рассмотрена на коллегии министерства.

Думаем, что в XII пятилетке будет значительный подъем, будут необходимые капитальные вложения, «Дальрыба» планирует ввести в строй новые рыборазводные заводы.

— Дмитрий Николаевич, а каково рыбакам на берегу, как говорится, в доме рыбака?

— Дом рыбака... К сожалению, многие наши рыбаки дома на берегу не имеют. Строительство жилья для рыбаков — одна из самых актуальных проблем...

— На плавбазе «Маршал Соколовский» мы встречали рыбаков, дом которых на Украине! Знаем, что на Севере, у нефтяников, широко используется вахтовый метод. Возможен ли такой вариант для рыбной промышленности Дальнего Востока?

— Мы привозим сезонников на лососевую путину. Но это не решение проблемы. Задача — закрепление кадров на Дальнем Востоке. Не вахтовики, а люди, ставшие дальневосточниками,— вот кто нужен здесь сегодня! А чтобы привлечь молодой, знающий народ, необходимо жилье. Пока мы решили одну социальную задачу: ликвидировали бараки. В последние пятилетки мы ежегодно строим миллион и более квадратных метров жилья. Но и этого недостаточно. Нужна помощь самых разных министерств и ведомств, в первую очередь Минрыбхоза СССР.

— Каким видится вам завтрашний день Приморья?

Во-первых: переход на максимальное обеспечение населения продукцией сельского хозяйства за счет собственного производства. Такую задачу нам ставит ЦК КПСС, и мы ее обязаны выполнить. И во-вторых: самим добывать сырье и самим его перерабатывать. Это позволило бы прежде всего сократить огромные объемы встречных перевозок по железной дороге, пропускная способность которой в крае уже на пределе и, по оценкам научно-исследовательских институтов, будет исчерпана к 1990 году. Для этого-то и нужны люди. И люди нужны, чтобы строить благоустроенное жилье, чтобы работать на селе. Создание условий для привлечения и закрепления кадров, для их высокопроизводительного труда — вот выход.

— Дмитрий Николаевич, читателям «Огонька» интересно знать, с чем идут навстречу XXVII съезду КПСС приморцы?

— Уже сегодня четыре района, 34 предприятия и организации, колхоза и совхоза выполнили установленные на одиннадцатую пятилетку задания по основным показателям, около полутора тысяч бригад работают в счет двенадцатой пятилетки. Один из лидеров — бригада депутата Верховного Совета СССР А. И. Куприянова из Хрустальненского горно-обогатительного комбината. Это ею установлен Всесоюзный рекорд скоростной проходки. На 3658 погонных метров горных выработок куприяновцам потребовалось всего 31 день — вдвое быстрее, чем в начале пятилетки, и в полтора раза быстрее, чем по нормативам. А коллектив сейнера-траулера «Скадовск», руководимый Героем Социалистического Труда Ю. П. Волковым, работает уже в счет тринадцатой пятилетки.

В результате широко развернувшегося социалистического соревнования за достойную встречу очередного съезда нашей партии, успешное выполнение директивных заданий одиннадцатой пятилетки мы имеем реальные возможности завершить ее в целом по краю по общему объему производства на месяц раньше срока, а годовой план производства промышленной продукции к 25 декабря. Дополнительно приморцы добудут более двухсот тысяч тонн угля, тысячи тонн рыбы и морепродуктов. Наши транспортники перевезут сверх плана сотни тысяч тонн грузов...

ИНТЕРВЬЮ «ОГОНЬКА»

НА ПЬЕДЕСТАЛЕ СЛАВЫ

Сегодня в отсеках «С-56» — мемориальной подводной лодки — царит тишина. Документы, хранящиеся в здешнем музее, свидетельствуют, что «С-56» — подводная лодка, первой совершившая кругосветное путешествие.

6 октября 1942 года отряд подводников под командованием Героя Советского Союза капитана I ранга А. В. Трипольского вывел свои корабли с Дальнего Востока. Около 17 тысяч миль оставили за кормой подводники, совершив переход на Северный флот.

Слава «С-56» росла от похода к походу. Уже после четырех боевых плаваний подводники-тихоокеанцы довели боевой счет до девяти потопленных и поврежденных кораблей фашистов.

В марте 1944 года подводная лодка была награждена орденом Красного Знамени. А перед тем в февральском походе выдержала трудное испытание. Ее обнаружил противник и сбросил более трехсот глубинных бомб. Несколько суток лодка лежала на грунте. Кончился запас электроэнергии, аппараты уже не регенерировали воздух, силы покидали людей. И в этот самый тяжелый момент коммунисты корабля провели партийное собрание, которое приняло решение: «Сражаться до последнего глотка воздуха!» Узнав об этом, беспартийные подводники стали подавать заявления о приеме в партию. В тот день все члены экипажа, за исключением пятнадцатилетнего юнги Гладышева, стали коммунистами... Подлодке удалось всплыть на поверхность.

Победный сорок пятый прославленный экипаж встретил, имея на счету уже четырнадцать потопленных фашистских кораблей. Подлодка стала гвардейским кораблем, а ее командир Г. И. Щедрин — Героем Советского Союза.

Кончилась война, дальневосточники возвращались к родным очагам. Вернулась и подводная лодка «С-56». Вернулась, чтобы навечно остаться в боевом строю. Установленная на корабельной набережной Владивостока, она продолжает нести службу. Службу памяти.

Хождение за три моря

...НУ ВОТ И ОТЧАЛИЛИ

Спасатель «Атласов» покрутился на маленьком пятачке у причальной стенки, выпутываясь из подводных тенет якорных цепей и тросов обступивших его судов. Почуяв под собой чистую воду, прибавил оборотов винта, и из-за хаоса рей, труб, антенн, потертых и белоснежных бортов пароходов стал подниматься Владивосток. Чем дальше от берега отходил «Атласов», тем выше громоздились унизанные домами сопки, величественнее разворачивалась панорама города. Разноцветные стрелы кранов ярким спектром играли над пирсами. А надо всей картиной плавало солнце, заливая светом и город, и море, и раскиданные по всему рейду суда. Бухта Золотой Рог в эти минуты казалась и вправду золотой.

Город долго горел за кормой. Но вот и он исчез. Потянулись острова, перевитые полосами тумана. На наших глазах белая мгла стала разрастаться, вспухать. И минут через тридцать—сорок вокруг лежала уже густая пелена. В рубке замерцали огни приборов, четче обозначился зеленый круг радиолокатора: вокруг все спокойно — чистая вода...

...К утру туман поредел, а к обеду стало даже проглядывать солнце. Вдали появились суда. В сильные наши объективы мы их насчитали семь. Уже можно различить контуры, даже какие-то детали. Крохотный сейнер распустил вокруг себя желтую петлю кухтылей — поплавков, придерживающих сеть, стягивает их. Что там у него в кошельке? Пока он и сам этого не знает точно, но что кошель не пуст — ясно. А справа голубеет судно-громадина — плавбаза «Маршал Соколовский». Служит на ней народу больше, чем на всех остальных судах, находящихся сейчас вокруг нас. У плавбазы забота особая — собрать выловленную сейнерами рыбу, обработать ее — засолить, закатать в жестяные банки или просто в бочки, которыми сегодня запружены все палубы базы. Хорошо где-нибудь на берегу, далеко на материке, вскрыть такую баночку, да под молоденькую картошку, под укропчик... Но рыбку еще поймать надо. А сначала — найти ее. Вот и кружит над морем, чиркает по небу самолет, как чайка. И также всматривается в голубую пучину: что там в ней, есть ли чем поживиться? Только в отличие от чайки, завидев рыбу, самолет не ринется стремительно вниз, а передаст по радио судам: квадрат такой-то, есть косяк. И уж тогда, совсем как чайки, суда ринутся на добычу. Если у пахаря день год кормит, то у рыбака и час на весу. Что час — минуты даже! Проворонил эти минуты — кошель пустой, остался ты в пролове...

Капитана, наверное, только таким себе и можно представить: заметнее всех, плотнее, что ли, взгляд спокойный, глубокий, изучающий, дремучая борода — из морских морская. А наш капитан лысоват, но поредевшая прическа не портит общего впечатления, скорее весу придает. Александр Никитович Кочерга не стар и не молод: самый тот возраст — от тридцати до сорока,— когда и опыт пришел, и сил еще не убавилось. Окончил Одесскую мореходку, попал на Дальний Восток да так и осел здесь. Тринадцать лет уже ходит в море. Семнадцать человек в команде, семнадцать человек на крохотном лоскутке суши в несколько десятков квадратных метров. И не дни, и не недели, а месяцы, долгие месяцы плавания без берега, без новых лиц, без смены впечатлений: море и море вокруг, тихое и штормовое, ревущее и ласковое, щедрое и прижимистое. Конечно, море не космос. Но выдержка и терпение у моряка сродни выдержке звездных пилотов. Каков капитан, такова и команда, такова и удача ее. Наверное, не из последних — вопрос дисциплины. Малейшая распущенность, невоздержанность в таких, как принято говорить, экстремальных, условиях плавания может привести к взрыву. И если команда плавает годами, не меняя своего состава, в этом есть и заслуга капитана. А дисциплина крепится здесь не столько словами, сколько работой, «удачливостью». Если кошель пуст, что ни говори, а веры тебе, капитан, будет мало. Значит, додумал плохо, не то принял решение, не там бросил сеть... От твоей удачи зависит не только настроение команды, но и настроение плавбазы, объединения, всего края. Все завязано на рыбу — и план, и заработки, и льготы — и у рыбака на сейнере, и у хозяйственника на берегу... Эх, рыбка, рыбка — серебряная на глаз, золотая на вес! Только волны ходят над пучиной да тучи, клубясь, хмурят небосклон. Заштормит, случится, непогода — затаись, жди. Ну, а пока времени терять нельзя...

С высокого борта «Маршала Соколовского» спускаются мотоботы. Матросы в оранжевых куртках и красных спасательных поясах четко смотрятся на фоне синей волны. Вот подруливает один мотобот к сейнеру, второй стоит наготове. Сейчас рыба прямо из кошеля будет доставлена на борт плавбазы. А там уже идет обработка: растут штабеля серебристых банок. Путина началась!

КОНФЕРЕНЦИЯ НА ВУЛКАНЕ

Автобус к назначенному сроку был готов. Собиралась и конференция — специалисты Камчатской гидрогеологической экспедиции, которым предстояло запустить буровую: поставить задачу рабочим, оговорить условия, ответить на вопросы...

Еще вчера в Петропавловске, определяя наш маршрут на Мутновку, неопределенно махнули в ее направлении рукой, мол, тут это, рядом, чуть не за последними городскими домами. Но вот мы третий час в пути, а не одолели еще и половины расстояния.

Но вот последний тягун — длинный пологий подъем,— и мы почти у цели. Видны привычные силуэты буровых вышек — они ничем не отличаются от тюменских или бакинских, но ищут здесь не нефть или газ, а воду. И не простую воду, а кипяток. Кипятка и пара нужно столько, чтоб хватило на сооружение большой электростанции, скажем, на двести тысяч киловатт. Экспедиция уточняет запасы месторождения. Алмазные буры дошли уже до самой преисподней, где вечно клокочут подземные котлы, исторгая горячие фонтаны и запах серы. Да и наверху картина занимательна: вздымаются султанчики пара в десятке мест. Ясно: под землей что-то кипит и рвется наружу. Трубы от скважины идут в домики-балки, к буровым, служат источниками тепла и необ-

НА ПЕРВОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Владивосток * Рыбаки в море * В бухте Золотой Рог.

НА ВТОРОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Котики на острове Беринга.

НА ТРЕТЬЕЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: В кратере вулкана Малый Семячик «прячется» кислотное озеро.

НА ЧЕТВЕРТОЙ И ПЯТОЙ ПОЛОСАХ ВКЛАДКИ: Плавбаза «Маршал Соколовский» * Александр Кочерга, капитан рыболовного сейнера «Павловский».

НА ШЕСТОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Вулканолог Игорь Логинов.

НА СЕДЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: «Олень-цветок» — так называют этих красавцев в Приморье * В кальдере Узона на Камчатке.

НА ВОСЬМОЙ ПОЛОСЕ ВКЛАДКИ: Сахалин. Санаторий Синегорские минеральные воды. В зимнем саду * Плавательный бассейн санатория.

ходимым компонентом технологического процесса бурения... Преисподняя уже работает.

Ресурсы тепла наиболее крупных разведанных месторождений могут обеспечить работу геотермальных тепловых электростанций — ГеоТЭС — общей мощностью триста пятьдесят — пятьсот мегаватт, чего было бы достаточно для энергообеспечения области в течение ближайших лет. Так и кажется, что природа временами «додумывает» сама за человека. Даже на карте Камчатка смотрится «камчаткой»— бесконечно далеким краем. Можно представить, во что обходится каждая тонна угля, каждая капля мазута, доставленная на полуостров. Есть на Паратунке, что вблизи Петропавловска-Камчатского, теплично-парниковый комбинат совхоза «Термальный». Его теплицы греются теплом земли, горячей водой подземных котельных. Правда, тепла этого не полностью хватает, приходится пользоваться и мазутом, но опять же лиха беда начало...

Вот почему все чаще взоры обращаются сейчас к Мутновке. Это уже серьезный шаг в использовании тепла подземных вод.

Григорий Михайлович Асаулов, начальник Камчатской гидрогеологической экспедиции, умеет заряжать идеями. А идеи захватывающие. Ну, например, пробурить скважину где-нибудь на Аваче, и пусть вулканический кипяток греет всю столицу Камчатки (да при этом еще и пойдет самотеком!). Пробурить скважину при наличии техники, а она есть,— дело не хитрое. Ну, а вдруг там не окажется термальной жилы? Ученые говорят: пока не надо спешить, лучше семь раз отмерить. Не станем спорить, кому видней, а вообразить красивый город Петропавловск без труб многочисленных котельных заманчиво, не говоря уж о десятках и сотнях судов, которым можно было бы не спешить к далеким берегам с трюмами, заполненными горючим для топок города.

...Едва подлетаешь к Камчатке, а она уже стремится тебя «удивить». Правильные купола и стройные конусы гор и вулканов припудрены чистым снегом, за ними синей, темной стеной встает океан. Вечернее солнце желтым светом заливает стоящие на рейде суда, кварталы города, далеко протянувшиеся вдоль берега. И всю эту живописную панораму венчают вздымающиеся красавцы — вулканы Корякский и Авача. Величественная, надолго запоминающаяся картина! Но настоящее удовольствие сможешь получить, если сядешь в вертолет и низко пролетишь над лесами и реками, над озерами и вулканами Камчатки. После долгого ожидания погоды и случая нам представилась такая возможность, и оранжевый МИ-8, заказанный Кроноцким заповедником для своих нужд, полетел в глубь полуострова. Едва забугрились под нами сопки, зелень на деревьях исчезла, обнажив изломанные ветрами ветки-сучья берез, забелели пятна и полосы снега, вспыхнули белые шапки гор. На горы наплывали облака. Они ниже нас. Вдруг видишь, какая-то круглая макушка горы проткнула облачное одеяло, где-то еще одна макушка высовывается. Наконец, облака под нами затягивают все сплошной пеленой — словно густой пар над кастрюлей. Только пар не клубится, а лежит неподвижно, как на фотографии. Варево из пара окружено бортиками дальних гор. Иногда бортик ниже пара.

Вертолет подходит к черной горе, правильный конус ее выпирает из облаков и почему-то совсем не занесен снегом. Должно быть, на нем горячо. Приглядевшись, замечаем чуть заметный парок — вулкан курится.

Вулкан Карымский, который мы пролетаем,— один из ста сорока вулканов Камчатки и чуть ли не из самых активных. С конца восемнадцатого столетия он оживал свыше тридцати раз, оглашая все вокруг грохотом и гулом и ослепляя вспышками молний. Уже в нашем веке вулкан извергался двадцать раз, и все извержения, кроме одного, были взрывными. Что, если сейчас под нами бабахнет? А впереди еще одно чудо: широкий, чуть неровный по высоте кратер. Стенки его красиво и круто обрываются вниз, а дно кратера — зеленое, мутноватое озеро. Летчики обходят вулкан, и он поворачивается к нам своими боками. Поблескивает, маня, озеро. Но мы знаем: озеро — ловушка. Стальной гидрологический трос, опущенный в него, пришел в негодность через двадцать минут. Резиновая лодка лишилась дна через несколько дней работы. Озеро кислотное. Каких только компонентов не содержится в этой воде! В сравнительно небольшой чаше, полагают, «плавает» восемнадцать тысяч тонн алюминия, шестнадцать тысяч тонн железа. Может быть, когда-нибудь придет время и будем черпать металлы из подобных растворов? На Камчатке известны проявления ртути, меди, сопутствующих им никеля, золота.

Уникальность природы Камчатки невольно наталкивает на мысль о создании на полуострове Национального парка, комплексного резервата природы. Недра Камчатки содержат немало того, ради чего стоило бы и побуравить землю и порыть песочек. Но драга, поставленная на речке и замутившая воды ее, на веки вечные погубит золотую рыбу. Известно, лосось мечет икру только в той речке, в которой родился. Оборви эту цепочку один раз — ее уже не связать...

ДЕРЖАТЬСЯ БЛИЖЕ К ОПАСНОСТИ

Есть у моряков правило: «Держаться ближе к опасности». Объяснить его можно так: не расслабляться, быть готовым в любую минуту, в любой миг встретить неожиданность собранным, подготовленным к ней. Вспомнилось это, когда в музее Сахалинского морского пароходства мы стояли у макета одного из первых судов, начавшего работать здесь еще в сороковые годы, ветерана «Ванцетти». О, в свое время это был знаменитый пароход! В 1935-м первым из торговых судов за одну навигацию прошел Северным морским путем из Ленинграда во Владивосток... Потом Великая Отечественная война. Оснащенный единственным орудием и двумя пулеметами, «Ванцетти» возил военные грузы. В музее хранится его судовой журнал военных лет — серая конторская книга, исписанная быстрым, но твердым почерком: месяцы, дни, часы, а иногда и минуты жизни судна. Мы сделали некоторые выписки.

«Баренцево море, вторник, 5 января 1943 года.

12.00. Слева на траверзе обнаружено судно, по внешнему виду напоминающее или подводную лодку, или же сторожевой корабль... Дан сигнал боевой тревоги...

15.45. ...обнаружена идущая по поверхности воды торпеда... Руль судна положен лево, а затем мгновенно право на борт. Торпеда прошла слева по носу.

15.50. Обнаружена вторая, идущая в корму судна, торпеда и одновременно в двух кабельтовых бурун идущей подводной лодки. Струей воды от винта торпеда отброшена и прошла слева по корме.

15.51. Из орудия и правого пулемета открыт огонь по буруну — первые три снаряда легли в бурун, причем разрыв второго из них был особенно силен, по-видимому, снаряд достиг цели.

15.52. Бурун скрылся, даны в место скрытия его еще три залпа... Продолжаем следовать в полной готовности к отражению нападения...» Так мирное судно уничтожило вражескую подводную лодку.

В 1949 году Сахалинское пароходство, которому исполнялось четыре года, получило «Ванцетти» в свое распоряжение. Тогда это было единственное судно в пароходстве, которое могло перевозить тяжеловесные и негабаритные грузы. Оборудованное двумя мощными стрелами, каждая грузоподъемностью в пятьдесят тонн, оно помогало забрасывать на недавно освобожденный от японских милитаристов Южный Сахалин паровозы и трансформаторы, строительную и дорожную технику. Остров, в сущности, приходилось отстраивать заново, и с материка все шли и шли грузы... Идут они и сейчас: и с материка, и на материк с острова. Только идут несколько иначе: железной дорогой, проложенной по морю...

На лоцманском катере мы вышли из ковша — акватории порта, чтоб на свежем ветру и крутой волне встретить очередной подход парома «Сахалин-8». Еще загодя «Сахалин» стал поднимать аппарель — замыкающую корму скобу-дверь. Она медленно поползла кверху. И тотчас же живо представилась чудо-юдо-рыба-кит, которая собралась поглотить в своем чреве весь Холмск. Но этого, к счастью, не произошло, а минут через сорок после швартовки «кит» начал выпускать на волю плененные корабли, то есть, мы хотели сказать, железнодорожные вагоны. Покатились наружу закрытые вагоны и платформы с тракторами, с контейнерами, с какими-то строительными деталями. А паром тем временем стал загружаться вагонами, следующими на материк. Меньше чем через полсуток эти вагоны смогут продолжать свой путь хоть до самой Молдавии, хоть до Прибалтики — до любой точки страны, куда доходит железная дорога, и ни одной тебе перевалки грузов.

— Теперь наша задача — закончить вторую очередь переправы,— рассказывал секретарь Холмского горкома партии А. П. Аксенов.— Тогда вместо пяти можно будет принимать восемь-девять паромов в сутки. К тому же причальные сооружения требуют ремонта, а «окон» для этого нет, ритм работы жесткий. Вторая очередь поможет решить и эту задачу. Необходимо еще рыбный порт «привязать» к переправе. Где-то отсыпать площадки — на берегу места нет, надо взять его у моря,— где-то пути дотянуть, в море подходы улучшить — углубить канал, удлинить причальную стенку. В общем, работы здесь еще хватит...

Сахалинская нефть известна уже давно. Сохранились кадры старой кинохроники: по бездорожью, сквозь тайгу, через шальные реки, топи пробираются те, кому надлежало стать пионерами освоения нефти края, закладывать первые буровые, ставить бараки для жилья, корчевать пни, словом, обживаться на новом месте. И обживаться основательно, на долгие времена — работа тут предстояла немалая. Имена тех пионеров, таких, как Михаил Мирчинк, сегодня можно прочесть на бортах судов. Слава нефтеносной Охи не померкла и сейчас, и ничуть не стало меньше значение дальневосточной, а это значит сахалинской, нефти. Геологические структуры показали: месторождения тяготеют к морю, нефть «уходит» на шельф. Значит, за ней нужно и следовать, искать ее там. В 1977 году была создана экспедиция для разведки нефтеносности шельфа Сахалина и окружающих морей. Экспедиция стала обрастать техникой, специальной, такой, какой здесь еще не приходилось пользоваться. Сегодня у морских разведчиков две самоподъемные установки, с которых можно вести бурение в море, имея между установкой и дном прослойку воды в несколько десятков метров.

Сквозь туман и ледяную кашу буксируемая «Оха» — самоподъемная буровая установка — добиралась с места своего зимнего отстоя на точку, где она встанет своими мощными ногами-опорами на дно и нацелит буры-щупы сквозь серую сумятицу волн и твердь подводных гор к тем заветным кладовым, ключи к которым природа припрятала чуть подальше. А там, где недостанет длины ног «Охи», придет на помощь буровое судно «Мирчинк». Дождется «стоп-воды» — это минимальные течения, нулевой цикл между приливом и отливом,— операторы врубят всю свою электронику (судно должно стоять на одном месте, как пришпиленное, а для этого оно само должно «думать», как удержаться в заданном положении), заложат скважину — основу ее. А от нее уж бури во все стороны — целый куст. Далеко вокруг можно прощупать и прослушать, чем дышит земля, равно как и чем дышит море, то есть шельф.

Когда подъезжаешь к Холмску, обязательно обратишь внимание на этот монумент. На легкой белой волне застыло артиллерийское орудие — пушка времен второй мировой... И тогда непременно вспомнишь: ты находишься на самой молодой советской земле. Отторгнутая от России в 1905 году Японией южная часть острова была возвращена только сорок лет спустя. Шел август 1945-го...

— Вот здесь находился трехорудийный капонир японцев, а наша цель была так скорректировать огонь корабельной артиллерии, чтоб ликвидировать его,— рассказывает, ориентируя нас на местности, Михаил Васильевич Башмуров, бывший старшина 1-й статьи, командир корректировочного поста при освобождении Холмска (Маока, как называли его японцы).— Вскоре артиллерия накрыла эту огневую точку, а к вечеру был взят перевал.

Япония не слишком радела о богатствах Сахалина. Цель была одна — урвать побольше с колонии, чтоб обеспечить метрополию лесом, бумагой, целлюлозой, углем... От берегов Южного Сахалина к столу Японии шли сельдь, кета, горбуша...

Кончилось время иноземного хозяйничанья. Край стал самым молодым советским регионом. Ему предстояло быстро наверстать тот путь, который уже прошли ближние и дальние соседи — края и области Дальнего Востока, Сибири, всего Советского Союза...

Идет время, поколение сменяет поколение. У Башмурова, освобождавшего Сахалин, здесь выросли дети. Старший сын, Виталий, работает заместителем начальника морского вокзала в Холмске, младший, Александр,— в пароходстве... А внуки, поди, об иных краях и слышать не хотят: сахалинцы мы, коренные...

Владивосток — Петропавловск-Камчатский — Южно-Сахалинск.

Д. КАЧИН,
первый секретарь
Камчатского
обкома КПСС

САМАЯ ОТДА

— Камчатка — самая отдаленная область нашей страны! Но здесь можно встретить и москвичей, и киевлян, и уроженцев Прибалтики и Кавказа. Что привлекает их сюда?

— Живуча завещанная нашими предками тяга к Великому океану, к далеким восточным землям Родины. Не ослабевает она в сердцах наших современников.

Камчатка — не только полуостров. В нашу область входят острова Командорские и Карагинский, а также часть материка. В ее составе Корякский автономный округ.

Тысячи нитей связывают экономику области с хозяйственной жизнью страны. Камчатка — край богатых природных ресурсов. Но заставить их служить человеку непросто. Немало усилий нужно приложить, чтобы здесь построить дом, вырастить овощи, испечь хлеб. Ощущается нехватка рабочих рук. Стараемся брать не числом, а умением.

В годы Второй камчатской экспедиции Беринга на полуострове жило около трех тысяч человек. Обживаться Камчатка стала лишь в наше, советское время. Сегодня население области превышает четыреста тысяч человек. Но на каждого приходится больше квадратного километра: люди Камчатке очень нужны.

Здесь мы все на виду друг у друга. Здесь лёгче оценивать человека в деле. На Камчатке немало возможностей проявить свой талант, мужество. Вот это и привлекает сюда даже москвичей и киевлян. Да к тому же в здешних суровых местах введены и северные надбавки, поясные коэффициенты. Но, повторюсь, дело не только в них. Романтиков влечет необычность самой жизни. И сказочная красота! Чувство величайшего изумления испытывает человек, поднявшийся в заоблачную высь к огнедышащему кратеру вулкана. А ход лососей в стремительной, родниково-прозрачной реке!.. Манят недоступностью горные хребты, прячущие макушки в снегах и туманах. Причудливы очертания бухт, изломы береговой полосы...

Сообразно природным условиям складывалась и экономика области. На побережье — рыбные промыслы и рыбоводство, в долинах — земледелие и лесозаготовки, в тундре — оленеводство и добыча пушнины. Особенность Камчатки внутри нас, в каждом живущем здесь — это прежде всего органическая слитность с Родиной! Делами страны, ее заботами, проблемами мы тут живем особенно остро. Тем и необыкновенны наши люди. Я не оговорился: именно необыкновенны! Иначе не скажешь о тех, кто сумел сделать Камчатку, всю нашу область, ее экономику такой, какая она сейчас. Освоены здесь и земля, и море.

Камчатский характер формируется не только географическим положением. В его создании немалую роль играет профессия. Возьмем моряков, на долгое время покидающих землю! Тяжел труд камчатских изыскателей, но как он привлекателен. Ибо земля наша соткана из загадок, и какой геолог не мечтает проникнуть в них, найти ключи к сокровищам. А профессия вулканолога! Подобно врачу, вулканолог прослушивает дыхание могучих исполинов, предупреждает людей об их грозном пробуждении. Люди живут идеей запрячь в народнохозяйственную упряжку вулканическую энергию. Лесозаготовители, строители, авиаторы... Работу всех и каждого усложняют условия Камчатки. Рыбный промысел — основное занятие жителей Камчатки. В области множество озер и рек. Почти все они как бы «инкубаторы» для естественного воспроизводства лососей. Камчатка занимает первое место на азиатском побережье по их воспроизводству. Потенциальные возможности наших водоемов велики. У нас обитают чавыча, нерка, кета, горбуша, кижуч, сима, кунжа, семга, микижа, голец, хариус. Тихоокеанские лососи обладают так называемым домашним инстинктом — после нагула в океане возвращаются на нерест в родные реки. Это позволяет регулировать их численность, помогает рыбоводству.

Лидируя в стране по добыче лососевых, наши рыбаки уверенно работают и в дальних океанских экспедициях, и на прибрежном лове. Береговая линия полуострова — это более трех тысяч километров. А побережье, как известно, является самой богатой экологической зоной. Здесь нерестится и кормится большинство видов рыб.

— Жить на вулкане — не у вас ли, на Камчатке, родилось это выражение? Огнедышащие горы... Подземное тепло — это важный для человека резерв энергии. Дмитрий Иванович, как полнее и рациональнее использовать тепло естественных подземных котельных? Какие прогнозы на завтра?

— Камчатка — уникальный регион по запасам геотермальной энергии. Известно около полуторакста термопроявлений, по которым общий вынос тепла с глубины до двух тысяч метров оценивается величиной около трех гигакалорий в секунду. На отдельных месторождениях температура пара и пароводяной смеси доходит до двухсот градусов! Гидротермальные системы и локальные блоки высоконагретых горных пород максимально приближены к земной поверхности. Они доступны для вскрытия современной буровой техникой. Уже подсчитаны и подтверждены запасы тепла Паужетского и Большебанного месторождений парогидротерм, Верхне-Паратунского, Начикинского и Эссовского месторождений термальных вод. Наиболее перспективно Мутновское месторождение парогидротерм.

В области накоплен опыт в использовании тепла Земли. С 1967 года работает Паужетская геотермальная электростанция. Стоимость одного киловатт-часа здесь почти вдвое ниже, чем на дизельной электростанции.

За счет термальных источников на Камчатке обогреваются пять населенных пунктов. Это дает возможность экономить ежегодно почти сто пятьдесят тысяч тонн условного топлива. Вот уже пятнадцать лет использует тепло недр совхоз «Термальный». Здесь ежегодно выращивают более полутора тысяч тонн огурцов, помидоров, зеленого лука, редиса и других овощей.

Большой популярностью пользуются горячие источники и при лечении разных заболеваний. Поселок Паратунка и его окрестности стали местом массового отдыха. Вблизи термальных вод построены пионерские лагеря, профилактории, дома отдыха. Сегодня в области разрабатывается долгосрочная комплексная программа «Геотермальные ресурсы», она позволит максимально вовлечь подземное тепло в хозяйственный оборот Камчатки. К концу следующей пятилетки намечаем в два раза увеличить добычу термальных вод.

— Одно из чудес Камчатки: в краю холодном, где лето короткое, картошка или овощи растут нормально. Дмитрий Иванович, каковы пути развития сельского хозяйства?

— Земледелие на Камчатке зародилось более двух веков назад. Правда, в первые годы Советской власти посевная площадь области составляла всего... пятнадцать гектаров. Ныне полей куда больше, и Камчатка занимает одно из ведущих мест в Российской Федерации по урожайности. Например, средние сборы картофеля за годы этой пятилетки составляют около ста сорока центнеров с гектара, овощей — более двухсот центнеров, надой на фуражную корову достиг трех тысяч двухсот килограммов. По обеспеченности капустой и яйцами мы вышли и на научно обоснованные нормы потребления. Сегодня земледельцы области полностью обеспечивают

СЧАСТЛИВАЯ ДОРОГА «МЭНГО»

На репетиции.

Фото В. Кравченко

Несколько лет назад в Париже во время фестиваля «Танцы и песни Советской страны» пять тысяч человек, собравшихся во Дворце спорта, восхищались искусством народов нашей страны. И настоящей сенсацией стали выступления тогда еще самодеятельного ансамбля Корякского автономного округа «Мэнго».

...Грозный рев прибоя слышался в тревожном гуле бубна, шум волны, ударяющейся о невидимые скалы, и жалобные крики чаек вплетались в суровую мелодию. Хореографическая картина, созданная на эт-

ЛЕННАЯ...

Камчатку картофелем и столовыми корнеплодами. За счет чего достигнуты такие результаты? Сказалась настойчивая работа по районированию местных сортов картофеля и овощей. Это заслуга Камчатской государственной сельскохозяйственной опытной станции. Возглавляет ее человек, влюбленный в Камчатку,— Алексей Михайлович Ярушин.

— А как оберегается уникальная природа Камчатки? Экологическая проблема, очевидно, смыкается с проблемой туризма?

— Я уже говорил об уникальности Камчатки и готов позавидовать тем, кто увидит ее впервые. Ничто не заменит свежести первых впечатлений!.. Чтобы сохранить этот довольно-таки ранимый и хрупкий мир, созданы заповедники и заказники. Под охрану государства взяты места обитания редких зверей и животных, перелетные птицы. Выдаются «охранные грамоты» нерестовым рекам.

Но невозможно держать взаперти то, что можно показать, что восхищает! И поэтому мы за туризм. Но за туризм организованный. В этом смысле самодеятельность ни к чему. Стихийные набеги любопытных способны уничтожить любое явление природы. Считаю, что вопрос большого туризма на Камчатке должен решать ВЦСПС. Развивать эту отрасль могут и обязаны профессиональные союзы. А мы, со своей стороны, делаем все, чтобы сохранить для потомков необычный кусочек земли русской — Камчатку.

— Дмитрий Иванович, последний вопрос, естественный в предсъездовские дни. Чем область встречает XXVII съезд партии?

— Камчатцы стремятся отметить знаменательное событие в жизни партии и народа трудовыми подарками. В области широко развернулось соревнование под девизом «XXVII съезду КПСС — достойную встречу!». Инициаторами, флагманами этого движения являются труженики ведущей отрасли хозяйства — рыбной. В канун своего профессионального праздника они рапортовали о выполнении пятилетнего плана по вылову рыбы и морепродуктов. Большой вклад в достижение этой трудовой победы внесли коллективы базы океанического рыболовства производственного объединения «Камчатрыбпром», управления промыслового флота межколхозного объединения, ордена Дружбы народов колхоза имени В. И. Ленина, экипажи БМРТ «Алексей Стаханов», «Сероглазка», а также рыболовных сейнеров «Аксаково» и «Абзаново» и многих других промышленных судов.

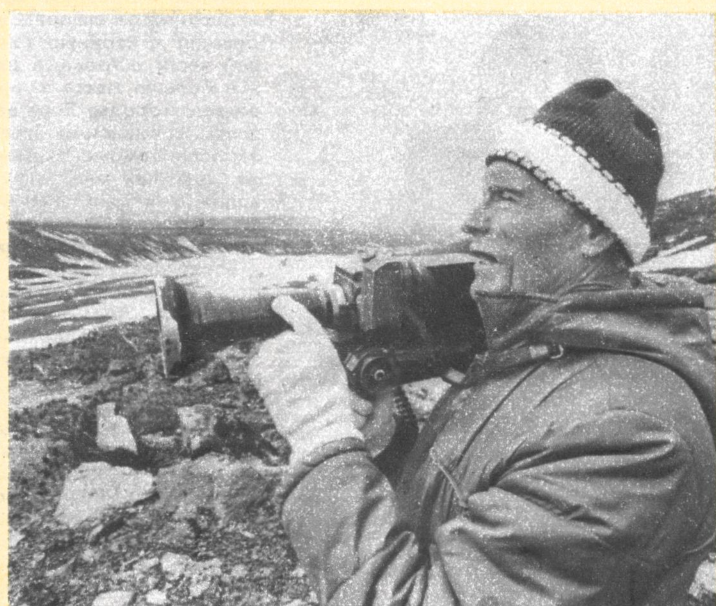
Сегодняшнюю Камчатку вполне оправданно можно сравнить с огромной строительной площадкой. Возводятся производственные объекты и жилые дома, общеобразовательные школы и детские дошкольные учреждения, поликлиники и больницы, дома культуры и базы отдыха. Тон в работе здесь задает коллектив Петропавловского домостроительного комбината, досрочно выполнивший пятилетку по вводу жилья. Став на предсъездовскую вахту, строители обязуются сдать больше пятилетнего задания 60 тысяч квадратных метров жилья, школ на 1800 мест, на месяц раньше срока ввести в эксплуатацию первую очередь ТЭЦ-2. А бригада заслуженного строителя РСФСР, делегата XXVI съезда партии Любови Федоровны Григорьевой наметила выполнить за пятилетку семь с половиной годовых планов.

В трудных погодных условиях нынешнего лета настойчиво борются за выполнение предсъездовских обязательств труженики сельского хозяйства области. Они досрочно выполнили планы первого полугодия по производству и продаже государству молока, мяса, яиц.

Стабильно работают в эти дни предприятия судоремонта, морского, авиационного, автомобильного транспорта, связи, геологии, пищевой, местной промышленности.

Многие трудовые коллективы области решили завершить двухмесячный план будущего года ко дню открытия XXVII съезда КПСС.

Усилия камчатцев направлены на лучшее использование производственного потенциала, достижение максимальных конечных результатов при минимальных затратах, ускорение интенсификации производства, повышение производительности труда.

«Я СТОЮ У КРАТЕРА ВУЛКАНА...»

Друзья шутят, что каждый его репортаж начинается словами: «Я стою у кратера вулкана...» Но в любой шутке, как известно, есть доля истины. Если говорить о Василии Нефедовиче Плоцком, эта «доля» особенно велика. Кинокорреспондент Гостелерадио, корреспондент программы «Время» работает на Камчатке. Он первым оказывается на извержении вулкана, а в тот же вечер свидетелем редкого зрелища становится вся страна. Плоцкий встречает где-то в море возвращающихся после дальнего многомесячного плавания рыбаков. И, войдя в дом, рыбаки уже видят на голубом экране репортаж о себе из Москвы. Понятно, корреспондент не обходит в наблюдениях и вещи более обыденные, «земные»: как строится городская ТЭЦ или какие заботы тревожат портовиков.

За пятнадцать лет работы репортера на ЦТ одна только программа «Время» выпустила в эфир тысячу двести подготовленных им сюжетов. А «Клуб путешественников», другие популярные программы, включавшие в свои передачи если не самостоятельные сюжеты, то отдельные эпизоды, кадры, многие из которых были неповторимы... Причем там, где по нормам и правилам должны работать несколько человек, Плоцкий справляется один. Он оператор — это прежде всего. Но он и комментатор. Закрепив камеру на штативе и нажав «пуск», оператор входит в кадр, чтоб взять интервью. Добавим к этому, что он сам себе редактор, а также звукооператор и осветитель, секретарь-машинистка и администратор, супертехник по ремонту аппаратуры и аккумуляторщик. Профессий не перечесть, и почти все они на общественных началах, кроме основной — репортера-журналиста в широком смысле слова. На Камчатке его знают все: на любом событии корреспондент — желанный гость, а вернее сказать — участник...

...Было это давно, в годы войны. Отец Василия промышлял золото в Сибири, потом ушел на фронт, воевал и погиб под Будапештом. Пятнадцатилетнему пареньку, вернувшемуся с приисков домой, в деревню под Омском, председатель колхоза сказал: «Пойдешь теперь на курсы ветеринаров». Окончил мальчишка шестимесячные курсы и приехал в село главным врачевателем скотины. Рабочий день начинался в шесть утра, нужно было объехать все фермы — две с половиной тысячи голов скота. А когда повзрослел, призвали служить на флот. Василий плавал на тральщиках — обезвреживали минные поля, потом почти случайно попал в газету. Узнали про его занятия фотографией и пригласили репортером в газету. Потом увлечение кино, любительские фильмы (конечно же, о море), отмеченные наградами фестивалей, профессиональные ленты, которые увидел уже широкий зритель. И, наконец, Центральное ТВ.

нографической основе, называлась «Чайка». Шесть девушек в стремительном движении летали над сценой, как чайки над кромкой морского прибоя. Многие не верили, что крики чаек издают танцующие девушки, считали, что звуки прибоя приносит на сцену современная радиотехника.

Популярность корякских артистов была столь велика, что однажды к ним в раздевалку заявился модельер, через несколько дней в витрине роскошного парижского магазина появилась новая модель сезона — «Чайка».

Руководителю и создателю «Мэнго» Александру Гилю вспомнились его собственные слова, сказанные по приезде в Палану, центр Корякского автономного округа: «Хочу отобрать для сцены самое ценное. И выбрать такую форму воплощения, чтобы о таланте северян узнал весь мир». Даже ему самому слишком самоуверенными показались эти слова. Но вскоре на Камчатке оценили характер парня, приехавшего с Украины. Молодой балетмейстер начал с трудных дорог по тундре, с поездок к оленеводам, рыбакам. Он слушал рассказы пастухов, запоминал танцы, подражающие движениям животных и птиц.

Создав ансамбль, Александр Васильевич объединил различные номера в единое театральное действие. Имя «Мэнго» ансамбль получил в память о его первом балете.

За два десятилетия «Мэнго» вырос от танцевального кружка сельской самодеятельности до признанного профессионального коллектива. Он приобрел свое неповторимое артистическое лицо. Сегодня счастливая дорога «Мэнго» провела его по сценам Болгарии и Монголии, Италии и Франции, США и Японии.

ПУТЕШЕСТВИЕ ВДОЛЬ КРОМКИ ПРИБОЯ

П. ТРЕТЬЯКОВ,
первый секретарь Сахалинского обкома КПСС

интервью «огонька»

ОСТРОВ СОКРО

— Петр Иванович, отправляясь на Сахалин, редкий человек не вспомнит Чехова. Адом на земле назвал остров писатель, посетив его в 1890 году... А какой Сахалин сегодня, почти век спустя?

— Сахалин и Курильские острова — единственная в нашей стране островная область. Эти исконно русские земли долго не оставляли в покое иностранные хищники. В середине прошлого столетия Япония «выторговала» сначала южные Курильские острова, а потом прибрала к рукам и северные. В результате поражения царизма в русско-японской войне в начале нашего века Япония отторгла от России южную часть Сахалина, а в годы гражданской войны оккупировала и Северный Сахалин, который был освобожден только в 1925 году... После Великой Отечественной войны Южный Сахалин и Курильские острова были навсегда возвращены нашей Родине. За послевоенные сорок лет Сахалинская область превратилась в многоотраслевой промышленно-аграрный район страны. Здесь добывают уголь, нефть, газ, разнообразные морепродукты, комплексно разрабатываются лесные богатства, выпускаются бумага, картон, целлюлоза, многие другие виды продукции деревообработки и лесного хозяйства. Наша область — большая строительная площадка. Возводятся и реконструируются многочисленные объекты промышленности, сельского хозяйства, социально-культурного назначения, преображаются наши города и села.

Причудлива и многообразна природа островного края. Тундра и лесотундра севера Сахалина переходят в хвойную тайгу в средней части острова, а далее к югу все больше места занимают лиственные породы. Зона вечной мерзлоты с оленьими ягельниками и заросли бамбука, каменная береза, саянская ель, даурская лиственница и цветущая магнолия — так широк у нас диапазон климатических и растительных зон.

Богат животный мир наших островов и прилегающих к ним морских вод. Эти богатства имеют большое народнохозяйственное значение, мы стараемся использовать их рационально и комплексно.

Сахалинская область дает более двенадцати процентов общего объема промышленной продукции Дальневосточного региона. Сахалинцы настойчиво работают над реализацией задач, определенных партией. Несмотря на имеющиеся объективные трудности, одиннадцатую пятилетку завершаем в основном с положительными итогами. Объем промышленного производства за четыре года возрос на 6,4 процента. Сверх плана реализовано промышленной продукции более чем на сто восемьдесят миллионов рублей. Стремимся закрепить и умножить положительные качественные сдвиги в экономике.

Есть у нас и проблемы. Нередко связаны они с тем, что руководители отдельных министерств и ведомств не всегда оказывают должную поддержку и помощь соответствующим отраслям экономики области, особенно в вопросах технического перевооружения и темпов их развития.

Сорок лет назад на Сахалине не было хорошего жилья. Основу его составляли каркасно-засыпные деревянные бараки. Сейчас ежегодно в области вводится благоустроенных жилых домов общей площадью около трехсот тысяч квадратных метров.

Мы имеем все необходимое для того, чтобы уже в ближайшее время полностью ликвидировать в области бараки.

— Петр Иванович, расскажите, пожалуйста, подробнее о решении жилищной проблемы.

— У нас разработана долговременная комплексная программа жилищного строительства. В ее реализации принимают участие все отрасли народного хозяйства. Координацию и общее руководство осуществляет облисполком. Партийные органы внимательно контролируют ход работ. Наращивают производство два домостроительных комбината, сеть предприятий и цехов строительной индустрии, решаются вопросы повышения индустриализации строительства, внедряются новые прогрессивные формы организации труда и производства. Пристальное внимание мы уделяем кадрам строителей, как руководителей, так и работников массовых профессий.

— Петр Иванович, на Сахалине вот уже многие годы разрабатываются единственные пока на Дальнем Востоке промышленные запасы нефти и газа...

— Да, наш остров недаром называют островом сокровищ. Одно из богатств — нефть. На сахалинском севере, в нефтяной Охе, почти шестьдесят лет работают нефтяные промыслы — одни из самых старых в нашей стране. Ускоренно развивается нефтедобыча в соседнем с Охой Ногликском районе. Старые нефтепромыслы обретают сейчас как бы вторую жизнь. Новая техника нефтедобычи, широко практикуемые у нас вторичные методы воздействия на пласты позволили значительно повысить нефтедобычу. В последние годы крупный размах приобрел поиск нефти и газа. Он охватывает и сушу острова, и — в преобладающей мере — сахалинский шельф. Наши нефтяники ускоренно осваивают новые для себя морские профессии, очень сложные и ответственные, связанные с эксплуатацией уникального оборудования, в частности плавучих буровых установок, специальных кораблей нефтегазоразведки. На сахалинском шельфе уже открыто несколько месторождений нефти и газа. В будущей пятилетке планируется начать их промышленную эксплуатацию. Дело это очень сложное. В мировой практике пока нет прецедента нефтедобычи в морях с такой высокой ледовитостью, как Охотское. Однако научные рекомендации и разработанные проекты промышленного освоения нашего шельфа позволяют надеяться на успешное разрешение проблем. В итоге планируется в несколько раз увеличить добычу нефти в области, повысить самообеспеченность Дальневосточного региона этим ценным сырьем.

— Останется ли Сахалин рыбным цехом страны?

— Конечно, рыбное хозяйство области и впредь будет ведущей по объему производства отраслью, которая сейчас дает почти десятую часть общесоюзного улова и производства рыбных консервов.

Сегодня сахалинские рыбаки ведут промысел в различных районах Мирового океана, вдали от родных берегов. Все более полно осваиваются сырьевые ресурсы и наших прибрежных вод. Этим занимаются в основном десять рыболовецких колхозов. Промысел морских богатств стараемся вести рационально, с учетом рекомендаций науки и достижений передовой практики. Большое внимание уделяется воспроизводству рыбных ресурсов, в частности лососевых. На Сахалине и Курильских островах восемнадцать рыбоводных заводов производят ежегодно около миллиарда штук жизнестойкой молоди лососевых рыб, принимаются меры по созданию крупномасштабного лососевого хозяйства.

— Не скажется ли отрицательно на рыбоводстве разработка месторождений нефти и газа на шельфе острова?

— Природоохранные мероприятия, защитные сооружения, предусмотренные при этом, сводят к минимуму отрицательное воздействие нефтегазодобычи на окружающую среду.

— Петр Иванович, а как обстоят дела в лесной и целлюлозно-бумажной отраслях?

— Сегодня мы добываем около трех миллионов кубометров древесины, которая направляется для нужд потребителей области и за ее пределы. Настойчиво работаем над восстановлением лесов. Ежегодно сажаем более 10 тысяч гектаров. Наши семь целлюлозно-бумажных заводов вырабатывают более 90 процентов всего объема целлюлозно-бумажной продукции Дальневосточного региона. Работаем над повышением эффективности производства за счет внедрения новых технологий и модернизации основных фондов отрасли.

Немало крупных задач в развитии производительных сил стоит сейчас перед областью. В их решении не обойтись без привлечения дополнительных людских ресурсов. И мы готовимся к этому. О решении проблем жилищно-коммунального хозяйства уже говорилось. Серьезная проблема — дальнейшее улучшение снабжения населения продуктами питания за счет производства их на месте. Предмет законной гордости сахалинцев — наше сельское хозяйство. Оно у нас высокоинтенсивное, специализирующееся в основном на производстве картофеля, овощей и молока, т. е. таких продуктов, которые транспортировать из других районов страны сложно, а подчас и невозможно. Вот уже многие годы население области в полном достатке обеспечивается картофелем, капустой, столовыми корнеплодами, зелеными культурами, цельномолочной продукцией, яйцом и в значительной мере мясом за счет производства этих продуктов на месте. А ведь еще совсем недавно даже среди специалистов бытовало мнение о полной непригодности наших земель и климата для ведения сельского хозяйства. Изменился сам подход.

к организации сельскохозяйственного производства. Сейчас оно ведется на основе новых технологий, районированных систем земледелия и животноводства, с применением достижений науки и передовой практики. Именно это позволяет нам, несмотря на низкую землеобеспеченность (на каждого жителя области приходится лишь по 0,05 гектара пашни), в целом устойчиво решать проблемы обеспечения населения основными сельскохозяйственными продуктами.

Вместе с тем мы продолжаем настойчиво работать над повышением эффективности сельскохозяйственного производства, продуктивности животноводства, урожайности полей, улучшением переработки продукции.

Желающим переселиться на Сахалин следует учесть все эти обстоятельства.

— Но отдаленность Сахалина смущает многих.

— Отдаленность — понятие относительное. В области неплохо развиты все виды транспорта и связи, действует разветвленная система железных и автомобильных дорог. Прочно связала Сахалин с материком морская железнодорожная паромная переправа. Завершается строительство второй ее очереди. Южно-Сахалинский аэропорт готовится после реконструкции принять самолеты ТУ-154. Это значительно упростит и облегчит поездки сахалинцев в центральные районы страны. Система

ВИЩ

«Орбита» позволяет жителям всех поселков Сахалина и Курил смотреть передачи Центрального телевидения. Центральные газеты мы читаем в день их выпуска. Есть свои театры, часто приезжают московские, ленинградские, украинские, белорусские артисты. Словом, сахалинцы имеют все возможности плодотворно работать, отдыхать и учиться...

— Петр Иванович, сахалинцы наверняка не с пустыми руками подходят к XXVII съезду КПСС?

— Как и вся страна, мы готовим съезду свои трудовые подарки. Главный из них — выполнение и перевыполнение установленных плановых заданий и принятых социалистических обязательств текущего года и пятилетки в целом во всех трудовых коллективах области.

В этой работе областная партийная организация, труженики Сахалина, руководствуясь решениями апрельского и июльского Пленумов ЦК КПСС, активно вовлекают в производство имеющиеся резервы, устраняют недостатки, повышают дисциплину и ответственность каждого человека за порученное дело.

НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ТРОПАХ

И СНОВА ДАЛЬНИЙ РЕЙС

Капитан «Вулканолога» В. А. Свинухов и первый помощник И. З. Собко перед выходом в дальний рейс.

В судовых документах научно-исследовательского судна «Вулканолог» этот океанский рейс будет значиться двадцать четвертым...

Сегодня наша наука уделяет большое внимание изучению океана. Есть достаточно мощный специальный флот. На судах — стационарные буровые установки, автономные аппараты, в которых человек опускается на большие глубины. Кораблям науки не страшны штормы и бури, порой они намеренно идут в самый центр тайфуна, чтобы познать загадочные явления природы. Водят эти корабли самые опытные капитаны. Вот и «Вулканолог» в предстоящий рейс поведет первоклассный капитан Валерий Александрович Свинухов.

— Есть еще на океанских картах белые пятна, — рассказывает нам Валерий Александрович. — Недавно мы на экваторе, в районе острова Новая Гвинея, изучая дно, определили древний вулкан, заросший коралловыми рифами. В прошлом рейсе обнаружили «живой» вулкан между Камчаткой и Командорскими островами, его еще предстоит исследовать.

За девять лет своей службы «Вулканолог» побывал почти во всех «горячих» точках Тихого океана. Его экипаж оказал неоценимую помощь братскому Вьетнаму. Изучая дно Южно-Китайского моря, советские моряки установили единство подводной вулканической зоны с материковой. Данные подводных работ давно интересуют вьетнамцев. Это связано с вулканом Иль-де-Сандер, район которого богат ценными промысловыми рыбами, морепродуктами и пригодными в пищу водорослями.

ШИКОТАНСКИЕ СНЫ

— Татьяна, вот ты побывала на острове Шикотан. Что больше всего запомнилось тебе? — спросили мы девушку в стройотрядовской куртке.

— Представьте себе: сны, их постоянство. Почти каждую ночь видела цех своего рыбозавода, белые халаты девчат и маленькие банки, миллионы банок, в которые мы укладывали кусочки рыбы, делая деликатесные консервы. После студенческой путины долго помнился шикотанский воздух, особенный, постоянно пропитанный запахами рыбы. Потому что Шикотан — это промысел рыбы, засолка рыбы, консервирование рыбы...

Шикотан — остров Курильской гряды. В путину он молодеет: сюда приезжают студенты. В путину заводы рыбокомбинатов на острове работают днем и ночью. К их причалам сейнеры добывающего флота подвозят свежую рыбу.

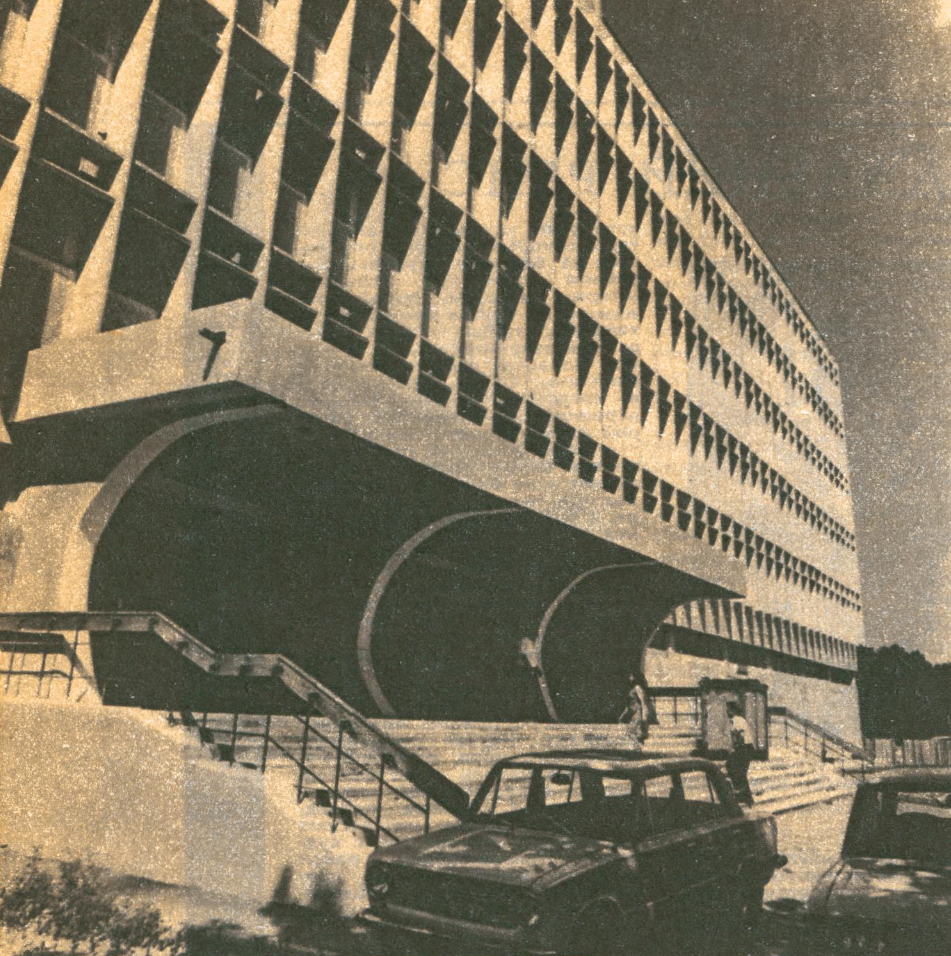
На Шикотанском рыбокомбинате.

В этом году на острова Сахалинской области командировали студенческие отряды Астраханская, Кемеровская, Калининградская, Московская, Новосибирская, Орловская, Читинская, Челябинская области; Красноярский, Приморский, Хабаровский края; Украинская ССР. Пятитысячная армия стройотрядовцев работает сегодня на важнейших стройках области. К концу трудового семестра студенты выполнят строительно-монтажные работы на 8 миллионов рублей. И если к концу третьего семестра на островной земле встанут новые здания жилых домов и детских садов, поднимутся мосты, дороги, протянутся линии электропередач, если страна получит тысячи тонн добротной рыбной продукции, — значит, бойцы студенческих отрядов, приехавших на Сахалин и другие острова области, справились с очень трудной задачей, и никакая другая им уже не страшна.

Все материалы по Дальнему Востоку — текст и фотографии — подготовили специальные корреспонденты «Огонька»

Владимир КУЗНЕЦОВ и Лев ШЕРСТЕННИКОВ

Ташкентский институт сейсмологии.

Валентин Иванович Уломов, член-корреспондент АН Узбекской ССР, у карты землетрясений.

Вячеслав КОСТЫРЯ, фото Э. ЭТТИНГЕРА, специальные корреспонденты «Огонька»

Когда где-то там, в глубинной толще Земли, раздается гулкий удар, от которого пол твоего жилища уходит из-под ног, в серванте звенит посуда, а над головой покачивается абажур,— первая мысль: «Будет ли повтор?» Собственно, с этой мыслью люди и устремляются на улицу, под открытое небо. И нет для них в такой момент ничего важнее мнения человека, который мог бы авторитетно, с научной обоснованностью сказать правду, даже если ответом будет: «Ожидаются новые подземные толчки еще большей силы!»

Ведь паника всегда от незнания масштабов бедствия, которое при этом нередко кажется безграничным.

Помнится, как звучали в Ташкенте, во время длительного землетрясения 1966 года, выступления по телевидению сейсмолога Валентина Уломова. «Голубые экраны» тогда мерцали под брезентом палаток на улицах, возле полуразрушенных, аварийных домов.

«В Ташкенте каждый год бывали землетрясения, но часто их замечали только приборы,— спокойно говорил сейсмолог.— На Земле же за год бывает до миллиона толчков. На равнинах землетрясений не бывает, только в горах».

Валентин Уломов был тогда самый популярный человек в Ташкенте. Только он мог сказать, что случилось и чего надо ждать. А еще недавно его никто не знал, лишь с десяток сотрудников, что работали с ним на сейсмостанции, мерили приборами колебания Земли...

...Почти двадцать лет прошло с тех пор. Для Земли это, конечно, миг. Но справедливо отметить и другое: за эти два десятилетия Земля ни на миг не оставалась без внимания ташкентских сейсмологов. Да еще какого пристального!

Памятное землетрясение, как здесь в шутку говорят, «вытрясло» из отдела сейсмометрических наблюдений Института геологии и геофизики Академии наук Узбекской ССР самостоятельный Институт сейсмологии, службы которого оснащены по последнему слову техники. Первоклассную электронно-автоматическую чуткость обрел и маленький домик Ташкентской сейсмостанции, где со своими коллегами поныне трудится Валентин Иванович Уломов — теперь член-корреспондент республиканской Академии наук, доктор физико-математических наук, профессор, заместитель директора по науке Института сейсмологии.

— Конечно, назвать день и час землетрясения с полной гарантией мы решаемся еще нечасто, но указать место, где оно угрожает и с какой силой, можем довольно определенно,—по-прежнему спокойно говорит он.— Наши рекомендации, к примеру, строителям жилых зданий, промышленных предприятий, агрокомплексов становятся все более необходимыми и, главное, полезными, как метеосводки летчикам или морякам... А это прямой выход наших бдений над приборами, анализов постоянно растущего потока сейсмоинформации — словом, выход итогов нашей работы на народное хозяйство! Сделано немало, и работаем сегодня, как выражаются математики, на порядок выше...

Гани Арифханович Мавлянов — директор института, академик Академии наук Узбекской ССР.

— Этот порядок тоже «вытрясен» бедствием 1966 года?

— Нет уж, порядок — дело не стихийное, он сам по себе не образуется! Мы буквально своими силами «извлекли» его, изучая глубинную природу ташкентского землетрясения, подтвердившего новые геодинамические идеи о горизонтальном перемещении и сложном взаимодействии литосферных плит.

Согласно новой глобальной концепции, в недрах нашей планеты непрерывно происходят перемещение и перемешивание твердых и пластичных масс со скоростью несколько сантиметров в год. Однако и этого вполне достаточно, чтобы в литосфере накапливались напряжения, приводящие в итоге к деформированию земной коры, ее разрывам и, следовательно, к землетрясениям.

...В служебных отсеках станции деловая тишина. Дежурная смена сейсмологов не только тщательно «засекает» малейшие возмущения в теле Земли, но и тотчас находит им место в синтезирующих схемах. Четко действуют приборы-автоматы, их показания обрабатываются с помощью вычислительной техники, и достаточно специалисту взглянуть на итог, чтобы картина состояния земной толщи стала ясной по многим параметрам. Это сулит немало выгод, поскольку построение новой теории поддаются математическому расчету, а значит, могут быть смоделированы, что позволит с большей определенностью предсказывать время, место и силу будущих крупных землетрясений.

наука ведет поиск

СЛУШАЯ ЗЕМ

— Поиск путей надежного прогнозирования ведется в двух направлениях — долгосрочного и краткосрочного,— отмечает Валентин Иванович.— По аналогии с метеорологическими задачами первое направление можно назвать изучением сейсмического «климата» той или иной сейсмоактивной территории, а второе — ее «погоды».

В «климатических» поисках советские сейсмологи, и в том числе ташкентские, достигли значительных успехов. Разработаны действенные методы контроля за опасными в этом отношении районами, а сами районы обозначены на специальных картах, по которым и определяется соответственное сейсмостойкое строительство всех гражданских, производственных и гидротехнических объектов.

Гораздо сложнее с прогнозированием сейсмической «погоды». И вот почему. Очень уж медленно, как бы капелька по капельке, накапливается напряжение, и поэтому момент разрыва пород имеет вероятностный характер.

— Даже при знании физико-химических характеристик этих пород?

— Это лишь одна грань целого комплекса... Самое обычное внешнее воздействие может оказаться «последней каплей». Например, изменение атмосферного давления или, скажем, лунно-солнечные приливы... Так, серия крупных землетрясений в Газли 1976 и 1984 годов готовилась в течение сотен лет! Даже явные прогностические признаки наблюдались нами почти пятнадцать лет...

— А каков вклад сейсмологов Узбекистана в выявление критических ситуаций?

— Сотрудники нашего института разработали методику определения их по содержанию инертного газа радона, других газов и химических элементов в скважинах, вскрывших термоминеральную воду, а также по температуре и давлению в них. Другие методики — по электромагнитным импульсным излучениям земной коры, по аномальным изменениям сейсмических волн. С их помощью уже удалось предсказать несколько землетрясений.

Сейсмологи республики работают в постоянном научном контакте со своими коллегами в стране и во всем мире. Это позволяет надеяться на более глубокое раскрытие сущности сейсмических явлений и надежное прогнозирование их.

— Возможно, в будущем и на управление ими,— высказал, пожалуй, самую заветную мечту Валентин Иванович.— Ведь заставляют же, к примеру, лавинщики выстрелом из пушки обрушиваться в назначенное время накопившиеся в горах снежные массы без катастрофических последствий! Не фантазией стало создание функционирующей кибернетической сейсмогеодинамической модели нашей планеты. Очень о многом, пока неизвестном, она должна рассказать своим творцам, многое подсказать и предсказать...

ЛЮ

Инженер Роза Абдуллина и младший научный сотрудник Шухрат Юсупов изучают изотопный состав подземных вод.

С чего начинается концерт

НЕ КАЖДЫЙ ЭСТРАДНЫЙ КОНЦЕРТ СТАНОВИТСЯ ПРАЗДНИКОМ ДЛЯ ЗРИТЕЛЯ | ИНЫХ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ НЕ ТРЕВОЖАТ ЖИДКИЕ АПЛОДИСМЕНТЫ | ЗНАЧИТ, НУЖЕН СТИМУЛ К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ...

Ленинградский государственный концертный оркестр давно завоевал заслуженное признание и широкую популярность среди миллионов слушателей. За пятнадцать лет своего существования коллектив подготовил более двухсот пятидесяти программ в самых различных музыкальных жанрах — от песни до симфонии. В основе его репертуара — творчество советских композиторов.

Сегодня мы предлагаем вниманию читателей полемические заметки художественного руководителя и главного дирижера оркестра Анатолия Бадхена.

Анатолий БАДХЕН,
заслуженный деятель искусств РСФСР,
лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Глинки

— С чего начинается концерт?..— переспросила одна из моих собеседниц.— Конечно же, с афиш и ярких плакатов, украшенных фотографиями популярных артистов... Для любителей эстрады в нашем городе именитые гастролеры — постоянно ожидаемая неожиданность...

— Вы правы,— подтвердила ее знакомая.— Но главное в этом ожидании — предчувствие радости.

...Так или примерно так рассуждают многие любители эстрады. Перефразируя известную мысль, можно утверждать: хорошему концерту рады все, хотя объясняют свою радость каждый по-своему; о плохом концерте все говорят плохо и почти всегда в одних и тех же выражениях...

Мы часто говорим: концерт — праздник. Но это, к сожалению, только теоретически. Практически же праздник — это когда хороший, увлекательный концерт. И таких по стране ежедневно проходит немало, как немало у нас талантливых, ярких, любимых народом артистов и художественных коллективов. Но иные эстрадные «мероприятия» — припомните сами! — концертом, тем более праздником, не назовешь.

Признаемся: артисты эстрады тоже неодинаковы. И различаются не столько жанрами, в которых выступают, сколько мерой своего дарования, уровнем мастерства, новизной и актуальностью репертуара. Неодинаковы они и по своей популярности. Независимо от возраста, образования, стажа, даже от тарифной категории.

Современные посетители концертных залов во многом отличаются от зрителей предшествующих поколений — 50—60-х, даже начала 70-х годов. Они значительно более эрудированы — тут играют свою роль радио, магнитозаписи, диски, художественные, документальные, видеофильмы, две-три-четыре телевизионные программы, внутрисоюзный и международный туризм, всевозможные периодические издания, гастролеры... При таком изобилии самой разнообразной информации зрительские оценки искусства эстрады — отечественной и зарубежной — большей частью справедливы и порой не в нашу пользу (имеется в виду подлинное художественное творчество, а не подражания подражателям).

В отличие от искусства нашего прославленного балета, выдающихся инструменталистов и оперных певцов, высококлассных симфонических, камерных оркестров, драматических театров, национальных хоровых и танцевальных коллективов, цирка—эстрада в большей своей части заметно отстает от требований времени (отдельные исключения — только убедительные тому доказательства).

Миллионы потенциальных зрителей — это ориентировочно планируемое количество вероятных покупателей билетов на концерты. Из таких же показателей — реализации билетов — складываются и отчеты. Но за сухими цифрами остаются незамеченными существенные приметы времени: некая величина Икс — те зрители, которые пришли на концерт только лишь потому, что в этом городе в этот вечер им и деваться-то больше было некуда, и некая величина Игрек — это те, кто сознательно не купил билеты, не пришел на концерт, потому что разонравилась им предлагаемая нынче эстрада, уж больно она стала примитивной, неряшливой, шумной, «дешевой». А билеты на концерты порой недешевы...

В производственно-финансовых планах концертных организаций зрительские интересы не дифференцированы, определяются валом. Но при таком подсчете упускается важное: зрители — это конкретные личности со своими эстетическими запросами, своим представлением о красоте и современности жанра. И это не может не интересовать артистов, не должно быть безразличным для экономистов и администраторов.

Нередко любители эстрады решают: чему отдать предпочтение сегодня вечером? В программах Центрального телевидения объявлены новый многосерийный художественный фильм, международные спортивные состязания, интригующие цветные передачи с участием видных деятелей искусств, ученых, журналистов. А в местном Доме культуры или клу-

бе на это же самое время объявлен (рядовой, бесцветный?) концерт артистов Н-ской областной филармонии,— да добро бы ее лучших артистов... И выбор зрителей по большей части недвусмыслен: они остаются дома...

Согласитесь, случайный подбор артистов даже столичной концертной организации, если они мало одарены и не очень профессиональны, если репертуар от долголетия поседел и подагрически хромает, а поведение артистов на сцене обескураживает зрителей, заставляет их краснеть за выступающих, да разве может такое хоть кому-нибудь доставить удовольствие, радость?!

Прошедшие в последние годы переаттестация и перетарификация артистов концертных организаций во многом не оправдали себя, не выполнили до конца своей задачи — не стали непреодолимыми препятствиями на пути бездарности и приспособленчества, отсутствия или утраты профессиональных качеств, необходимых для сценических выступлений.

Потому и бредут еще, но уже не из Керчи в Вологду, как в известной пьесе А. Н. Островского,— теперь берите шире! — от Чопа до Курил путешествуют с помощью Аэрофлота «счастливцевы» наших дней, годами числясь в артистах эстрады,— без дарования, без профессионального мастерства, без вдохновения, без любви...

«Позади — ничего. Впереди — пустота»,— еще совсем недавно выкрикивали участники одного бывшего ВИА, как бы характеризуя тем самым истоки и перспективы собственного «творчества».

Следует признать, наши зрители очень уважительно и великодушно относятся к искусству эстрады и его представителям, порой они слишком терпеливы и снисходительны до всепрощения. Никому и в голову не взбредет устроить плохому артисту обструкцию, освистать его, закидать гнилыми яблоками (хотя кое-кто этого и заслуживает...). Некоторые артисты уже привыкли к так называемым аплодисментам вежливости — негромким, жиденьким хлопкам до тех пор, пока выступавший не уйдет со сцены...

* * *

Перефразируем классика: артист — это звучит гордо! И действительно: ведь престижность профессии предполагает несомненное призвание, красоту помыслов и труда, отзывчивость души. Профессия артиста не только дар, она и тяжкая ноша, принимаемая человеком на себя добровольно, однажды и навсегда. Но не всякому она посильна.

Вспомните горячую, звонкую строку В. Маяковского: «И голос певца подымает класс...» Вдумайтесь — это ведь не только художественный образ, поэтическая метафора, это, если произнести ее в ритме прозы,— свидетельство высокой гражданственности артистического служения. А вот еще одна цитата, ставшая, к сожалению, расхожей: «Нам песня строить и жить помогает...». Действительно, песня очень многому помогает в нашей жизни. Но ведь не сама она — безмолвный нотный лист,— а только вместе с артистами, при их участии, благодаря их труду и таланту. И разве не справедливо утверждение: строить и жить помогают нам хорошие артисты?!

В социалистической системе ценностей творческий потенциал личности ставится особенно высоко. Наше общество стремится укреплять его и растить. Справедливо полагать, что общественный вес артистического труда, тем более талантливого, передового по своим устремлениям, тоже будет расти и соответственно этому росту вознаграждаться.

Тем не менее, если в цехе завода или на колхозной ферме можно узнать о передовиках производства не только по Доске почета, но и по ведомости на зарплату, то для концертных организаций это нехарактерно: такие показатели далеко не идентичны, и несведущий может легко попасть впросак.

Выступление артиста с новым, актуальным репертуаром или же с устаревшим, даже очень старым оплачивается одинаково; создает ли артист ежегодно несколько новых работ или одну за много лет — одинаково. Что же это — пресловутое «поощрение за отставание»? Ведь на почве уравниловки неминуемо расцветает безответственность!

А отчего же выступления иных артистов как высокий результат общественно полезного труда не оценивать соответственно,— если талант их уникален, а мастерство — благодаря многолетнему, кропотливому труду — доведено до совершенства; если упоение и азарт, с которыми они отдают себя творчеству, их душевный накал порой потрясают слушателей, зажигают их сердца энтузиазмом?

Тысячи строителей на Саянах и на БАМе, в Тюменской области и на «Атоммаше», да на любом другом участке напряженного труда, памятными примерами из собственного опыта подтвердят, как одухотворенная сила эстрадного искусства, помноженная на высокое общественное сознание артиста, поднимала настроение слушателей, преобразовывалась в дополнительную производственную энергию, в конкретный материальный результат.

Признаюсь: нелегко сегодня работается артисту эстрады. В нашей отрасли, пожалуй, как ни в какой другой, многосложное концертное «хозяйство» по-прежнему в сильно запущенном состоянии. У нас, как в старинном романсе: «Все как прежде, все те же гитары...» До сих пор не изучаются специфические особенности художественного производства, не ведется научный анализ результатов конкретной творческой работы, ее достижений и потерь; до сих пор не выработаны действенные способы уничтожения в концертных организациях сорняков, создания ощутимой поддержки сильным побегам будущего...

Концертная организация — организация хозрасчетная, но в этом расчете упущено что-то очень важное, значительное: он не побуждает к совершенствованию, не стимулирует стремление к лучшему, не воспитывает артистов и администраторов. В таких условиях руководитель концертной организации или творческого коллектива должен быть очень неуспокоенным и дальновидным человеком, чтобы в обстановке видимого благополучия (читай: безразличия!) сохранять стремление к созданию нового и, несмотря ни на что, создавать его!..

* * *

— Так с чего же все-таки начинается концерт? — спросите вы. Отвечу: с любви. Только с нашей неиссякаемой любви к избранной профессии, к своему призванию...

Григорий КАРЛОВ

Светлая к небу любовь

ФУРАЖКА

Винты ведут беседу с синевою,
А за бортом простор небес
звенит!
Мне вспомнилось, как с песней
строевою
Мы шли учиться по небу «ходить».

Не сразу нам штурвалы доверяли,
Нас в гости не пускали к облакам.
Пока мы робко к небу привыкали,
Да и оно присматривалось к нам.

Но души наши были нараспашку.
О юность, с чем тебя могу
сравнить!
Мы мерили
инструктора фуражку —
Хотелось очень летчиками быть.

Так редко я ее теперь снимаю,
Не потому, что седины стыжусь.
С годами лучше небо понимаю
И над землей уверенней держусь!

РОДНОЕ

Где небо сходится с землею,
Где на пожар закат похож,
Оттуда тропкой полевою
В мою деревню попадешь.

Места те лесом небогаты,
И земляки мои просты;
Под небом рыженькие хаты
Дымком видны за две версты.

Там под ракитою рябою
В лучах зари родник горит,
Трава, умытая росою,
О чем-то с солнцем говорит.

Там до сих пор под белой кручей
По вечерам томится тишь:
Там соловей такой певучий,
Что на ногах не устоишь!

К родным местам
любовь без края
И неподвластная годам.
Случится — стежка полевая
Разрежет сердце пополам.

ВЫСЬ

А вдруг летать я перестану...
Но прочь гоню шальную мысль!
Кем без тебя я, небо, стану,
Как без меня ты будешь, высь?

Ужели враз меня разлюбишь,
Другие крылья полюбя?
И без меня ты небом будешь,
А я смогу ли без тебя?

Растает в сини след мой скромный,
Как будто там и не бывал.
Ведь это я с тобой огромный,
А без тебя — ничтожно мал.

СЛЕД ИНВЕРСИОННЫЙ

Опять черемуха бушует.
О, как ей белое к лицу!
Опять душа моя бунтует,
Зовет к отцовскому крыльцу.

И ветерок, еще неспелый,
Вливает в кровь весенний хмель.
И запах вяленого сена
Манит за тридевять земель.

Где третьим пеньем полусонным
Петух засветит небеса...
И мать на след инверсионный
Из-под руки глядит с крыльца.

МАЛЬЧИШКИ СЕДЫЕ

Друзья мои,
братья по небу,
Российской души широта!
Как поле
не поле
без хлеба,
Так небо
без вас
сирота.

Вы с детства мечтою болели
О взлетах орлиных крутых.
Так скоро друзья побелели
На звонких путях голубых.

Собратья,
мальчишки седые,
Вы с птичьим чутьем рождены!
Не хмурьтесь,
не прячьте, родные,
Своей молодой седины.

Пусть верит,
которая рядом,
И знает живущий любой:
Седины — они
как награда
За светлую к небу любовь.

Я С НЕБЕС ТОРОПИЛСЯ К ТЕБЕ

Столько лет, ловко пряча тревогу,
Повинуясь пилотской судьбе,
От тебя уходил я в дорогу,
А с небес торопился к тебе.

Я в пути не искал себе славы,
Не бросал зря на ветер слова.
Столько лет прорезались травы
И в снега одевалась Москва!

Не грусти, что опять от порога
Начинается в небо мой след.
Есть у жизни такая дорога...
Без которой меня в жизни нет.

И хранит меня в небе не случай,
Знаю я — в твоем сердце живет
Та любовь, что уносит за тучи,
Та любовь, что на землю зовет.

ВОКЗАЛ ПРИ РЕСТОРАНЕ

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАЗГОВОРА

Корреспонденты и читатели «Огонька», продолжая разговор, начатый полемическими заметками «Вокзал при ресторане» («Огонек» № 11, 1984 г.), рассказывают о причудах дорожного общепита и о том, что следовало бы сделать, чтобы на вокзале пассажир мог попить, а не выпить; поесть, а не «заморить червячка»...

Основательная, только что не мраморной вечности надпись предупредила: вы входите в первоклассный ресторан! Так и было написано: «ресторан первой наценочной категории». Дескать, знай наших! Мы получим с тебя, клиент, по самой первой категории.

Так же и обслужим? Этого никто не обещал. А когда мы вошли в зал и осмотрелись, поняли: ресторану, что при Савеловском вокзале столицы, до первоклассности далеко. Очень далеко... В глубине зала притулился полузабытый стол с холодным, неделями не включавшимся самоваром. Возле него лежало несколько скрюченных долгим ожиданием, уже не рассчитывающих на взаимность ресторанных гостей коржиков и еще какая-то, столь же неаппетитная, снедь. Но какие же коржики, когда чаю нет?

— Розетка сломана,— охотно объяснили нам.

Понятно, розетку исправят. Может, это уже сделали; все же был корреспондент, спрашивал о самоваре... Но если розетка — столь трудно преодолимый технический рубеж, можно только представить, в каком состоянии находится оборудование кухни, какая тут посуда...

Ресторан занимает без малого половину здания Савеловского вокзала. А поесть тут хорошо нельзя. Неохотно идет в такой ресторан железнодорожный пассажир! Но, помимо ресторана, нет на вокзале общепитовских «точек». Почти такая же картина на Рижском вокзале столицы, хотя здесь неплохой в сравнении с другими вокзалами ресторан. На Казанском, в ресторанном зале, обслуживают медленно, словно одолжение делают едоку, а в нескольких буфетах такие очереди, что не всякий решится выстоять...

Рассказывая о причудах дорожного общепита, «Огонек» предлагал отказаться от несуразностей и на месте нынешних ресторанов — территория-то позволяет — открыть десятки экспресс-кафе, быстрых столовых самообслуживания, чайных, блинных, пельменных. Сделать так, чтобы на вокзале можно было быстро и недорого поесть.

Судя по почте «Огонька», такое предложение обсуждалось с разных сторон. Общепит жаловался на санитарную инспекцию, которая якобы позакрывала вокзальные сосисочные. «Практически во всех буфетах запрещена продажа чая и кофе»,— писали нам из Главобщепита Мосгорисполкома, не ведая, что на редакционном столе есть отчет с большого совещания, на котором выступали и санитарные врачи, отмечавшие, «что многие рестораны, особенно на небольших станциях и вокзалах, не отвечают санитарно-техническим и другим требованиям, да и кадры, которые работают в этих предприятиях, подбираются не из лучших» (цитируем по стенограмме, предоставленной редакции Управлением общественного питания Минторга СССР).

— Мы убеждены, что на вокзалах должны быть не рестораны, а узкоспециализированные предприятия, которые коренным образом улучшают обслуживание пассажиров,— сказала на том же совещании-семинаре заместитель начальника одного из главков Минторга Украины И. Петровская, поддержав тем самым высказанное в журнале предложение.

Выступавшие приводили массу доводов в пользу такого решения вопроса. «Ресторан занимает пол-вокзала. Кроме того, директор ресторана часть вокзала занял под свою бухгалтерию»,— это о Липецком вокзале. «В Воронеже мы зашли в ресторан,— делился впечатлениями один из участников семинара,— говорим, что хотели бы поесть. Мы должны были получить обед в течение десяти минут, но нам дали его через сорок минут. Пригласили администрацию. И нам объяснили, что официант не знал, кто мы. «Иначе вас бы обслужили быстро и в кабинете директора».

Но, как известно, проверяющие отнюдь не составляют большинства пассажиров... И надо ли настраивать себя на их обслуживание?

Сложные по структуре, неповоротливые в управлении, как правило, плохо выполняющие свои обязанности вокзальные рестораны отживают свой век. Это отмечал в письме в редакцию и заместитель министра путей сообщения В. Соснин, написавший нам: «По нашему мнению, на большинстве вокзалов вместо ресторанов должны быть организованы кафе и буфеты, в которых можно быстро и недорого покушать». Не оспаривает такую точку зрения и Минторг СССР, издавший специальный приказ. А в документе, совместно разработанном Министерством торговли СССР, Министерством путей сообщения, Центросоюзом и Центральным правлением научно-технического общества торговли, рекомендуется: «Продолжать работу по перепрофилированию ресторанов на вокзалах в предприятия быстрого обслуживания». Начальник Главобщепита Мосгорисполкома В. Родичев осторожно написал нам, что «в порядке эксперимента начата работа по переводу ресторанов при вокзалах в кафе самообслуживания», не указав, однако, никаких сроков. Но уже в справке, подписанной и. о. управляющего трестом вокзальных ресторанов столицы В. Круглой, есть попытка оставить все как есть. Она пишет, что существующая схема обслуживания пассажиров оправдывает себя.

Оправдывает? Считают ли так и те, кому приходится пользоваться вокзальными ресторанами?

В ожидании читательского мнения мы попросили собственных корреспондентов «Огонька» побывать на вокзалах и около них и рассказать о своих впечатлениях.

Первое слово — корреспонденту по Белоруссии. Вообще-то это не одно слово, а два. Первое сказано, когда понятия «вокзальный ресторан» и «выпивка» кое у кого сливались в одно.

«...Ресторан не роскошь! Особенно такой, как в Молодечно. Спрыгнул с поезда — и к его «живительному» прилавку-стойке. Принял намеченную дозу спиртного, а потом на работу. В помощь ресторану открыты два ларька: на перроне и возле выхода с вокзала. Здесь всегда есть пиво и очень небогатый выбор еды.

— Убеждать в надобности изменения уровня обслуживания пассажиров бесполезно,— грустно говорит начальник вокзала Н. Д. Столпинская.— Директор ресторана отвечает стандартной фразой: у нас план, и нам его выполнять!»

...Кажется, совсем немного времени прошло, как по всей стране развернулось антиалкогольное наступление. И теперь на вокзале совсем иная картина.

— Но все же пришлось преодолеть сопротивление местных торговых организаций,— сетует Надежда Дмитриевна Столпинская.— С помощью управления Белорусской железной дороги и Минского облисполкома удалось все же вместо ресторана на вокзале открыть хорошее дорожное кафе. Тут не только нет спиртного, но и поесть можно значительно быстрее. Не торгуют винами и пивом также на перроне и на привокзальной площади. Так, конечно, спокойнее и удобнее. Пассажиры довольны!

Из Новосибирска мы получили короткую корреспонденцию.

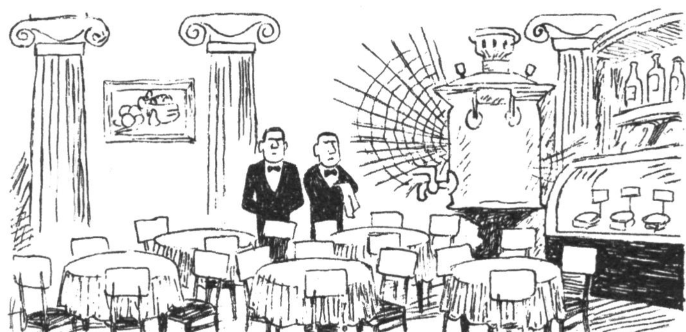
Лето и ранняя осень—пора массового наплыва пассажиров. Где им обедать? В вокзальном ресторане? В Новосибирске такой есть. Но до недавних пор вся его выручка держалась на продаже спиртного. Качество же блюд, мягко говоря, оставляло желать лучшего. Да и время обслуживания никак не устраивает спешащего человека, а в ресторане-то медлительность обслуживания только что не узаконена...

В таком случае могли бы выручить буфеты. Но и они работают из рук вон плохо. В продаже очень редки соки, молочные продукты продаются только в бутылках, с трудом найдешь чистый стакан. И всюду огромные очереди. Ради эксперимента я выстоял в очереди к двум буфетам. В первом случае пришлось простоять сорок восемь минут, во втором — час десять минут. А в ресторане в это время были незанятые места. Вот бы на месте ресторана — еще два-три буфета, экспресс-столовую, кафетерий...

Чтобы наладить как следует работу вокзального ресторана и буфетов, общепиту нужно перестраиваться, искать новые формы. Но, похоже, в Новосибирске делать это пока не торопятся.

Как обстоят дела в Алма-Ате! Вот что пишет наш собкор.

— У меня поезд через полтора часа,— намекнул я официантке вокзального ресторана, возвращая ей меню. Та и бровью не повела. Записала заказ и исчезла.

Я осмотрелся. Зал заполнен лишь на треть, хотя час для обеда самый подходящий... «Готовят, наверное, не очень-то,— пустился я в догадки,— да, проторчу тут минут сорок, пока получу свой обед...» Такое, увы, бывало со мной неоднократно (а с кем не бывало?), поэтому рестораны я с некоторых пор обхожу стороной. Но тут случай особый — редакционное задание. Развернув газету, приготовился ждать, однако с чтением ничего не вышло. Почти тотчас на столе появились заказанная окрошка и бутылка минеральной. Я взглянул на часы — прошло не более семи минут.

— Если так пойдет, можно успеть пообедать раза четыре,— пошутил я, когда официантка после окрошки принесла второе.

— Поезда у нас тут в основном скорые,— улыбнулась она,— мы стараемся не отстать от них...

Когда я, не торопясь, обошел привокзальную площадь, сомнений не осталось. Кроме ресторана, кроме буфета в здании вокзала, кроме киосков вокруг него, работали два кафе да еще блинная и шашлычная. В них, правда, стояли очереди, но небольшие, продвигавшиеся довольно быстро. Для чистоты эксперимента я встал в одну из них и съел шашлык...

А во Владивостоке дела таковы:

— Понедельник — день тяжелый,— убеждала меня буфетчица Валентина (фамилию назвать отказалась) в конце нашей встречи, начало которой относится к первой половине этого самого понедельника.

Беседовали мы в здании из стекла и бетона, с добротно сделанной вывеской «Кафе от ресторана «Волна»,— это на Владивостокской площади двух вокзалов. «К вашим услугам большой ассортимент горячих и холодных закусок. Работает круглосуточно»,— сулило объявление.

Но это иллюзии. Они рассеялись, едва я подошел к буфету, полки которого украшали металлические банки с надписью: «Окунь-терпуг», «Камбала в томатном соусе», «Салат охотничий». За стеклом прилавка-холодильника лежали сморщенные от древности или холода цыплята. Вид их аппетиту не способствовал. Украшал буфетный натюрморт трехведерный бак с потертой надписью «кофе». Приторно сладкая жидкость из этого бака благородному напитку соответствовала только ценой — 21 копейка за граненый стакан.

— Где же фирменные пирожки? — спросил я буфетчицу.

Ответ последовал только после тщательного изучения корреспондентского удостоверения: «Пирожков давно не печем». И стала сетовать на трудности, неудобства, на тяжелый день — понедельник. Однако, я уже не слушал ее: после выпитой жидкости с кофейной ценой очень захотелось пить... Но...

— Воды в буфет не даем,— разъяснил директор «Волны» В. В. Чернуха.— Наши буфеты и без воды богатые по ассортименту. Сегодня пустые? Так понедельник же...

Наш собкор по Украине сообщает:

«...У пассажиров, проезжающих или пролетающих через Киев, с едой в общем-то нет проблем. В аэропортах «Жуляны» и «Борисполь» работают рестораны, кафе, буфеты. В буфетах — вода, ситро, соки, печенье, пирожки... В кафе — чай, сметана, холодная курятина, котлеты, сосиски... Примерно такой же набор продуктов в буфетах на автовокзалах. Соки в розлив, молочные продукты, сосиски, выпечка. Для тех, кому совсем некогда, на перроне четыре киоска с водой, печеньем, пирожками — можно закусить на ходу.

Хуже положение на железнодорожном вокзале. Теснота, очереди. Кафе и буфетов вроде бы много, но загружены они неравномерно, один продавец скучает — торговать нечем, к другому же большая очередь. Хотя все буфеты снабжаются от одного и того же ресторана. Есть еще случаи грубости, недисциплинированности продавцов.

Не знаю, к месту ли, но выскажу свое недоумение: залы ожидания переполнены, приходится проталкиваться, чтобы купить бутерброд или стакан воды, и при этом в них разместились два специализированных книжных магазина (совсем необязательных тут, потому что большой киоск «Союзпечати» имеется) и три киоска с галантерейным товаром, где пассажиру предлагают празднично вышитую рубашку, ковер и даже телефонный аппарат «под старину»!».

Несколько неожиданный поворот темы — в корреспонденции из Ленинграда:

«Первая железная дорога общего пользования в России была открыта здесь 30 октября 1837 года. Она связывала Петербург с Царским Селом, Павловском и Колпином. А сейчас поезда с нашего вокзала доставят вас во многие города и села Белоруссии, Украины, Молдавии, на земли Псковскую и Новгородскую. Желаем счастливого пути!»

Так—памятной доской у входа— встречает старейший вокзал. Не раз я пользовался его услугами, но, признаться, ни разу — его буфетами. Здесь завтракают, обедают, ужинают в основном иногородние, и мне показалось любопытным узнать: как оценивают они ленинградский сервис.

Однако прежде решил сам посмотреть, как действует буфет № 3,

расположенный в зале ожидания первого этажа. Постоял, посмотрел, послушал и... стал искать книгу жалоб и предложений, захотелось поделиться впечатлениями с администрацией. Мнения пассажиров спрашивать постеснялся, поскольку поведение дамы, хозяйничавшей за буфетной стойкой, не оставляло сомнений, что «во многие города и села Белоруссии, Украины, Молдавии, на земли Псковскую и Новгородскую» представление о нашем сервисе они увезут, мягко выражаясь, превратное.

Одним словом, хамила дама. Настолько беспардонно, что мне, после ее категорического отказа назвать свою фамилию, а тем более выдать книгу жалоб и предложений, пришлось обратиться за содействием к дежурившему в зале сержанту милиции.

Увы, версия буфетчицы, что я «псих или пьяница», устроила сержанта, и моя «противозаконная» попытка получить положенную по всем правилам торгового ведомства книгу завершилась приводом в отделение. И даже редакционное удостоверение, которое я там предъявил, не изменило решения сержанта не подпускать меня к любезному его сердцу буфету. Так мне и было сказано: «Не подходить, и все тут».

Однако я рискнул. Уже в сопровождении старшины и сотрудника в штатском, появившихся на вокзале... после моего телефонного разговора с дежурным по управлению транспортной милиции. Не буду описывать, что этому предшествовало, а что последовало — скажу. В течение часа я был участником то ли плохонького детектива, то ли слабенького водевиля. А ушел не солоно хлебавши: буфетчица , откровенно издеваясь над представителями власти, сказала им, что она читать-писать не умеет и фамилии своей не знает. Мои спутники с этой версией почему-то согласились, ну а каракули в накладной, которую мне предложили, я не расшифровал...»

О том, что может вокзальная столовая (не ресторан!) читатели узнают из заметки, присланной из небольшого эстонского города Тапа:

...Наш сосед по купе ворчал:

— На станции Тапа ни водки, ни пива не выпьешь, там только поесть можно.

Тапа — городок маленький, даже по масштабам Эстонии. А железнодорожный узел крупный — пересекаются линии на Ленинград, Москву, Тарту, Ригу, Вильнюс... Отсюда — куда угодно. Поэтому народу на станции всегда много. В ожидании отъезда куда же идти, если не в вокзальный буфет?

...За стеклом холодильника чего только нет. Все красиво и аппетитно приготовлено. У раздаточной линии вокзальной столовой несколько человек в раздумье. А подумать есть над чем: в меню 21 блюдо.

Заведующая производством Мильви Поска рассказала:

— Почти двадцать лет, как на станции вместо ресторана работает столовая потребкооперации. С тех пор здесь не было продано ни одной бутылки спиртного, даже пивом не торговали. А план оставался столь же напряженным. Как его выполнить? Конечно же, вкусной и разнообразной едой. Вот мы и стараемся.

Мильви Поска наладила стабильное обеспечение кухни продуктами широкого ассортимента. Она прекрасно знает поставщиков, ориентируется только на самых оперативных из них, умеет вовремя запастись всем необходимым, всегда здесь есть овощи. Не случайно на стене в кабинете заведующей свидетельства о том, что его хозяйка — лучшая по профессии.

Местные жители ценят вокзальных кулинаров — часто заказывают поварихе Хелми Савиаук праздничную еду на дом, многие приходят с судками за обедами. Пользуются услугами кухни и соседние колхозы и совхозы, механизаторов которых на полевых работах обслуживает коллектив этой же столовой. Значит, вокзальная столовая, если это хорошая столовая, и «ресторанный» план товарооборота выполняет!

* * *

Конечно, ресторан с его дорогой едой, с его традиционной манерой обслуживания удобен; однако не для едока, а для сбыта! Но пора и перестраиваться! Ведь еще в прошлом году приказом министра торговли СССР Г. Ващенко было предложено «в трехмесячный срок по согласованию с местными исполкомами Советов народных депутатов рассмотреть вопрос о возможности перепрофилирования действующих ресторанов на вокзалах и станциях в предприятия быстрого обслуживания». И далее говорилось о надобности принять меры и открыть на вокзалах побольше пельменных, пирожковых, блинных, котлетных, бульонных, а также кафе-автоматов.

Собкоры «Огонька» зафиксировали: во многих местах указание министра торговли не выполняют! Отчего так?.. Но, может, наши корреспонденты не правы, и вы, читатель, примерами и фактами опровергнете мнение о том, что быстрое, аккуратное и приветливое кафе лучше, чем неповоротливый и дорогой ресторан...

В рейде участвовали: К. БАРЫКИН, В. ВОЛОДИН, С. КАЛИНИЧЕВ, Д. КЛЕНСКИЙ, Ю. ЛУШИН, О. ПЕТРИЧЕНКО, Н. ХРАБРОВА, А. ЩЕРБАКОВ, М. ЩУКИН.

После испытаний новой взрывчатки редактор киногруппы Аллен Лоуэлл неожиданно скрывается. Прилетев в Нью-Йорк, он забирается в номер отеля к режиссеру Карсону и уничтожает его паспорт.

Джордж Уильямс, заместитель помощника министра юстиции, получает письмо. В нем угрожают смертью самому Уильямсу, а также ведущему разгульную жизнь режиссеру Карсону, беспринципной светской красавице Стефани Сполдинг, работающему за гроши тренером в общеобразовательной школе Роберту Уорнки, замешанному во взяточничестве конгрессмену Томасу Медуику, жульничающему маклеру Эверетту Меллону. Этих таких разных людей грозят убить в ознаменование десятой годовщины со дня смерти Кеннеди.

В то же время выясняется, что в период испытаний кто-то похитил два патрона новой сильной взрывчатки.

Джозеф ДИМОНА

РОМАН

Последний — на Арлингтонском кладбище

7

При Дж. Эдгаре Гувере приемная его кабинета представляла собой ностальгический экскурс в увлекательное прошлое. В стеклянном ящике хранилась гипсовая копия посмертной маски Джона Диллинджера, соломенная шляпа, в которой он был убит, и даже сигара «корона-бельведер» из нагрудного кармана его рубашки; в одном углу стоял вращающийся стенд с газетными рисунками, живописующими подвиги агентов ФБР за многие годы; в другом висел список погибших при исполнении служебных обязанностей — с 1924 года их набралось более двадцати. Стены пестрели сотнями грамот и памятных значков от организаций и школ, восхвалявших великого Директора.

Теперь почти все экспонаты исчезли, осталась только выставка Диллинджера, но и ей не суждено было пережить переезда в новое здание, возводящееся напротив. Сегодня ФБР представляет собой компьютеры, лаборатории, электронные приспособления.

Через приемную в кабинет прошел Фред Джарвис, один из старых служащих; войдя, он увидел, что и при новом директоре большой стол красного дерева по ту сторону толстого тридцатипятифутового ковра по-прежнему украшают звездно-полосатые флажки, воткнутые по углам, и маленькая копия печати ФБР в центре. Эта композиция повторялась на задней стене двумя большими флагами и большой копией печати между ними. «У тебя тоже замашки Муссолини»,— подумал Джарвис.

Директор смотрел, как приближается этот высокий седеющий человек в неизменном твидовом костюме, вечно сутулящийся и глядящий из-под кустистых бровей как бы с недоверием. Подойдя к столу, Джарвис опустился в кресло, словно устал от ходьбы.

— Бьете в набат?

Директор улыбнулся. Придя в бюро, он обнаружил, что Джарвис занимает в списке личного состава одно из последних мест, и поднял его над быстро исчезавшей толпой охотников за гангстерами. Он полагался на здравый смысл Джарвиса, и ему нравилась его занятная ирония.

— У нас странное дело,— сказал директор.— Джорджу Уильямсу грозят убийством.

— Из Белого дома?

Директор засмеялся.

— Угроза анонимная. А взглянуть на обратный адрес, видимо, не догадались.

Оба улыбнулись, и директор продолжал:

— Какой-то псих сообщил письмом, что в ознаменование десятой годовщины со дня смерти Кеннеди будут убиты шесть человек.

— Забавно,— сказал Джарвис, но не улыбнулся.

— Коннорс воспринимает угрозу всерьез.

— Я тоже,— сказал Джарвис.

— Нужно будет пропустить через машину шесть фамилий, включая Уильямса. Кроме него, я знаю только конгрессмена Медуика.

Они поглядели друг на друга.

— А он, как известно, замешан еще в одном деле.

Джарвис промолчал.

— Нам нужно найти убийцу, скрывающегося где-то на целом континенте,— снова заговорил директор.— И мы беремся его искать, заведомо зная, что это безнадежно.

— Не совсем так,— быстро сказал Джарвис.— Вы забываете, что убийца прислал письмо. Это меняет картину.

Директор ФБР повернулся вместе с креслом и стал смотреть из окна на новое здание, строящееся на другой стороне улицы.

— Дело сводится вот к чему,— сказал Джарвис.— Если точно выяснить, *почему* он отправил это письмо, почему предупредил их, хотя в этом не было необходимости, этого человека можно найти.

Но тут директор снова повернулся и навалился грудью на стол.

— Вот это и ставит нас в тупик. Вопрос: зачем он посылает Уильямсу письмо? Вопрос: почему он называет всех шестерых? Вопрос: почему он упоминает убийство Кеннеди? Черт возьми, это не может быть связано с Далласом. Та история закончена!

— Вопрос четвертый,— сказал Джарвис.— Почему *эти* шестеро?

Директор резко хлопнул ладонью по столу.

— Какой-то маньяк собирается убить шесть человек в ознаменование убийства Кеннеди — и все, кроме одного, даже не знали президента. Невероятно! Бессмысленно!

Но Джарвис снова быстро сказал:

— Для него в этом есть смысл.

Директор кивнул. Потом сказал:

— Кажется, Коннорс занят другим делом. Он попросил меня устроить Уильямсу тщательную проверку.

Джарвис покачал головой.

— Письмо это написал сумасшедший, даже если он и не знает о своем безумии. Уильямс определенно в своем уме.

— Но все равно, это может быть уловкой. Возможно, здесь как-то замешан кто-нибудь из остальных пяти.

Джарвис пожал плечами.

— На мой взгляд, есть только одна линия поиска.— Он встал и потянулся.— Мать всегда заставляла меня извиняться, когда я потягивался.— Он помахал списком.— Где-то должна быть связь между этими шестерыми. Работа, женщина, клуб. Мало ли что. Введу их фамилии в компьютер и посмотрю, что он выдаст.

8

Наступила ночь. Прожектора ярко освещали белый камень Капитолия, двое агентов службы безопасности патрулировали лужайку, еще один стоял у двери.

Внезапно к широким ступеням Капитолия подъехала машина с подростками и, заскрипев тормозами, остановилась.

— Пошли,— сказал один агент, направляясь к машине.

Молодая блондинка в микроюбке вылезла из машины и побежала вверх по ступеням, автомобиль укатил. Она подбежала к агенту у двери и сказала:

— Я ищу своего отца.

— Перестаньте паясничать, мисс.

Девушка внезапно оторвала две пуговицы, и ее блузка на глазах изумленного агента распахнулась. Под блузкой не было ничего. Потом, прежде чем агент успел сказать хоть слово, девушка навела на него пистолет со слезоточивым газом.

— Ах, черт!— завопил он, согнувшись и протирая глаза. Девушка повернулась и побежала вниз.

— Он порвал на мне блузку,— крикнула она агентам, тяжело бегущим навстречу ей. И действительно, блузка была порвана: они с Алленом разорвали ее час назад в комнате девушки.— Он не пускал меня, а потом порвал блузку!

Агенты даже не слушали. Они схватили ненормальную девицу и поволокли вниз, к машине.

— Проведешь ночь в камере, дурочка,— сказал один.

Аллен Лоуэлл проскользнул мимо ослепленного агента в дверь.

В кабинете Медуика Аллен надел инфракрасные очки. С помощью инфракрасного фонарика он определил, что ящики картотеки заперты, но отмычки из набора быстро сделали свое дело. Роясь среди карточек, он наткнулся на помеченную «Техас». Этот ящик он вытащил. Потом поискал «Интернейшнл дайнемикс», но не нашел и удовольствовался двумя пухлыми папками с пометкой «личное».

Аллен положил налоговые и личные дела на стол, сел и стал печатать письмо.

Час спустя он снова был у себя в номере и делал запись в дневнике, потом вдруг замер. Письмо, отправленное Уильямсу!

Когда он переправлял через посредника Джеку Андерсону похищенные из ФБР бумаги, то забыл об одной мелочи.

Нет, выследить его не могли. Это невозможно. Но все же...

9

На другой день Джордж Уильямс взял письмо и отправился на другую сторону Пенсильвания-авеню, в здание ФБР. Билл Оренберг,

Продолжение. См: «Огонек» №№ 36—38.

начальник отдела анонимных документов, сидел в длинном застекленном кабинете на пятом этаже.

— Насколько я понимаю,— сказал Билл,— мы действуем на квазиофициальном основании, что бы это, черт побери, ни значило.

Джордж улыбнулся. Воочию предстала одна из великих рекламных идей Дж. Эдгара Гувера: по коридору, глазея сквозь стекло, шла ведомая агентом группа туристов. Туристам не верилось, что перед ними рабочий кабинет. Но они видели мужчин и женщин, глядящих в микроскопы, вынимающих папки и следящих за счетчиками непонятных машин. Неподалеку от Уильямса женщина выложила на сильно освещенный стол старую коричневую шляпу, вывернула ее наизнанку и стала энергично чистить щеткой.

— Зачем это она делает?

— Собирает волосы для экспертизы,— объяснил агент туристам.— Бюро расклассифицировало волосы на триста типов, по одному волоску можно определить пол подозреваемого, возраст, расу, иногда даже национальность. И если на волосах есть какой-то жир, мы можем классифицировать и его...

Должны же туристы уйти, подумал Уильямс. И спросил Оренберга:

— Как тебе нравится работать в зоопарке?

— Мы привыкли к этому... постепенно.

— Проработай эту бумажку,— сказал Уильямс, протягивая ему письмо. Но Оренберг откинулся назад.

— Э, нет,— сказал он.— Прежде всего отпечатки пальцев. Ты уже искал их?

— Конечно. Ни единого. Этот парень — профессионал.

Оренберг сел на высокий табурет за лабораторный стол с микроскопом и другим оборудованием.

— Почему ты сказал «парень»?

— Так, по интуиции. Может, я ошибаюсь и это целая организация.

— Угу,— сказал Оренберг и посмотрел письмо на просвет.— Ну, здесь трудностей не будет.

— Почему?

— Он печатал на машинке. Более того, на одной машинке. Твоему парню не бывать анонимным убийцей.

— Если это портативная «ройял», у нас два миллиона подозреваемых.

— Письмо отпечатано на одной машинке,— сказал Оренберг. Он надел стереоскопические очки и стал изучать его.

— Строчная «м»,— сказал он.— Взгляни-ка. Сняв очки, он надел их на Уильямса. Уильямс увидел громадные увеличенные буквы, и «м» оказалась с засечкой слева, слегка размазывающей краску. Уильямс снял очки.

— Вижу.

— Дай-ка мне конверт,— сказал Оренберг.— Чтобы не совать его под валик, адрес почти всегда пишут печатными буквами. В таком случае авторы писем у нас в руках. Им не приходит в голову, что печатными буквами они заполняют девять бланков из десяти.

Уильямс улыбнулся; с Оренбергом они уже работали вместе. Подав конверт, он сказал:

— Тебе не повезло. Адрес тоже отпечатан.

Оренберг взял лупу и осмотрел клапан конверта.

— Первым делом мы ищем губную помаду. Но тут у нас мужчина или женщина, не пользующаяся косметикой.— Он засмеялся.— Ладно, давай я пропущу письмо с конвертом через свои чудовищные машины и начну сужать поле поисков.

Говоря, он пытался вытряхнуть что-нибудь из конверта.

— Никогда не знаешь, что там может случайно оказаться... ниточка, волос, иной раз даже обратный адрес.

Уильямс встал.

— Чудес я не жду, Билл. Мы уже говорили об этом раньше. Но вот одно мне нужно знать как можно скорее.

— Что же?

— Отпечатано ли письмо на казенной машинке?

В точку! Оренберг поднял взгляд на Джорджа, снова поражаясь ему. Он до сих пор помнил то убийство борца за гражданские права, когда Уильямс посоветовал ФБР соскрести грязь с внутренней поверхности крыла машины, брошенной в тысяче шестистах милях от места убийства. С помощью компьютера эксперты определили, что взятые образцы почвы характерны лишь для того района США, где было совершено преступление. Убийца был найден и сознался, после чего известность Уильямса возросла.

Теперь Оренберг понял, что Уильямс разыскивает гражданского государственного служащего, и его чудовищные машины наверняка могли помочь в этом. Если это государственный служащий, зарегистрированный во множестве мест, на его поиски уйдет всего несколько часов.

— Я смогу назвать тебе тип машинки,— сказал Оренберг,— фамилию изготовителя, год изготовления, и мы узнаем, казенная это машинка или нет. Потом я проведу анализ бумаги и конверта, они тоже могут оказаться казенного образца. И, кроме того, если удастся, тип и год выпуска ленты, может, тоже казенного образца. Еще я проверю, не использовали ранее твой приятель этот лист как подкладку и не оставил ли каких отпечатков. Этого достаточно?

— Я удовольствуюсь половиной,— с улыбкой сказал Уильямс.— Когда будут результаты, позвони мне.

— Вот что еще,— сказал Оренберг.— Если возникнут сложности с анализом бумаги, можно оторвать клочок для спектрографа?

— Один уголок,— сказал Уильямс и ушел.

Оренберг положил письмо на стекло и зажег под ним двухсотваттную лампу. Кабинет его был заставлен компьютерами, микроскопами, рентгеновскими установками, хроматографами, спектрографами, ультрафиолетовым оборудованием, всем этим он пользовался постоянно. Но больше всего полагался на собственное чутье. Зачастую первое исследование с простой лупой давало ему больше, чем вся сложная аппаратура. Вот и теперь он сразу же заметил кое-что любопытное. Последняя фамилия в списке была допечатана после остальных пяти. Качество печати было иным, и, что еще более важно, интервал был пошире. Измерительный микроскоп тут же подтвердил это. Очевидно, печатавший вынул письмо из машинки, потом вложил снова, чтобы допечатать последнюю фамилию. Действовал он почти безупречно. Почти.

Оренберг немедля стал продолжать. Он сунул клапан конверта под ультрафиолетовые лучи, край засветился голубовато-белым, и поверх голубовато-белого оказался желтый мазок. Ясно.

Оренберг сделал пометку. Автор письма открывал конверт над паром, и потребовался клей, чтобы снова заклеить его. Причина? Очевидно, автор забыл написать последнюю фамилию... или решил допечатать ее уже позже. Почему?

Оренбергу это ни о чем не говорило, но подобные ключи были нужны Уильямсу. Он взглянул на последнюю фамилию.

Роберт Уорнки.

Час спустя Оренберг сфотографировал и увеличил текст письма. Невооруженным глазом он видел, что это шрифт «цицеро», десять знаков на дюйм. И это была ручная машинка, не электрическая, с легко узнаваемым пропорциональным интервалом, каждой букве отводилось от двух до пяти единиц измерения, каждая единица 1/32 или 1/36 дюйма.

По неровной печати он также понял, что печатал не профессионал. Шрифт казался смутно знакомым, и Оренберг терялся в догадках. Он положил увеличенную фотографию на сканер компьютера, хранившего в своей памяти образцы шрифтов всех известных в стране машинок. Потом стал нажимать клавиши. Начал он с «а», «г», «т», «р» и «м», потому что их конфигурация сильно различалась в машинках разного типа.

Через несколько минут после сравнения полудюжины букв количество возможных машинок свелось к семи. Запоминающее устройство компьютера с щелканьем выбросило фотографии их шрифтов.

Оренберг снова взял лупу. Уильямс, как всегда, не ошибся в направлении поиска. Три из пяти возможных машинок были казенными. Оренберг положил анонимное письмо возле одной из фотографий и стал сличать шрифты.

Один шанс на тысячу, думал он. Один на тысячу. Но все может быть.

10

Пенсильвания-авеню, прекрасный осенний день; в «ягуаре» смеется блондинка; ветерок гонит по тротуарам вдоль больших гранитных зданий опавшие золотистые листья; весь мир сверкает, ощущая живящую октябрьскую свежесть, прохладный воздух убыстряет движение крови, и ты внезапно ощущаешь себя живым, бодрым, энергичным.

Джордж Уильямс давно не ощущал всего этого так остро из-за анонимного письма, похожего на шутку, но не бывшего шуткой; казалось бы, бессмысленного, но имевшего смысл.

Кто-то должен был погибнуть, Уильямс понимал это. Предотвратить внезапное нападение невозможно. Бывали ранены или убиты даже президенты и кандидаты на этот пост, окруженные взводами агентов секретной службы. А тут шесть человек, ежедневно бывающих на улицах без всякой охраны.

Джордж Уильямс переходил Пенсильванияавеню и не замечал наблюдавшего за ним стройного молодого человека.

Уильямс шел на встречу с директором ФБР, к которому хорошо относился. Директор сообщил, что его контактом будет Фред Джарвис.

В настоящее время, сказал директор, Джарвис просматривает досье на всех, указанных в списке, и на всякий случай компьютерные данные НИЦ. Уильямсу было сказано, что эти начальные поиски должны храниться в секрете. Главным образом потому, что директор утверждал, будто в ФБР нет никаких досье.

Но от Уильямса трудно было отделаться шутками.

— Мое досье можете держать в секрете, но я должен видеть остальные. Там должна быть какая-то связь.

— Ее-то мы и хотим найти,— сказал директор.— Дайте нам хотя бы день.

— А если сегодня ночью кто-нибудь погибнет?

— Думаете, опасность так близка?

Уильямс поглядел на него.

— Эта угроза не шантаж ради выкупа. Поэтому она втройне опасна. У этого человека лишь одна цель.

— Какая же?

— Он намерен всех убить!

11

Окинава, 13 августа 1945 года. Офицеры ТДК-848 [1] были злы. Весь день корабль был пришвартован к «Пенсильвании», линкору, накануне подбитому камикадзе, теперь его борт возвышался над водой лишь на фут. Но повреждение было исправлено, и ТДК было поручено снять с линкора боеприпасы во избежание опасности взрыва.

ТДК-848 был одним из крупнейших десантных кораблей времен второй мировой войны. Он прибыл на Окинаву как ТДК(с), это обозначение указывало, что корабль предназначен для эвакуации раненых. На борту находилась группа армейских и флотских врачей и десятки фельдшеров, их задачей было доставлять с берега наиболее тяжелораненых и оперировать их в кубриках на импровизированных столах.

Наряду с медперсоналом ТДК были приданы две баржи, пришвартованные с правого и левого бортов; ТДПС [2], стоящее на главной палубе; танковая палуба была заполнена амфибиями, именуемыми ДГА-3 [3], и на борту находились офицеры и солдаты первой дивизии морской пехоты.

1 апреля, когда началась высадка на Окинаву, ДГА выезжали из низкого люка на танковой палубе, сперва они полностью выгрузились, потом просто держались на плаву, вспенивая воду, а затем растянулись широким фронтом и устремились к берегу. Пришвартованные с обоих бортов баржи были освобождены и скрылись с громким плеском, а потом всплыли. На них сошла с ТДК команда саперов, и вскоре уже баржи доставляли грузы на бе-

[1] Транспортно-десантный корабль.
[2] Танко-десантное плавучее судно.
[3] Десантная гусеничная автомашина.

рег. Потом ТДК перегружал балласт в трюмах, пока крен на правый борт не достиг сорока пяти градусов. Тросы, удерживающие ТДПС, были срезаны, судно медленно сползло в море и стало одним из многочисленных десантных транспортов.

Примерно через полчаса на борт стали поступать первые раненые. В мае корабль был ими забит, по сотне и больше человек зараз бывало пристегнуто к столам на танковой палубе, а в кубриках молодые врачи уверенно, профессионально делали сложные операции.

Что помнилось лейтенанту Питу Шовайса? Он вспоминал лежавшего на столе крепкого мужчину с шрапнельными ранами от взрыва противопехотной мины и незрячими глазами. Шовайса случайно оказался рядом, когда этот человек говорил: «Доктор, я ничего не вижу. Я знаю, это слепота, но вернется ли ко мне зрение?» Проходивший мимо врач сказал: «Конечно. Это просто шок».

«Слава богу»,— сказал раненый. Но, взглянув на врача, Шовайса понял, что это ложь. И не мог больше смотреть на раненого, тот лежал с обнаженной белой грудью, невидящие глаза глядели с надеждой, сердце наверняка бешено колотилось от страха, он думал, что доктор лжет, знал, что лжет, и надеялся, что говорит правду. Он не мог ослепнуть!

Шовайса не забыл ни лица того человека, ни часто дышавшего парня с виду моложе всех остальных. Шовайса остановился у его стола, лишь у одного из десятков лежащих на танковой палубе, вывезенных с острова в никуда. И спросил шепотом другого врача:

— Как его дела, док?

— Его? — громко ответил врач.— Ему осталось всего несколько минут.

«Тише! Услышит!» — хотелось крикнуть Питу Шовайса. Но врач ушел, и Шовайса остался с обреченным вот-вот умереть у него на глазах. Он видел, что раненый дышит. Неужели это возможно? Легкие работали, раненый был жив и даже не ощущал боли. Его юношеский профиль был спокоен. Это мрачная шутка, подумал Шовайса, многие врачи шутят так с экипажем, чтобы не сойти с ума.

Потом парень умер. Внезапно. Просто перестал дышать. Ни хрипа. Ни конвульсий. Ни последнего стона. Он лежал еще теплый, так близко, что Шовайса мог бы коснуться его рукой.

Почему именно эта смерть из многих так потрясла его? Может, он начинал сходить с ума? Долгие месяцы на корабле с ранеными и умирающими привели его на грань безумия.

Потом это кончилось; корабль был официально превращен в транспорт боеприпасов и отправлен на Гуам за несколькими тоннами патронов. Японцы под Нахой упорно сопротивлялись. Врачи и фельдшера покинули корабль, танковая палуба была тщательно отмыта и выкрашена, и ТДК отплыл на Гуам с красным вымпелом, отпугивая все корабли, потому что любая случайность — упавший ящик боеприпасов, нечаянный огонек, ракета с другого корабля, удачливый камикадзе — могла превратить их в обломки.

Они выполнили это задание и 13 августа готовились отдохнуть. Над Хиросимой и Нагасаки взорвались атомные бомбы; японцы вели через швейцарское посольство переговоры о мире, война была окончена. Прошлой ночью, очевидно, уже последний японский фанатик спикировал навстречу огненной смерти на палубу «Пенсильвании».

Приказ отойти от линкора и пройти полмили до стоянки у входа в бухту Бакнера разозлил офицеров ТДК. Как обычно, транспорт боеприпасов был прокаженным, содержащимся в изоляции от остального флота.

Целый час ушел на то, чтобы назначить специальный наряд, прогреть двигатели, отплыть к новой стоянке и наконец бросить якорь у буев при входе в бухту. Ненужная работа. Война была окончена. Дипломаты в это время уже составляли каблограмму о капитуляции.

Когда стало смеркаться, офицеры собрались на обед в кают-компании, и, едва сели, раздался сильный взрыв.

Служащим на транспорте боеприпасов звук взрыва раздирает сердце. Через несколько секунд они неслись по трапам к мостику; зазвучал сигнал общей тревоги. Шовайса поднялся на палубу и увидел десантный транспорт, очевидно, только что подошедший и вставший на якорь возле них с правого борта. Камикадзе спикировал на него, пробил мостик и офицерские каюты, бомбы его взорвались, и транспорт был охвачен пламенем.

Ну и ну! Потом лейтенант Пит Шовайса услышал еще один звук, от которого замерло сердце. Сверху слева раздавался завывающий гул другого камикадзе. Он шел над левым бортом ТДК, готовясь к развороту для пикирования. Чтобы покончить с горящим транспортом? Или поразить оставшийся ТДК? Если летчик-камикадзе разглядел красный вымпел, он, несомненно, спикирует на транспорт боеприпасов.

Шовайса услышал в наушниках команду артиллерийского офицера расчету носового сорокамиллиметрового орудия. Но было поздно! Времени прицелиться уже не оставалось. Камикадзе с ревом несся вниз, прямо на них, беcприцельная очередь трассирующих снарядов с корабля проходила в нескольких ярдах от самолета. Двести футов, самолет неуклонно приближался; одномоторный моноплан с ревом несся на транспорт боеприпасов. Сто футов, он приближался, и артиллеристы не могли в него попасть!

И тут летчик сделал нечто необъяснимое; он свернул, врезался в воду и нашел смерть между горящим транспортом и ТДК. Почему? Он не промахнулся. Что заставило его изменить намерение?

Потом Шовайсу отправили в шлюпке на горящий транспорт предложить помощь, если в ней была необходимость. Пожар успешно гасили. Лейтенант пошел к пострадавшим каютам в сопровождении офицера, который чуть не плакал:

— Убил одиннадцать офицеров! Одиннадцать! А ведь эта растреклятая война окончена!

Тело японского летчика было извлечено; его нашли в машинном отделении вместе с обтекателем самолета. Шовайса прошел по обгоревшим каютам и там, в маленьком отсеке, прочел — не смог удержаться — недописанное письмо. Летчик-самоубийца оборвал жизнь офицера, когда он писал жене.

В письме было поздравление с рождением сына, Аллена Лоуэлла, и просьба поскорее прислать его фотографию. «У меня большие планы для этого мальчика»,— писал офицер.

12

Из дневника Аллена Лоуэлла... запись от 26/X—1973 г.

«Пять вечера. Нужно как-то провести семь часов. Последний час провел, перечитывая любимое стихотворение ДжФК:

Возможно, за руку возьмет она меня
И уведет в свой мир, где не бывает дня,
Глаза закроет и лишит дыханья...

Но в полночь Смертью мне назначено свиданье
В одном из городов, охваченных огнем...
Я слову данному еще не изменял
И на свидание явлюсь, как обещал.

Я позвоню Медуику ровно в полночь. Через два часа он будет убит, притом таким способом, что Уильямс обалдеет.

Я осеняю себя крестным знамением. И клянусь перед богом, что замышленное мною — не зло.

Я клянусь перед богом, что замышленное мною — не зло.

КЛЯНУСЬ ПЕРЕД БОГОМ, ЧТО ЗАМЫШЛЕННОЕ МНОЮ—НЕ ЗЛО.

Но они должны поплатиться».

13

Томас Медуик глядел на высокого худощавого человека в строгом, хорошо сшитом костюме с жилетом. Это был Джордж Уильямс; одежда его словно бы гласила: «Министерство юстиции». Но голубые глаза — нет, они не были мутными от сотен судебных дел. Глубоко сидящие под густыми бровями, они скорее напоминали лазеры и насквозь пронизывали Медуика, сидящего в гостиной своего колониального особняка в городке Маклин, штат Виргиния, и пытавшегося скрыть страх. Пропавшие досье сводили его с ума!

— Я не вражеский агент, мистер Уильямс,— сказал он.

— Дело касается не внутренней безопасности,— ответил Уильямс.— Меня интересует, получали вы недавно какое-нибудь анонимное письмо?

Медуик задумался. «Интернейшнл дайнемикс»? Не иначе!

— Мне приходит много писем от избирателей. Среди них, должно быть, есть и анонимные.

— Это письмо вы запомнили бы. В нем угроза убийства.

Медуик впервые за весь день почувствовал облегчение. Черт побери, что все это значит? Он улыбнулся.

— Угрозы я тоже получаю ежедневно, мистер Уильямс.

— Боюсь, вы не представляете, насколько это серьезно. Ваша фамилия есть в анонимной угрозе смертью. Министерство юстиции убеждено, что угроза реальна.

— Вот как? — сказал Медуик.— А с чем она связана?

— В письме говорится, что с десятой годовщиной гибели Кеннеди.

— Но я даже не знал Кеннеди!

Не сводя голубых глаз с Медуика, Уильямс спросил:

— Знаете вы кого-нибудь из остальных: Джеймса Карсона, Стефани Сполдинг, Роберта Уорнки, Эверетта Меллона?

Вошла жена Медуика, хорошенькая блондинка в облегающих брюках и зеленом свитере.

— Привет, мальчики,— сказала она.

Медуик представил ее гостю.

— У вас такой хмурый вид, мистер Уильямс,— сказала она.— Не хотите ли выпить? Бар Медуика славится.

Уильямс улыбнулся.

— Шотландское с содовой разгонит мою хмурость.

Миссис Медуик повернулась к мужу.

— Где ты его прятал? Такой замечательный человек.

— Оставь, Мери,— сказал Медуик.— Это не потенциальный избиратель.

Она засмеялась, вышла и вскоре принесла выпивку. Поднос с бутылкой, ведерком льда и содовой она поставила на стол перед ними.

— Мы не можем взять в дом служанку,— сказала она,— потому что Томас не ворует. Я давно упрашиваю его делать, как все.

«Черт побери! — подумал Медуик.— Нашла время умничать». И поспешил увести ее из комнаты.

— Такие вот замечания,— сказал он, возвратясь,— и положат конец феминистскому движению. Обратно на кухню, на коленях, вот как я считаю.

— Что же с этими фамилиями? — спросил Уильямс.

— Я пытался вспомнить. Никого из этих людей я не знал, кроме Стефани Сполдинг. Но даже ее толком не помню.

Уильямс спокойно отхлебнул виски. Он знал наверняка одно. Медуик — мошенник. Но сейчас главным было не это.

— Все они,— сказал Уильямс,— и еще я упомянут в этом письме.

— Да бросьте вы.

— Вот ксерокопия письма.— Уильямс протянул ее Медуику, тот разглядывал копию несколько минут, потом вернул.

— Невероятно. Бессмысленно. Какое отношение имею я к Кеннеди?

— Вот и давайте поговорим об этом.

— Но что...

— Мистер Медуик, между нами шестерыми существует какая-то связь. Фамилии эти не случайны; проверка показала, что все шестеро из намеченных жертв работали в администрации Кеннеди, но лишь на самых низких должностях. Никто не был значительным ни в каком смысле. И все же.

— Чего вы от меня ждете?

— Расскажите своими словами, что вы делали при Кеннеди; кто ввел вас в правительство; почему вы занялись политической деятельностью; все, что сможете припомнить, что может иметь отношение к угрозе смертью более чем десять лет спустя. Помогите мне найти эту связь...

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

в мире мудрых мыслей

СЛОВЕСНЫЕ «БРИЛЛИАНТИКИ»

Выдающийся русский историк Василий Осипович Ключевский являлся подлинным художником живого, острого слова.

Отдельные лаконичные записи ученого отражают его раздумья над проблемами истории, морали, вопросами текущей политики, литературы и искусства, бытовыми темами. Миниатюры Ключевского написаны с редким изяществом и простотой. Автор любовно называл их «Мои бриллиантики».

Историк не печатал свои афористические миниатюры. Они стали известны лишь в сравнительно недавнее время благодаря публикациям сотрудников Института истории Академии наук СССР.

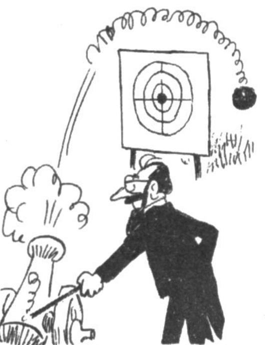
Н. ДНЕПРОВ

●

Бездарные люди — обыкновенно самые требовательные критики; не будучи в состоянии сделать простейшее из возможного и не зная, что и как делается, они требуют от других совсем невозможного.

Бесцельным надо признать не только то, что не достигает цели, но и то, что хватает через цель.

Блестящее перо и светлая мысль — не одно и то же.

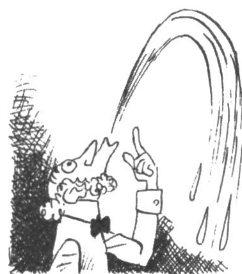
Добрый человек не тот, кто умеет делать добро, а тот, кто не умеет делать зла.

Достойный человек не тот, у кого нет недостатков, а тот, у кого есть достоинства.

Есть люди, у которых язык умнее их самих.

Красивые женщины в старости бывают очень глупы только потому, что в молодости были очень красивы.

Люди, которые легко говорят, обыкновенно трудно понимают.

Самый веселый смех — это смеяться над теми, кто смеется над тобой.

Справедливость — доблесть избранных натур, правдивость — долг каждого порядочного человека.

Старость для человека, что пыль для платья — выводит наружу все пятна характера.

бывает и такое

ССОРА

А. ТРАПЕЗНИКОВ РАССКАЗ

Стояли две дачи. Соседи жили приветливо, можно сказать, дружно...

Около дома Юрия Юрьевича валялась старая, сломанная швейная машинка фирмы «Зингер», выброшенная его женой год назад. Жена Василия Кузьмича как-то подобрала ее и приволокла к себе домой...

— Попробуй, может, починишь, — сказала она мужу.

Василий Кузьмич, мастер на все руки, починил развалюху. Заработала она как новенькая. Однажды жена Юрия Юрьевича увидала у них эту машинку, и легкая тень подозрения скользнула по ее лицу.

— А что это у вас? — спросила она.

— А зингеровская машинка, — радостно ответила жена Василия Кузьмича. — Валялась тут неподалеку, кто-то выбросил сообразил.

— Не сообразил, а поставил проветривать, — сказала жена Юрия Юрьевича. — Это я поставила около дома, пусть, думаю, постоит, потом в ремонт снесу.

— Как же, поставили, — сказала жена Василия Кузьмича. — Валялась она на боку.

— Значит, ветром сдуло, — сказала жена Юрия Юрьевича. — А может, кто ее и положил набок перед тем, как взять. Моя это машинка.

— Как же! — сказала хозяйка дачи. — Была ваша — стала наша. Раз валяется — значит ничья.

— У меня в саду много чего валяется, так что ж, все тащить можно?

— Ах, так?

— Да, так!

— Хорошо же...

На том расставшись, в тот же час сообщили о разговоре своим мужьям. Василий Кузьмич и Юрий Юрьевич, не сговариваясь, махнули рукой: разбирайтесь, мол, сами. Но в конце концов, как это часто и бывает, жены добились своего — мужья перестали разговаривать друг с другом, а при встрече торопливо отводили глаза и сворачивали в сторону.

Что касается жен, то они перешли ко второй стадии развития боевых действий.

Жена Юрия Юрьевича оборвала всю вишню, свисавшую в ее сад с дерева соседей. Жена Василия Кузьмича, пользуясь тем, что их участок был несколько повыше, оставляла шланг с водой в направлении главного удара — соседского огорода, затопляя вражескую спаржу и огурцы. В ответ жена Юрия Юрьевича стала опылять крапиву на границе с соседями каким-то очень едким раствором, отчего вблизи растущий крыжовник стал напоминать по цвету стригущий лишай. Жена Василия Кузьмича, изловчившись, дала такой напор воды, что огород буквально поплыл в сторону дома.

Вскоре сиамский кот из окружения жены Юрия Юрьевича проник ночью в курятник соседей, наделав там переполох, после чего куры перестали нестись. Была ли это личная инициатива кота — неизвестно, но он был награжден миской сметаны. На следующую ночь в курятнике на кота был поставлен капкан, в который к утру попал единственный петух, скончавшийся на месте от разрыва сердца. Это была первая жертва, похороненная со всеми почестями.

— Я вашего кота изловлю, так и знай! — говорила через забор жена Василия Кузьмича, горячо переживавшая смерть своего любимца. — Он у меня на шапку пойдет.

— Ой, ой, — говорила жена Юрия Юрьевича. — У меня от вас уши болят...

— Скажите, пожалуйста, ухи у ей болят! Жалко, достать не могу, полечила бы...

— Спекулянты куриные!

Через минуту в ответ неслось громкое стрекотание швейной машинки.

Мужья ходили понурые, глядя себе под ноги, лишь изредка бросая взгляд в направлении соседской дачи.

Но в один из вечеров чаша терпения переполнилась.

Василий Кузьмич сидел на кухне и чинил будильник. Жена поставила перед ним стеклянную банку, крепко закупоренную.

— Вот, — с гордостью сказала она. — Еле достала.

— Что это? — спросил муж.

— Смородинная тля, — ответила жена. — За месяц все кусты сжирает. Понял?

— Понял, — как-то странно сказал Василий Кузьмич и, посмотрев на жену, положил банку в карман.

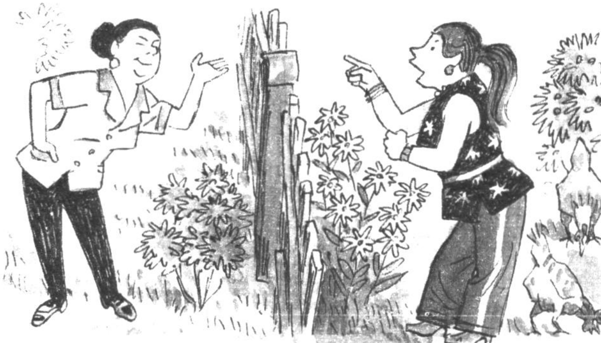
— Только ночью надо, — предупредила жена. — Ночью, когда заснут.

Муж ничего не ответил и, выйдя из дома, пошел за околицу. В том же направлении двигался и Юрий Юрьевич. Только что жена положила перед ним заявление в милицию на соседей, где на пяти машинописных листах описывались их нравственные, служебные и уголовные преступления. Заявление лежало в его кармане.

О чем они говорили, встретившись у заросшего пруда, — не знает никто. Но только через день злополучная машинка сломалась. Вылетела из нее какая-то важная деталь. И даже Василий Кузьмич, несмотря на свои золотые руки, не смог ее починить. Целый месяц она стояла в комнате, мешая проходу, пока однажды хозяйка не вынесла ее вон.

А как-то ночью проклятая машинка вообще исчезла бесследно.

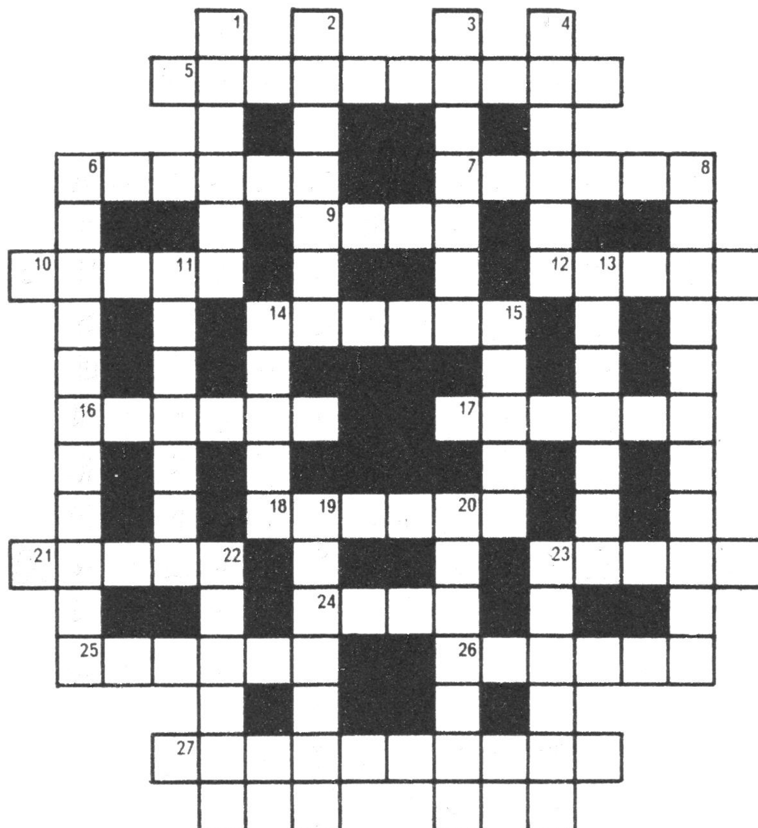
Правда, говорили, что кто-то видел, как двое мужчин при лунном серебристом свете волокли ее к заросшему пруду за околицей, в который она и погрузилась с ворчливым хлюпаньем. Говорят также, что недели через две видели и сиамского кота, спокойно разгуливающего по участку Василия Кузьмича и даже трущегося о ногу его жены.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Композитор, музыковед, народный артист СССР. 6. Призыв. 7. Спортивное оружие. 9. Река в Закавказье. 10. Рама, приспособление в литейном производстве. 12. Городской сад. 14. Охотничья собака. 16. Приток Днепра. 17. Крестьянка, героиня Отечественной войны 1812 года. 18. Химический элемент, металл. 21. Горный курорт в Узбекистане. 23. Промысловая тихоокеанская рыба. 24. Подъемник. 25. Жилище оленеводов. 26. Народный художник СССР. 27. Темп в музыке.

По вертикали: 1. Областной центр в РСФСР. 2. Озеро в Якутии. 3. Комический номер в цирке, на эстраде. 4. Крупное войсковое соединение. 6. Балерина, народная артистка СССР. 8. Академик, трижды Герой Социалистического Труда. 11. Птица семейства ибисов. 13. Уборочная сельскохозяйственная машина. 14. Русский писатель. 15. Часть электромашины. 19. Народный танец кабардинцев и адыгейцев. 20. Розыгрыш вещей и денежных сумм. 22. Повесть Н. В. Гоголя. 23. Канат для управления парусами.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 38

По горизонтали: 1. Целлюлоза. 6. Акцент. 7. Капуас. 9. Стадо. 10. Соло. 12. Писарев. 16. Пакт. 17. Лиственница. 18. «Заря». 19. Альпака. 21. Русе. 24. Битюг. 26. Яблоко. 27. Урожай. 28. Терракота.

По вертикали: 1. «Цветы». 2. Лутс. 3. Юрмала. 4. Очко. 5. Ампер. 6. Автобиография. 8. Смоктуновский. 11. Одиллия. 12. Просека. 13. Словарь. 14. Роднина. 15. Визитка. 16. Пифагор. 20. Патока. 22. Офорт. 23. «Гроза». 24. Бобр. 25. Гуно.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Наташа Повергун, художник-исполнитель Ноглинского сувенирного цеха. (См. в номере материал «Хождение за три моря».)

Фото В. КУЗНЕЦОВА и Л. ШЕРСТЕННИКОВА

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

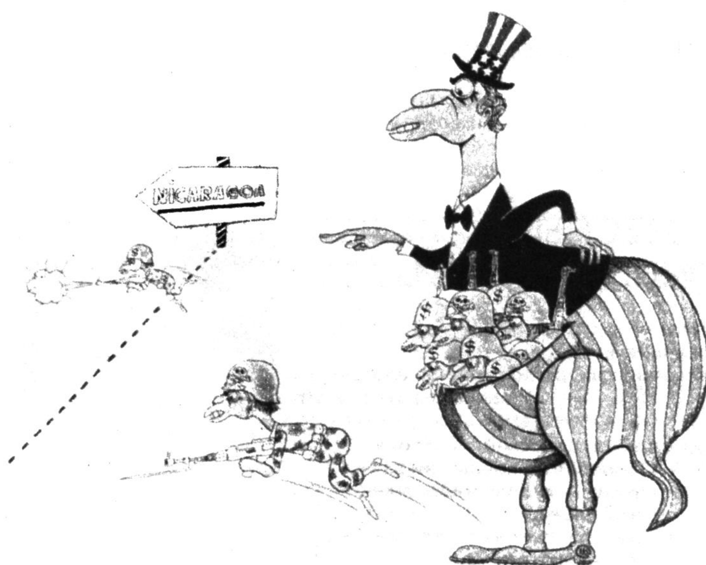
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление Н. И. БУДКИНОЙ.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 02.09.85. Подписано к печати 18.09.85. А 00397. Формат 70 × 108$^{1}/_{8}$. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 510 000 экз. Изд. № 2421. Заказ № 1325.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

1.

«НЕТ» — ВОЙНЕ!

Демонстрациями и шествиями, походами и маршами действует на планете все время расширяющийся фронт борьбы за мир. Его передовые линии проходят по улицам и площадям городов, через трибуны международных конгрессов и кабинеты министров, блокируют империалистические ракетные базы. Они пролегают через страницы газет и экраны телевизоров, рупоры радиостанций и залы художественных выставок.

С мощной волной в защиту безопасности и мирного сотрудничества народов все больше вынуждены считаться оголтелые авантюристы, мечтающие о «звездных войнах». Зарвавшиеся «крестоносцы» избегают открытого декларирования своих претензий на глобальное военное превосходство, пытаются замаскировать их фальшивыми разглагольствованиями о своем «миролюбии», «гуманности», заботой о «правах человека».

Вот тут и вступает в действие сатирическое искусство социалистических стран и прогрессивных карикатуристов всего мира, нацеленное на то, чтобы сорвать эти личины, разоблачить их и высмеять.

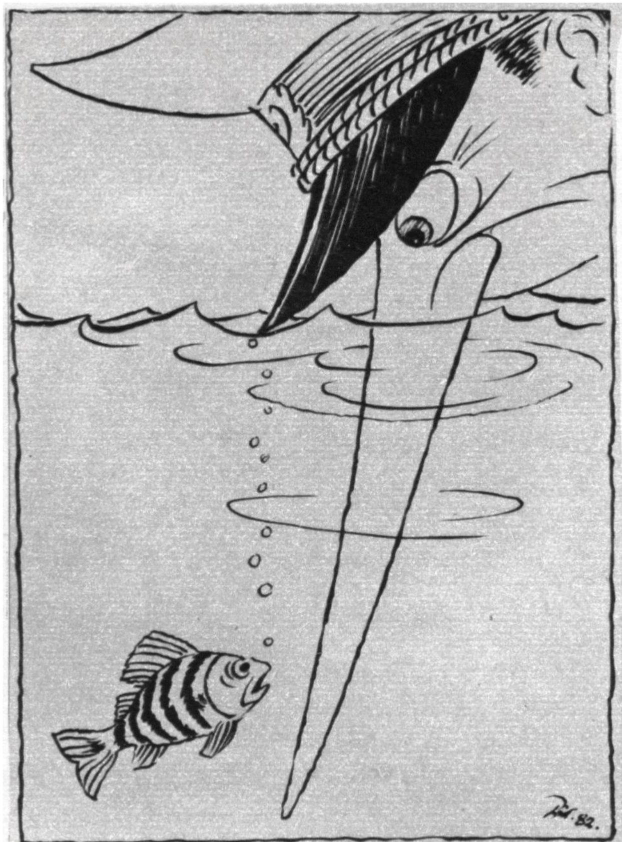
Так оружие сатиры вносит свой вклад в дело борьбы за мир, становится одним из боевых участков антивоенного фронта.

Все громче звучит голос «сатирической музы» в напряженной и тревожной обстановке сегодняшнего дня.

Четыре международные выставки «Сатира в борьбе за мир», показанные в залах Академии художеств СССР, стали боевыми смотрами художников политической графики, чье творчество обращено в защиту мира.

На различных меридианах живут и работают авторы представленных сегодня произведений, говорят они на разных языках, но их объединила и спаяла общая идея: в любом листе, в каждом рисунке мы читаем категорическое **«НЕТ»** — войне, решительное **«ДА»** — миру и жизни.

Бор. ЕФИМОВ,
народный художник СССР, академик

2.

1. **Чань Куэт Тханг (Вьетнам).** КЕНГУРУ США.

2. **Херлуф Бидструп (Дания).** В ПОИСКАХ СОВЕТСКИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК.

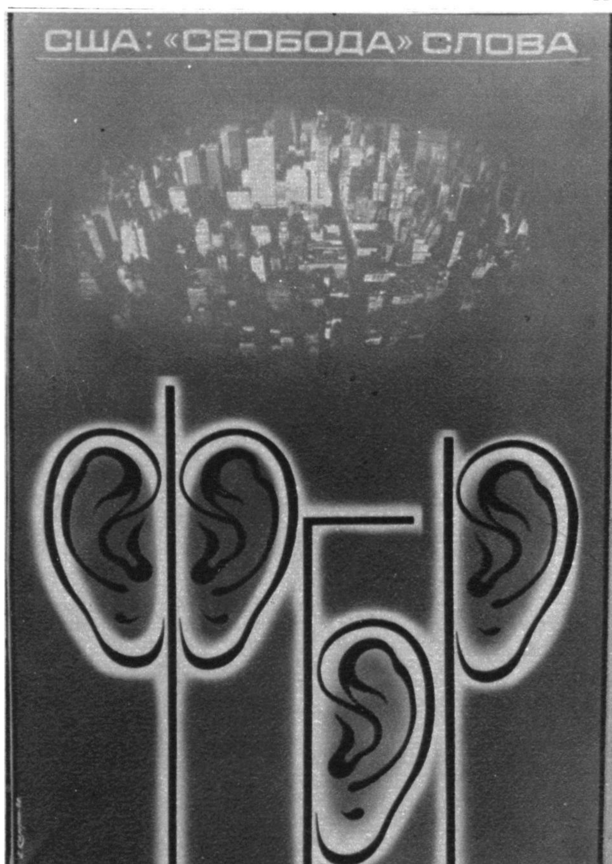
3. **Цэвэнгин Байды (Монголия).** ЯДОВИТЫЕ РУКИ ВАШИНГТОНА.

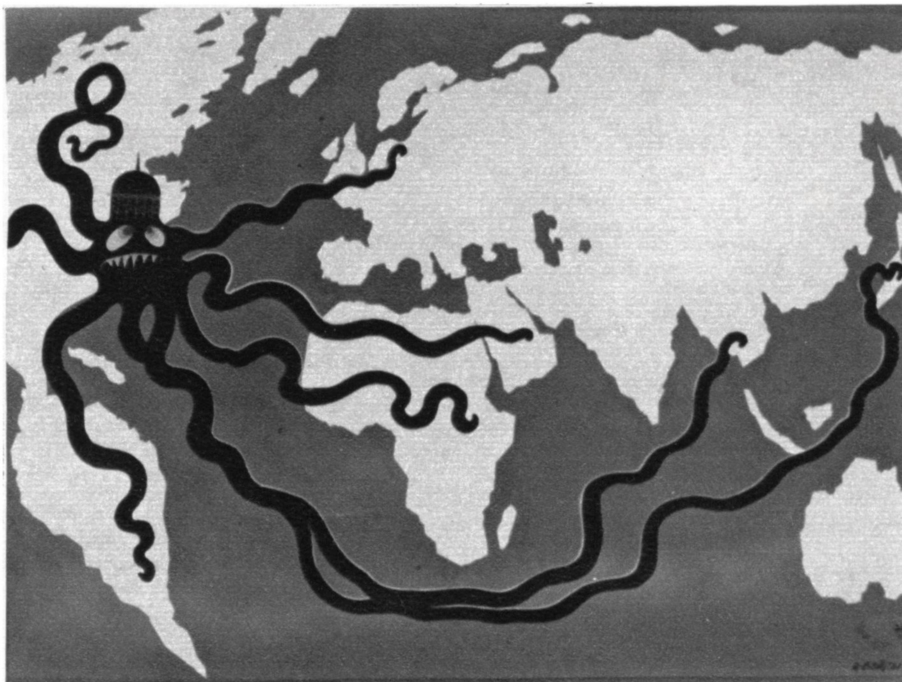
4. **Е. Каждан (СССР).** США: «СВОБОДА» СЛОВА.

5. **Кукрыниксы (СССР).** ЕДИНОДУШИЕ ПО-НАТОВСКИ.

6. **Альберто Белтран (Мексика).** СИМУЛЯЦИЯ.

4.

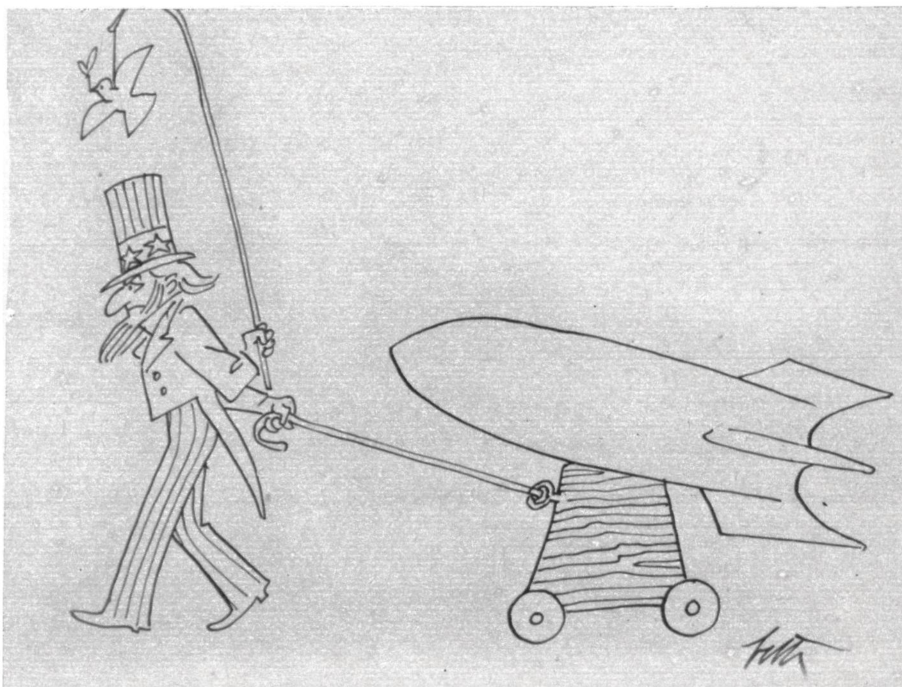

3.

5.

6.

ОГОНЁК 1986

Предстоящий год будет годом особым, знаменательным. Он станет первым годом двенадцатой пятилетки, началом выполнения советским народом предначертаний XXVII съезда партии. Нашим замечательным людям, их трудовым свершениям, успехам в науке и культуре, в техническом прогрессе, развитию нашей социалистической демократии, проблемам становления человеческой личности, будням защитников Отечества и мира на Земле будут посвящены очерки, статьи, заметки, фотоматериалы журнала.

Свои новые произведения представят журналу известные и молодые талантливые писатели, поэты, критики, публицисты.

Журнал по-прежнему будет знакомить читателя с шедеврами живописи, ваяния, архитектуры, музыки, театра и кино. Мастера культуры и ученые, педагоги и специалисты других отраслей знаний ответят на ваши вопросы. На наших обложках и вкладках читатели встретятся с героями трудовых будней, популярными артистами, ведущими спортсменами.

Вы сможете найти в журнале и остропроблемные материалы из разных сфер нашей жизни:

— быта, торговли, семьи и школы, организации досуга;

— охраны природы и здоровья человека;

— спорта, туризма и физической культуры.

Как и прежде, в журнале найдут свое достойное место письма читателей.

«Огонек» будет рассказывать о делах и заботах, раздумьях и интересах молодого поколения.

«Огонек» проведет за кулисы международных событий в материалах известных международников, расскажет и покажет, как люди Земли борются за мир на планете.

Цена номера 40 коп.
Индекс 70663
ISSN 0131—0097